

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ
АКАДЕМИЯ
ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

РАНХиГС НОВОСИБИРСК

СИБИРЬ

ГУМАНИТАРНАЯ

Siberia humanitaria

2024 №3 (7)

ISSN 2949-1568

SIBERIA HUMANITARIAN

Quarterly scientific-practical journal

2024

№ 3 (7)

Founded
in 2022

EDITORIAL BOARD

Vladimir E. Zubov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Russia, Novosibirsk
Yuri P. Ivonin, Doctor of Philosophy, Professor, Russia, Novosibirsk
Anna A. Izgarskaya, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Russia, Novosibirsk
Tatiana S. Ilarionova, Doctor of Philosophy, Professor, Russia, Moscow
Elena V. Kiseleva, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Russia, Novosibirsk
Dmitry A. Mikhailov, Candidate of Historical Sciences, Russia, Novosibirsk
Vladimir P. Motrevich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Russia, Yekaterinburg
Türkan Olcay, Doctor of philological sciences, professor, Republic of Turkey, Istanbul
Valentina S. Pel, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Russia, Novosibirsk
Dmitry A. Savchenko, Doctor of Law, Associate Professor, Russia, Novosibirsk
Alexander S. Smykalin, Doctor of Law, Professor, Russia, Ekaterinburg
Marina Yu. Sorokina, Candidate of Historical Sciences, Russia, Moscow
Elena E. Tikhomirova, Candidate of Cultural Studies, Associate Professor, Russia, Novosibirsk
Oleg D. Fedorov, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Russia, St. Petersburg
Boris L. Khavkin, Doctor of Historical Sciences, Professor, Russia, Moscow
Denis V. Chernov, Candidate of Historical Sciences, Russia, Novosibirsk
Marina V. Shakurova, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Russia, Voronezh

EDITION

Editor in Chief *Natalia M. Markdorf*, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor
Deputy Editor in Chief *Elena A. Belaya*, Candidate of Pedagogical Sciences
Executive Secretary *S.M. Koba*
Editors: *N.A. Zolotenina*, *N.A. Vnukova*
Technical Editor *O.A. Gladunova*

Editorial office address: Nizhegorodskaya street, 6, Novosibirsk, 630102. Tel. +7 (383) 373-13-24, sib.gum@siu.ranepa.ru

Founder — Federal State-funded Educational Institution of Higher Education “Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration”

The mass media registration certificate *III № ФС77-83738 dated August 5, 2022*, issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor).

The point of view of the editorial board may not coincide with the point of view of the authors.

Link to the journal “Siberia Humanitarian” is mandatory when materials are used.

A photo of Aram Grigoryan’s sculpture was used for the cover (taken from open sources).

Release date 21.10.2024. OCE print. Format 70’ 108 1/16. Conventional printed sheet 10,5. Publisher’s signature 11,4. Edition of 500 copies. Order 17.

SibAGS Publishing House. Nizhegorodskaya street, 6, Novosibirsk, 630102.

Printed on the printing facility of the Siberian Institute of Management — a branch of RANEPa. Nizhegorodskaya street, 6, Novosibirsk, 630102.

Subscription price 180.

© Siberian Institute of Management — branch of RANEPa

СИБИРЬ

ГУМАНИТАРНАЯ

Ежеквартальный научно-практический журнал

2024

№ 3 (7)

Основан
в 2022 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Зубов Владимир Евгеньевич, кандидат исторических наук, доцент, Россия, Новосибирск
Ивонин Юрий Перфильевич, доктор философских наук, профессор, Россия, Новосибирск
Изгарская Анна Анатольевна, доктор философских наук, доцент, Россия, Новосибирск
Иларионова Татьяна Семеновна, доктор философских наук, профессор, Россия, Москва
Киселева Елена Васильевна, доктор педагогических наук, доцент, Россия, Новосибирск
Михайлов Дмитрий Алексеевич, кандидат исторических наук, Россия, Новосибирск
Мотревич Владимир Павлович, доктор исторических наук, профессор, Россия, Екатеринбург
Олджай Тюркан, доктор филологических наук, профессор, Турецкая Республика, Стамбул
Пель Валентина Степановна, кандидат педагогических наук, доцент, Россия, Новосибирск
Савченко Дмитрий Александрович, доктор юридических наук, доцент, Россия, Новосибирск
Смыкалин Александр Сергеевич, доктор юридических наук, профессор, Россия, Екатеринбург
Сорокина Марина Юрьевна, кандидат исторических наук, Россия, Москва
Тихомирова Елена Евгеньевна, кандидат культурологии, доцент, Россия, Новосибирск
Федоров Олег Дмитриевич, доктор педагогических наук, доцент, Россия, Санкт-Петербург
Хавкин Борис Львович, доктор исторических наук, профессор, Россия, Москва
Чернов Денис Владимирович, кандидат исторических наук, Россия, Новосибирск
Шакурова Марина Викторовна, доктор педагогических наук, профессор, Россия, Воронеж

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор *Наталья Михайловна Маркдорф*, доктор исторических наук, доцент
Зам. главного редактора *Елена Александровна Беляя*, кандидат педагогических наук
Ответственный секретарь *С. М. Коба*
Редакторы: *Н. А. Золотенина*, *Н. А. Внукова*
Технический редактор *О. А. Гладунова*

Адрес редакции: 630102, г. Новосибирск, ул. Нижегородская, 6. Тел. +7 (383) 373-13-24, sib.gum@siu.ranepa.ru

Учредитель — ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

Свидетельство о регистрации средства массовой информации *ПИ № ФС77-83738 от 5 августа 2022 г.*, выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Точка зрения редакционной коллегии может не совпадать с точкой зрения авторов.
При использовании материалов журнала «Сибирь гуманитарная» ссылка на журнал обязательна.
Для обложки использовано фото скульптуры Арама Григоряна (взято из открытых источников).

Дата выхода в свет 21.10.2024. Печать ОСЕ. Формат 70 × 108 1/16. Усл. п. л. 10,5. Уч.-изд. л. 11,4. Тираж 500 экз. Заказ 17.

Издательство СибАГС, 630102, г. Новосибирск, ул. Нижегородская, 6.
Отпечатано на полиграфической базе Сибирского института управления — филиала РАНХиГС. 630102, г. Новосибирск, ул. Нижегородская, 6.

Цена по подписке 180 руб.

© Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС

EDITORIAL COUNCIL

Maria A. Abramova

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Russia, Novosibirsk

Marina N. Wolf

Doctor of Philosophy, Professor, Russia, Novosibirsk

Arkady A. Herman

Doctor of Historical Sciences, Professor, Russia, Saratov

Victor Denninghaus

Doctor of Historical Sciences, Professor, Germany, Lüneburg

Olga V. Zinevich

Doctor of Philosophy, Professor, Russia, Novosibirsk

Stefan Karner

Doctor of Historical Sciences, Professor, Austria, Graz

Viktor M. Kirillov

Doctor of Historical Sciences, Professor, Russia, Nizhny Tagil

Anatoly S. Kolesnikov

Doctor of Philosophy, Professor, Russia, St. Petersburg

Anatoly G. Kosichenko

Doctor of Philosophy, Professor, Kazakhstan, Almaty

Nikolay I. Krasniakov

Doctor of Law, Associate Professor, Russia, Novosibirsk

Gulnara M. Mendikulova

Doctor of Historical Sciences, Professor, Kazakhstan, Almaty

Igor V. Poberezhnikov

Doctor of Historical Sciences, Professor, Russia, Ekaterinburg

Alexander M. Sidorkin

PhD, Professor, USA, Sacramento

Tatiana B. Smirnova

Doctor of Historical Sciences, Professor, Russia, Omsk

Gulnaz K. Tleuzhanova

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Kazakhstan, Karaganda

Dmitry A. Funk

Doctor of Historical Sciences, Professor, Russia, Moscow

Lazar S. Heifets

Doctor of Historical Sciences, Professor, Russia, St. Petersburg

Irina V. Cherkazyanova

Doctor of Historical Sciences, Russia, St. Petersburg

Alexey A. Chernobrov

Doctor of Philology, Professor, Russia, Novosibirsk

Lubinka Shkodric

PhD, Doctor of History, Serbia, Belgrade

Irina I. Shulga

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Russia, Novosibirsk

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Абрамова Мария Алексеевна

доктор педагогических наук, профессор, Россия, Новосибирск

Вольф Марина Николаевна

доктор философских наук, профессор, Россия, Новосибирск

Герман Аркадий Адольфович

доктор исторических наук, профессор, Россия, Саратов

Дёнингхаус Виктор

доктор исторических наук, профессор, Германия, Люнебург

Зиневич Ольга Владимировна

доктор философских наук, профессор, Россия, Новосибирск

Карнер Стефан

доктор исторических наук, профессор, Австрия, Грац

Кириллов Виктор Михайлович

доктор исторических наук, профессор, Россия, Нижний Тагил

Колесников Анатолий Сергеевич

доктор философских наук, профессор, Россия, Санкт-Петербург

Косиченко Анатолий Григорьевич

доктор философских наук, профессор, Казахстан, Алматы

Красняков Николай Иванович

доктор юридических наук, доцент, Россия, Новосибирск

Мендикулова Гульнара Малбагаровна

доктор исторических наук, профессор, Казахстан, Алматы

Побережников Игорь Васильевич

доктор исторических наук, профессор, Россия, Екатеринбург

Сидоркин Александр Михайлович

PhD, профессор, США, Сакраменто

Смирнова Татьяна Борисовна

доктор исторических наук, профессор, Россия, Омск

Тлеужанова Гульназ Кошкимбаевна

кандидат педагогических наук, доцент, Казахстан, Караганда

Функ Дмитрий Анатольевич

доктор исторических наук, профессор, Россия, Москва

Хейфец Лазарь Соломонович

доктор исторических наук, профессор, Россия, Санкт-Петербург

Черказьянова Ирина Васильевна

доктор исторических наук, Россия, Санкт-Петербург

Чернобров Алексей Александрович

доктор филологических наук, профессор, Россия, Новосибирск

Шкодрич Любинка

PhD, доктор истории, Сербия, Белград

Шульга Ирина Ивановна

доктор педагогических наук, профессор, Россия, Новосибирск

CONTENTS

Editorial	8
PUBLIC ADMINISTRATION HISTORY: THE IMPACT OF THE WORLD WARS.....	10
Zubov V.E.	
Russia's System of State Administration during the First World War.....	10
Shatalov E.A.	
Organizational and Normative Legal Acts for the Cheka and its Local Bodies Activities on Arrest	20
Zaitsev N.I.	
Staff Building for the OGPU-NKVD Bodies of the West Siberian region in the 1930s	27
Motrevich V.P.	
State farms in the Urals in the first post-war years	34
STATE NATIONAL POLICY: INTERNAL AND EXTERNAL FACTORS	45
Cherkazyanova I.V.	
Sovietization of the USSR's Germans Education in the 1920s-1930s	45
Skop E.A.	
German women in conditions of deportation, NKVD labour columns and special settlement in Western Siberia (1941—1956)	59
RUSSIAN EMIGRANTS ABROAD: SUPPORT FOR REFUGEES.....	76
Sorokina M.Yu.	
Assistance to Young Russian Emigrants in Getting a Degree Abroad (on the materials of the Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad Archive)	76
STARTING PLATFORM.....	85
Maslennikova A.A.	
The First World War in the fate of the German colony of the Volga region (on the materials of the village of Tonkoshurovka, Samara province).....	85
PRESERVING HISTORICAL MEMORY.....	93
Bykova A.S.	
Irish memorials of the Crimean War.....	93
AUTHOR AFFILIATIONS	114
INFORMATION FOR AUTHORS	116

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	8
ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ: ВЛИЯНИЕ МИРОВЫХ ВОЙН.....	10
Зубов В. Е.	
Система государственного управления России в годы Первой мировой войны	10
Шаталов Е. А.	
Организационные и нормативно-правовые основы деятельности ВЧК и ее местных органов по производству ареста.....	20
Зайцев Н. И.	
Формирование кадрового состава органов ОГПУ-НКВД Западно-Сибирского края в 1930-х гг.	27
Мотревич В. П.	
Совхозы на Урале в первые послевоенные годы	34
НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА: ВНУТРЕННИЕ И ВНЕШНИЕ ФАКТОРЫ	45
Черказьнова И. В.	
Советизация образования немцев СССР в 1920—1930-е гг.	45
Скоп Е. А.	
Положение женщин-немок в условиях депортации, трудармии и спецпоселения в Западной Сибири (1941—1956).....	59
РУССКИЕ ЭМИГРАНТЫ ЗА РУБЕЖОМ: ПОДДЕРЖКА БЕЖЕНЦЕВ	76
Сорокина М. Ю.	
Помощь молодым русским эмигрантам в получении образования за границей (по материалам архива Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына)	76
СТАРТОВАЯ ПЛОЩАДКА	85
Масленникова А. А.	
Первая мировая война в судьбе немецкой колонии Поволжья (по материалам села Тонкошуровка Самарской губернии)	85
СОХРАНЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ	93
Быкова А. С.	
Ирландские мемориалы Крымской войны	93
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	114
ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	116

От редакции

Прошедшее XX столетие оставило неизгладимый след в памяти миллионов людей. Невозможно найти ни одной современной российской семьи, представители старших поколений которой не стали в той или иной мере участниками глобальных исторических процессов XX века, кардинально изменивших весь мир. 110 лет отделяют нас от событий Первой мировой войны, 85 лет — от начала Второй мировой войны. Исторические ломки эпохального масштаба наложили серьезный отпечаток на государственные процессы, на все сферы жизни военного и послевоенного поколений.

Тема номера — исторические процессы, происходившие во время и между двумя военными трагедиями в России, в Советском Союзе. Мировые войны XX столетия оказали серьезное влияние на государственную политику, экономику, социум, на послевоенное развитие стран и народов. Авторы статей рассматривают систему государственного управления и работу государственных служб, деятельность советских хозяйств в послевоенный период, влияние государственной политики на судьбы различных категорий населения. Традиционная рубрика, в которой освещаются вопросы историко-культурного наследия, содержит малоизвестные читателю познавательные материалы.

Центральной темой следующего номера журнала станут вопросы истории повседневности в СССР, России, зарубежных странах.

Повседневная жизнь, быт, нравы, процессы социокультурной адаптации индивида, различных социальных групп и народов — предмет изучения различных гуманитарных наук. В этой связи история повседневности оперирует данными социологии, демографии, культурологии, психологии, этнологии, статистики.

Исследование повседневности позволяет понять те политические, экономические, социальные процессы, которые определяли траекторию развития общества, его исторические трансформации. Реконструкция различных сторон повседневной жизни позволяет историкам не просто обогатить науку ранее неизвестными фактами, но и по-новому оценить «сферу человеческой обыденности» (А. Гуссерль), «восприятие мира, в котором мы живем» (А. Шютц), проследить процесс изменения социальных норм и практик, их влияние на государственность.

В очередном номере журнала предполагается рассмотрение следующих вопросов:

- роль государственного управления в повседневной жизни людей;
- формирование и развитие социальной среды;
- историко-демографические процессы;
- этноконфессиональная политика государства и повседневность различных национальных групп;
- теория повседневности;
- повседневность в источниках личного происхождения;
- историографические исследования;
- повседневная жизнь в условиях войн и военных конфликтов;
- повседневная жизнь городского и сельского населения различных регионов России, СССР, иных стран и народов в различные исторические периоды;
- формирование и развитие социокультурной среды;

- социальная, культурная адаптация;
- медицина и образование.

Также на страницах очередного номера могут быть рассмотрены и иные исторические, правовые, педагогические аспекты проблемы.

Приглашаем исследователей к публикации на страницах журнала рецензий на научные издания, сборников документов, а также сообщений о прошедших защитах диссертаций.

Н. М. Маркдорф, главный редактор

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ: ВЛИЯНИЕ МИРОВЫХ ВОЙН

PUBLIC ADMINISTRATION HISTORY: THE IMPACT OF THE WORLD WARS

Сибирь гуманитарная. 2024. № 3. С. 10—19.
Siberia Humanitarian. 2024;(3):10—19.

История государственного управления: влияние мировых войн

Научная статья
УДК 351(47+57)(091):94(4)"1914/1918"
<https://doi.org/10.32324/2949-1568-2024-3-10-19>

Система государственного управления России в годы Первой мировой войны

Владимир Евгеньевич Зубов

Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация,
Zubovv27@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9402-4414>

Аннотация. Статья посвящена состоянию системы государственного управления и гражданской службы в годы Первой мировой войны (1914—1918). Рассмотрены основные реформы управления, начатые в предшествующий период, в том числе реформы государственной службы, судебной системы, полиции и др. Сделан вывод о наличии комплекса противоречий, препятствующих успешному функционированию системы управления в условиях военного времени и невозможности их устранения путем административных преобразований. Основной комплекс проблем, лежащий в политической сфере, был связан не только с основным противоречием капитализма, но и с несовместимостью общегосударственных и частных интересов, не позволившей реализовать необходимый комплекс управленческих решений, прежде всего в экономической сфере.

Ключевые слова: Первая мировая война, государственное управление, гражданская служба, реформы управления, кризис власти, пенсионная реформа, реформа полиции, земское, городское управление

Для цитирования: Зубов В. Е. Система государственного управления России в годы Первой мировой войны // Сибирь гуманитарная. 2024. № 3. С. 10—19. <https://doi.org/10.32324/2949-1568-2024-3-10-19>

Russia's System of State Administration during the First World War

Vladimir E. Zubov

Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation, Zubovv27@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9402-4414>

Abstract. The article studies the system of state administration and civil service during the First World War (1914—1918). The article considers the main reforms of administration initiated in the previous period, including the reforms of state service, judicial system, police, etc. It concludes that a set of contradictions hindered the successful functioning of the system of administration in wartime conditions and that it was impossible to eliminate them through administrative reforms. The main set of problems in politics was associated not only with the main contradiction of capitalism, but also with the incompatibility of public and private interests, which did not allow to fulfil the necessary set of managerial decisions, primarily in the economy.

Keywords: World War I, public administration, civil service, management reforms, crisis of power, pension reform, police reform, zemstvo and town administration

For citation: Zubov V.E. Russia's System of State Administration during the First World War. *Siberia Humanitarian*. 2024;(3):10—19. (In Russ.). <https://doi.org/10.32324/2949-1568-2024-3-10-19>

Две революции в России, произошедшие в годы Первой мировой войны, стали следствием сложного и противоречивого процесса развития страны в начале XX в. Начавшаяся война не только усугубила имеющиеся проблемы, но и породила ряд новых, в том числе в сфере функционирования системы государственного управления. Исследователи справедливо отмечают, что организация эффективного управления страной в экстремальных условиях имеет колоссальное значение [1, с. 188] и одним из примеров таких условий является Первая мировая война, в которой Россия принимала участие до марта 1918 г.

Круг проблем, связанных с функционированием системы управления в 1914—1918 гг., выглядит слишком широким для детального рассмотрения в рамках журнальной публикации, поскольку его часто связывают с политическими аспектами деятельности государственной власти и ее противников, такими как кризис и свержение монархии, борьба за преобразование политической системы, деградация политической элиты и т. д. Безусловно, политическая составляющая, имеющая многообразные проявления и оказывающая влияние на функционирование всех частей государственного механизма, выступает как доминирующая. Но не меньшее значение имеет и административная составляющая, основа деятельности местной администрации и хозяйственных структур, значение которых резко возросло в годы войны, требовавшей концентрации всех сил и ресурсов государства. Другими словами, систему управления страной в военный период необходимо рассматривать комплексно, учитывая, помимо собственно политического и хозяйственного аспектов, еще и проблемы управления в экономическом комплексе страны [2, с. 92]. В рамках нашей статьи ограничимся рассмотрением преимущественно сферы административного управления.

В мировую войну Россия вступила в состоянии реформирования государственного управления с комплексом начатых, но не завершенных реформ, что должно было породить многочисленные трудности. Кроме того,

неверно прогнозировались сроки войны. На военные действия всеми участниками (Тройственный союз, страны Антанты) отводилось лишь несколько месяцев. В такой обстановке считалось возможным продолжать ранее начатые мероприятия по модернизации системы управления без пересмотра ее ключевых позиций.

К числу незавершенных реформ следует отнести базовую, глобальную реформу государственной (прежде всего гражданской) службы. Эта задача появилась в повестке дня еще во второй половине XIX в. в связи с развитием буржуазных отношений в России. Утверждение капитализма требовало адаптации системы государственной службы к новым условиям, в которых приоритетом становился не общегосударственный, а частный интерес, возникала альтернативная частная служба, предлагающая зачастую более выгодные условия, чем государственная. Требовали решения и другие проблемы: коррупции, участия государственных служащих в деятельности частных компаний и корпораций, угрозы приватизации и т. д.

В целях реформирования государственной службы разрабатывался ряд проектов, в частности новая система чиновничества, система подготовки кадров в области финансов, юриспруденции, инженеров и других технических специалистов, одновременно направленных на ослабление действия сословных факторов. К началу Первой мировой войны был разработан проект нового устава о службе гражданской — основного документа, регламентирующего организацию государственной службы, также введен в действие новый устав о служебных проступках государственных служащих, разработан и находился на обсуждении в Государственной думе проект нового пенсионного устава, разработаны новые способы материального обеспечения государственных служащих в период исполнения служебных обязанностей и т. д. [3]

Однако начало мировой войны существенно осложнило доработку и принятие новых документов. Работа над теми из них, которые еще не были приняты, приостановилась, но даже разработанные проекты не вступили в силу, поскольку условия военного времени быстро выявили невозможность соблюдения заложенных в них норм и правил. Прежде всего это касалось размеров денежного содержания гражданских служащих и пенсий. В довоенный период были апробированы различные модели пенсионного обеспечения — страховая, эмеритальная и государственная. При этом выявился ряд существенных недостатков каждой из них: «совершенно устойчивый чисто страховой тип мало пригоден для жизни и потребностей государственной службы, а более отвечающий этой последней задаче эмеритальный тип не дает достаточных гарантий устойчивости» [4, л. 101об.]. Наиболее отвечающей требованиям и условиям государственной службы была признана система государственных пенсий. Однако разработанный и одобренный новый пенсионный устав для гражданских служащих (для военных он был принят еще до начала мировой войны) так и не вступил в силу и вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции в назначении пенсий государственным служащим сохранялась прежняя практика исключений, назначения так называемых негласных пенсий и пособий. Причем выплаты могли производиться по самым разным статьям, в том числе из секретных фондов. Так, например, в 1916 г. из так называемого рептильного (секретного) фонда, находящегося в распоряжении министра внутренних дел, было выплачено единовременное пособие в размере 1 500 руб. вдове бывшего начальника главного управления по делам печати графине А. В. Татищевой, дополнительное содержание за весь год в размере 3 000 руб. — В. П. Кисловской [5, с. 341]. Получила распространение и выдача пособий «по высочайшему повелению» по самым разным поводам, как например, погашение долгов камергера Шидловского, назна-

ченного членом правления Общества нижегородских трамваев с содержанием 4 000 руб. в год. Назначение постоянного пособия в такой ситуации вызвало бы, как минимум, недоумение, поэтому он получил единовременное негласное пособие в размере 3 000 руб. [6, л. 109] Упорядочить систему выплат и обеспечить следование закону в условиях неограниченной монархии не представлялось возможным, поскольку император стоял над законом и не мог быть им ограничен.

Сменившее самодержавие Временное правительство сохранило преемственность в этом вопросе и продолжало прежнюю практику. Уже 4 марта 1917 г. по представлению министра финансов М. И. Терещенко правительство постановило, «что никто не может быть лишен назначенной пенсии иначе, как по суду» [7, с. 246—247], а в дальнейшем, учитывая, что новый устав о пенсиях не только не был принят, но и перестал соответствовать современным условиям, последовало решение о назначении правительством пенсий вне правил — по представлениям министров в соответствии с ранее (т. е. до революции) установленным порядком и с учетом существовавших реалий. Такой подход значительно осложнил ситуацию в финансовой сфере, поскольку значительное число прежних государственных служащих губернаторского уровня вышло в отставку после революции, не говоря уже о полицейских служащих, жандармах, придворных и т. д. В связи с этим товарищ (заместитель) министра внутренних дел В. Я. Гуревич «заметил, что ввиду оставления значительным числом должностных лиц службы, вследствие невозможности применить к новому строю, надлежит в настоящее время соблюдать, при назначении пенсий, особую осторожность» [7, с. 249]. Тем не менее в ряде случаев оставленным «по болезни» чиновникам, в том числе и служащим по полиции, назначались вместо обычных так называемые усиленные пенсии¹. В целом сфера гражданской службы в годы войны оставалась, по сути, нереструктурированной, что препятствовало эффективной работе системы государственного управления.

Новые тенденции в системе служебных отношений не отменяли прежних установок монархии. При этом потребности сферы управления находились в известном противоречии с решениями власти. Необходимость в квалифицированных специалистах требовала смягчения правил замещения должностей гражданской службы, в связи с чем в некоторых ведомствах (Министерство внутренних дел, Министерство финансов [8], Переселенческое управление) допускалось замещение должностей до V класса включительно лицами, не имеющими не только соответствующих чинов, но и права поступления на государственную службу. В некоторых губерниях изъятия из правил шли еще дальше: решение о назначении на должности X и IX классов могли принимать местные власти при общих правилах назначения на такие должности с высочайшего разрешения [9, ст. 143]. Расширялась практика поступления на службу по вольному найму [10, ст. 1601].

В годы войны значительно увеличился приток на службу женщин, несмотря на то, что ст. 156 Устава о службе гражданской запрещала им поступать в правительственные учреждения даже по найму. Однако уже к 1914 г. они могли занимать должности «по счетной и письменной части» не только в учреждениях ведомства императрицы Марии, но и в органах государственного контроля, почтовом и даже морском министерстве, хотя и по вольному найму, т. е. без прав государственных служащих. За годы войны ситуация значительно изменилась и женщины стали занимать должности с правами государственной службы вплоть до VIII класса включительно, хотя и не во всех ведомствах. Дело дошло до того, что в 1916 г.

¹ Только по одной ведомости вместо положенных по закону 12,917 руб. Министерство внутренних дел запросило у Временного правительства на выдачу усиленных пенсий 81 тыс. руб. [3 ; 7, с. 249].

обер-прокурор Синода, ссылаясь на нехватку мужского населения вследствие военных действий, выступил с предложением допускать женщин православного исповедания на должности по ведомству, причем в особых случаях они могли даже не иметь среднего образования [11, л. 2]. Таким образом, условия военного времени способствовали демократизации государственной службы, однако власть при этом стремилась сохранить и даже усилить закрытость высших звеньев гражданской службы для сохранения их дворянского характера, поскольку дворянство по-прежнему рассматривалось как главная опора самодержавия. Действуя в этом направлении, Николай II в 1915 г. повысил требования, необходимые для награждения за отличие чинов выше действительного статского советника.

В итоге базовая реформа, направленная на совершенствование системы управления, в годы войны оставалась нереализованной, поскольку требовала серьезных изменений структуры государственных учреждений, их штатов, а также других преобразований, на которые самодержавие не могло пойти как в силу своей социальной природы, так и по условиям военного времени. Это создавало проблемы реализации других реформ в сфере управления, в частности реформы полицейских учреждений.

Толчком для начала реформы полиции послужила первая буржуазно-демократическая революция 1905—1907 гг., в ходе которой властями был сделан вывод о необходимости кардинального изменения характера полицейских учреждений. Полицию предполагалось освободить от несвойственных функций, прежде всего хозяйственных, и ввести «новый для русского государства тип полиции — так называемый комиссариат — с возложением на него некоторых судебных функций и с зависимостью в этой области от прокурорского надзора но с непременным условием подчинения его на общих основаниях министерству внутренних дел» [12, л. 46]. Реформа предусматривала повышение профессионализма полицейских служащих, а также структур, введение образовательного ценза, включающего, помимо иных условий, требование прохождения курса специальных полицейских школ, создание новых видов полиции, специальных полицейских школ и курсов, изменение вооружения, введение в действие нового полицейского устава. Финансирование полиции должно было осуществляться государственным казначейством, а израсходованные средства возмещаться путем специального налогообложения недвижимости в городах. Эффективность полиции должно было повысить и объединение МВД с Отдельным корпусом жандармов под руководством министра внутренних дел с возложением обязанностей руководства собственно полицией на одного из его заместителей. На местах общее руководство уездной, городской и сельской полицией, чиновниками отдельного корпуса жандармов возлагалось на губернаторов (градоначальников), а непосредственное руководство — на их помощников по полицейской части. При этом некоторые части жандармской службы находились в ведении военного управления [13, л. 4]. Одновременно менялось и положение традиционных выборных лиц, выполнявших полицейские функции, — волостных старших, сельских старост и десятских, которые, согласно новому уставу, включались в состав полиции [14, л. 5 об.]. Вместе с тем полиция освобождалась от некоторых мелких, но значительных по объему функций — вручения объявлений, повесток по гражданским делам и денежных сборов, для чего предлагалось учреждение должностей рассыльщиков и сборщиков.

Данная реформа имела комплексный характер и, по сути, затрагивала всю систему управления, поскольку параллельно с нею разворачивалась реформа системы судопроизводства, одной из задач которой становилась адаптация системы судопроизводства к интересам и потребностям буржуазии, т. е. больший учет частных интересов. В рамках начинания предусмат-

ривался возврат ранее упраздненных мировых судов, введение системы судебных приказов и установление ответственности за ущерб, причиненный действиями должностных лиц частным лицам. Однако принятие этих законопроектов затормозилось в связи с резким противоречием между интересами правительственной администрации и населения. Еще до начала Первой мировой войны либеральная оппозиция на страницах газеты «Русские ведомости» критиковала правительство за нежелание ограничить произвол администрации в отношении частных лиц. Ссылаясь на мнение думской комиссии, ее представители заявляли, что «на почве административной гарантии у нас развилась безответственность служащих, которая их деморализует: они придают второстепенное значение закону, преимущественное влияние получает приказание и произвол начальства. „Колебля авторитет власти в общественном мнении, преступления по службе содействуют образованию в народе убеждения, что закон и законность вовсе не такие положения, нарушение которых обязательно влечет ответственность. Если сама власть, нарушая законный свой долг, остается безнаказанной, то, значит, закон и долг не суть требования неперемennыя». Итак, что же? Граждане «лишены правовой защиты... существует безответственность и безнаказанность власти, что колеблет силу закона и создает почву для его нарушений. Источник правонарушений — безнаказанность власти»» [15, л. 259].

Однако эти призывы не были услышаны в условиях конфликта власти и либеральной оппозиции, сохранявшегося даже после третьеиюньского переворота. В вопросе об ответственности должностных лиц власть стремилась сохранить изначальную установку, согласно которой возмещение ущерба возможно только в случае неправомерных действий чиновников, тогда как оппозиция требовала возмещения ущерба, причиненного интересам частных лиц и в том случае, когда действия государственных служащих правомерны, причем в первом случае ответчиком должен выступать конкретный чиновник, допустивший неправильные действия, а во втором — само государство «в лице казны» [15, л. 322]. В условиях ведения войны правительство сочло возможным отложить рассмотрение этого и других неудобных законов, хотя новый полицейский устав был принят и постепенно начал вводиться в отдельных губерниях.

Частичное (не повсеместное) введение устава вкупе с непринятыми необходимыми законами также снижало эффективность системы управления, особенно на местах [16, с. 147]. Однако ключевые проблемы лежали в политической сфере, что было подтверждено на состоявшемся в 1916 г. совещании губернаторов центральных губерний России, созванном по инициативе тогдашнего министра внутренних дел Штюрмера. В подготовленной им всеподданнейшей записке отчетливо прослеживается тенденция потери самодержавием своей социальной базы. Так, говоря о ситуации в дворянской среде, министр отмечает, что предводители дворянства «пребывают неизменно верным оплотом правительственной власти», однако «поместное дворянство в численном своем составе все уменьшается», а инициативам правительства противостоят «союзы земств и городов, а также в громадном количестве возникающие местные хозяйственные объединения, так называемые кооперативы, деятельность которых захватывается бессловесным и безземельным составом лиц, служащих по найму. Здесь каждое полезное по существу начинание используется в целях противогосударственного настроения умов, и с явлениями этими правительству предстоит серьезная борьба» [17, с. 147]. В журналах совещания проблема деградации дворянства также обозначена вполне четко. Так, когда заместитель министра А. А. Бобринский поставил вопрос о целесообразности обсуждения правительственных инициатив с местным дворянством, совещание констатировало, что «такого рода деятельность дворянских собраний недостижима»,

так как состав собраний обременен «собственными частными делами, неохотно и вяло занимается... общими вопросами» [17, с. 149].

Более подробные сведения, характеризующие состояние сферы управления, содержатся в журналах заседаний совещания. В них, в частности, отмечается сохранение старой системы денежного содержания государственных служащих, не соответствующей условиям военного времени, нехватка кадров, усиливающаяся вследствие неоднократных призывов на военную службу гражданских служащих, вследствие чего создававшаяся обстановка представляется безотрадной [17, с. 160]. Не имея возможности в силу своего положения выступать с требованием либерализации системы гражданской службы, губернаторы ограничивались традиционными предложениями, не выходящими за рамки существующей бюрократической системы: об увеличении канцелярских сумм, назначении прибавок к окладам, более внимательном отношении к ходатайствам губернаторов о предоставлении отсрочек от призыва [17, с. 158].

Говоря о реформе полиции, губернаторы настаивали на ее активизации, поскольку она начала вводиться не повсеместно. Их требования в этой области также укладывались в рамки действующей системы и сводились к увеличению численности конной полиции («вся полиция должна быть конною»), освобождению полицейских стражников от призыва, увеличению денежного содержания и окладов и фактическому объединению полиции и корпуса жандармов [17, с. 158].

Наиболее интересной представляется позиция губернаторов в отношении деятельности органов городского и местного самоуправления, получивших в годы мировой войны общегосударственную организацию — Главный по снабжению армии комитет Всероссийских земского и городского союзов (Земгор), созданную Земским союзом и Всероссийским союзом городов в 1915 г. Казалось бы, губернская администрация должна была максимально поддерживать их деятельность, поскольку она охватывала те сферы, за которые отвечали губернаторы. Как отмечает М. В. Шиловский, на губернаторов возлагалось управление всеми мероприятиями, вызванными условиями военного времени: организацией призыва в армию; расквартированием войск, военнопленных и беженцев; борьбой с дороговизной; обеспечением семей фронтовиков и т. д. Губернаторы назначались уполномоченными по заготовкам продовольствия для нужд армии, организовывали взаимодействие властных структур и общественных формирований в деле организации всесторонней помощи фронту [18, с. 19]. Однако материалы заседания показывают, что в годы войны сохранялось противостояние правительственной администрации и земств, существующее с момента их введения¹. Причем наибольшее беспокойство вызывало губернское звено. По мнению губернаторов, «между губернским и уездным земством наблюдается рознь, а местами и борьба за первенствующее значение. В борьбе этой губернское земство удерживает главную роль в вопросах политических, дело же и работу более охотно уступает уездным» [17, с. 150—151]. Акцент на противостоянии губернских земств и губернаторов вполне понятен, так как это были одноуровневые элементы в системе управления. Кроме того, деятели губернских земств играли значительную роль в составе думской оппозиции и прогрессивного блока. Показательны в этом плане слова князя Львова (в последующем — первый глава Временного правительства): «Для нас

¹ Это противостояние, хотя и в неявной форме, отмечается уже в первые дни мировой войны, когда, как часто приходится слышать сегодня, в стране наблюдался громадный патриотический подъем. Уже в ноябре 1914 г., согласно донесению начальника Московского охранного отделения, сформировалась идея «добиться высочайшего приема депутации от общеземского и общегородского союза и на этом приеме от имени земств и городов („голос земли“, как говорят по этому поводу) заявить об опасениях и неоправдавшихся надеждах общества». [19, с. 3—4]. Хотя эта идея не получила конкретного воплощения, сам факт ее появления уже в начале мировой войны весьма показателен.

местные органы правительства не существуют — забудем про них». Не удивительно поэтому поступившее от губернаторов предложение закрыть Всероссийский земский союз после окончания войны [17, с. 151] и свернуть деятельности Земгора в конце 1916 г. [20, с. 39] Для появления подобных предложений имелись определенные основания¹, так как хозяйственная деятельность в условиях частной собственности оказывалась часто вне контроля государства, что стимулировало рост дороговизны, спекуляции и расстройство экономики. На необходимость усиления государственного регулирования экономики обращалось внимание и в период существования самодержавия, и в период деятельности Временного правительства [21]. Однако принятые меры не были скоординированы в общегосударственном масштабе и при сохранении ориентации на частный сектор давали негативные результаты, тем более что степень согласования действий участников оставалась крайне низкой².

К рассматриваемым проблемам следует добавить и сложности во взаимоотношениях гражданских и военных властей, растущие по мере отступления русской армии.

Подводя итог, отметим, что российской власти за годы Первой мировой войны не удалось адаптировать систему управления к потребностям военного времени. Незавершенный комплекс реформ в области государственного управления и гражданской службы не позволил наполнить деятельность органов управления новым содержанием, а политические проблемы, связанные с поражением буржуазно-демократической революции 1905—1907 гг. и третьеиюньским государственным переворотом, дополненные усилением противоречий между либеральной оппозицией и монархией, слабым участием государства в организации экономики, стали компонентами общенационального кризиса и не могли быть решены административными мерами без кардинального изменения характера существующей власти и государственного строя.

Список источников

1. Букалова С. В. Актуальные проблемы изучения и преподавания истории государственного управления в России в годы первой мировой войны // Среднерусский вестник общественных наук. 2012. № 4—2 (26). С. 188—196.
2. Чернышова А. В. Взаимосвязь экономического и политического кризисов в России как причина Февральской революции 1917 г. // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. 2017. Т. 8, № 4 (31). С. 91—94.
3. Зубов В. Е. Реформа гражданской службы в России (конец XIX — начало XX века). Новосибирск : Изд-во СибАГС, 2005. 368 с.
4. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1409. Оп. 6. Д. 1312.
5. Рептильный фонд 1914—1916 гг. // Красный архив : исторический журнал. 1925. Т. 3 (10). С. 332—342.
6. РГИА. Ф. 565. Оп. 14. Д. 125.
7. Пенсионная политика Временного правительства // Красный архив : исторический журнал. 1925. Т. 1 (8). С. 246—250.
8. Морозан В. В. Женский труд в центральном управлении в Санкт-Петербургской конторе государственного банка Российской империи в конце XIX — начале XX вв. // Вестник Волго-

¹ В одном из донесений охранного отделения указывалось, что деятельность этих организаций (Земский союз и Союз городов, военно-промышленные комитеты) «с самого начала носила и носит, помимо... делового характера, еще и определенно выраженный политический характер» [19, с. 149].

² Хозяйственную деятельность осуществляли, помимо земских и городских учреждений, военно-промышленные комитеты, не контролировавшиеся государственной администрацией, военные власти (управление для снабжения фронтов продовольствием), но их отделения имелись не во всех районах страны. По закону от 17 февраля 1915 г. они могли устанавливать предельные цены на продовольствие, ограничивать вывоз, реквизировать продовольствие и т. д., однако на практике это приводило к росту цен, спекуляции тому подобным явлениям [20].

- градского государственного университета. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 26, № 2. С. 95—106.
9. Устав о службе по определению от правительства // Свод законов Российской империи. Т. III: Устав о службе гражданской. СПб, 1876. Ст. 143.
 10. Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате: издание официальное. СПб. : Тип. Правительствующего Сената, 1896. № 136. Ст. 1601.
 11. РГИА. Ф. 1409. Оп. 6. Д. 1818.
 12. РГИА. Ф. 1217. Оп. 1. Д. 4.
 13. РГИА. Ф. 1217. Оп. 1. Д. 11.
 14. РГИА. Ф. 1217. Оп. 1. Д. 1.
 15. РГИА. Ф. 1405. Оп. 543. Д. 929.
 16. Букалова С. В. Проблемы и тенденции в местном управлении Российской империи в годы Первой мировой войны // Вестник государственного и муниципального управления. 2018. Т. 7, № 2. С. 11—17.
 17. Совещание губернаторов в 1916 году // Красный архив : исторический журнал. 1929. Т. 2 (33). С. 145—169.
 18. Шиловский М. В. Органы государственного управления и городского самоуправления в азиатской России во время Первой мировой войны (август 1914 г. — февраль 1917 г.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 3. С. 19—23.
 19. Буржуазия накануне Февральской революции. М. ; Л. : Государственное издательство, 1927. 204 с.
 20. Шапкин И. Н. Изменение системы управления и формирование военно-мобилизационной экономической модели России в годы Первой мировой войны // Мир новой экономики. 2023. Т. 17, № 1. С. 31—44.
 21. Упоров И. В., Шеуджен Н. А. Политика Временного правительства по реформированию института местного самоуправления в России (март—октябрь 1917 года) // Современная научная мысль. 2018. № 5. С. 93—100.

References

1. Bukalova S.V. Aktual'nye problemy izucheniya i prepodavaniya istorii gosudarstvennogo upravleniya v Rossii v go-dy pervoy mirovoy voyny [Actual Problems of Studying and Teaching the History of Public Administration in Russia during the First World War], *Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk [Srednerusskiy Bulletin of Social Sciences]*, 2012, no. 4-2 (26), pp. 188-196.
2. Chernyshova A.V. Vzaimosvyaz' ekonomicheskogo i politicheskogo krizisov v Rossii kak prichina Fevral'skoy revolyutsii 1917 g. [Interrelation of Economic and Political Crises in Russia as the Cause of the February Revolution of 1917], *Nauchnye trudy Severo-Zapadnogo instituta upravleniya RANKhiGS [Proceedings of the North-West Institute of Management of the RANEPa]*, 2017, vol. 8, no. 4 (31), pp. 91-94.
3. Zubov V.E. Reforma grazhdanskoy sluzhby v Rossii (konets XIX - nachalo XX veka) [Civil Service Reform in Russia (late XIX - early XX century)]. Novosibirsk, Publ. SibAGS, 2005, 368 p.
4. Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv (RGIA) [Russian State Historical Archive (RGIA)], coll. 1409, aids. 6, fol. 1312.
5. Reptil'nyy fond 1914-1916 gg. [Reptile Fund 1914-1916], *Krasnyy arkhiv, istoricheskiy zhurnal [Red Archive : a historical journal]*, 1925, vol. 3 (10), pp. 332-342.
6. RGIA, coll. 565, aids. 14, fol. 125.
7. Pensionnaya politika Vremennogo pravitel'stva [Pension Policy of the Provisional Government], *Krasnyy arkhiv, istoricheskiy zhurnal [Red Archive : historical journal]*, 1925, vol. 1 (8), pp. 246-250.
8. Morozan V.V. Zhenskiy trud v tsentral'nom upravlenii v Sankt-Peterburgskoy kontore gosudarstvennogo banka Ros-siyskoy imperii v kontse XIX - nachale XX vv. [Women's Labor in Central Department of the St. Petersburg Office of the State Bank of the Russian Empire in the late XIX - early XX centuries], *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya [Bulletin of Volgograd State University. Ser. 4: History. Regional Studies. International Relations]*, 2021, vol. 26, no. 2, pp. 95-106.
9. Ustav o sluzhbe po opredeleniyu ot pravitel'stva [Statutes on Service by the Government Appointment], *Svod zakonov Rossiyskoy imperii. T. III: Ustav o sluzhbe grazhdanskoy [Code of Laws of the Russian Empire. Vol. III: Statutes on Civil Service]*. Saint-Petersburg, 1876, st. 143.
10. Sobranie uzakoneniye i rasporyazheniy Pravitel'stva, izdavaemoe pri Pravitel'stvuyushchem Senate [Collection of Decrees and Orders of the Government, published under the Government Senate]: izdanie ofitsial'noe. Sankt-Peterburg, Tip. Pravitel'stvuyushchego Senata, 1896, no. 136, st. 1601.
11. RGIA, coll. 1409, aids. 6, fol. 1818.
12. RGIA, coll. 1217, aids. 1, fol. 4.

13. *RGIA*, coll. 1217, aids. 1, fol. 11.
14. *RGIA*, coll. 1217, aids. 1, fol. 1.
15. *RGIA*, coll. 1405, aids. 543, fol. 929.
16. Bukalova S.V. Problemy i tendentsii v mestnom upravlenii Rossiyskoy imperii v gody Pervoy mirovoy voyny [Problems and Trends in Local Governance of the Russian Empire during the First World War], *Vestnik gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya [Bulletin of State and Municipal Management]*, 2018, vol. 7, no. 2, pp. 11-17.
17. Soveshchanie gubernatorov v 1916 godu [Meeting of Governors in 1916], *Krasnyy arkhiv, istoricheskiy zhurnal [Red Archive : historical journal]*, 1929, vol. 2 (33), pp. 145-169.
18. Shilovskiy M.V. Organy gosudarstvennogo upravleniya i gorodskogo samoupravleniya v aziatskoy Rossii vo vremena Pervoy mirovoy voyny (avgust 1914 g. - fevral' 1917 g.) [Bodies of State Administration and Urban Self-government in Asian Russia during the First World War (August 1914 - February 1917)], *Gumanitarnye nauki v Sibiri [Humanities in Siberia]*, 2014, no. 3, pp. 19-23.
19. Burzhuaziya nakanune Fevral'skoy revolyutsii [The Bourgeoisie on the Eve of the February Revolution]. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe publ., 1927, 204 p.
20. Shapkin I.N. Izmenenie sistemy upravleniya i formirovanie voenno-mobilizatsionnoy ekonomicheskoy modeli Rossii v gody Pervoy mirovoy voyny [Change of the Management System and Development of the Military-Mobilization Economic model of Russia during the First World War], *Mir novoy ekonomiki [The World of New Economy]*, 2023, vol. 17, no. 1, pp. 31-44.
21. Uporov I.V., Sheudzhen N.A. Politika Vremennogo pravitel'stva po reformirovaniyu instituta mestnogo samoupravleniya v Rossii (mart-oktyabr' 1917 goda) [The Policy of the Provisional Government on Reforming the Institute of Local Self-Government in Russia (March-October 1917)], *Sovremennaya nauchnaya mysl' [Modern Academic Thought]*, 2018, no. 5, pp. 93-100.

Информация об авторе

Зубов Владимир Евгеньевич — кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории гуманитарно-аксиологических основ государственной службы, Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: Zubovv27@mail.ru

Information about the author

Vladimir E. Zubov — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Leading Researcher of the Research Laboratory of Humanitarian-Axiological Foundations of Public Service, Siberian Institute of Management — branch of RANEP, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: Zubovv27@mail.ru

Статья поступила в редакцию 18.05.2024; одобрена после рецензирования 15.06.2024; принята к публикации 21.06.2024.

The article was submitted 18.05.2024; approved after reviewing 15.06.2024; accepted for publication 21.06.2024.

Сибирь гуманитарная. 2024. № 3. С. 20—26.
Siberia Humanitarian. 2024;(3):20—26.

История государственного управления: влияние мировых войн

Научная статья
УДК 351.746.1(091):343.125
<https://doi.org/10.32324/2949-1568-2024-3-20-26>

Организационные и нормативно-правовые основы деятельности ВЧК и ее местных органов по производству ареста

Евгений Анатольевич Шаталов

Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация,
shatalov-ea@ranepa.ru

Аннотация. В статье приводится анализ нормативных актов первых пяти лет советской власти по правовому регулированию производства ареста в РСФСР, содержания лиц, подвергнутых аресту в пенитенциарных учреждениях, на примере деятельности органов по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности. Предлагается авторская характеристика организации отдельных направлений правоприменительной деятельности аппарата ВЧК и ее органов на местах на основе исследования нормативных документов и архивных материалов.

Ключевые слова: арест, ВЧК, рабоче-крестьянская милиция, тюрьмы, декреты советской власти, нарушение законности

Для цитирования: Шаталов Е. А. Организационные и нормативно-правовые основы деятельности ВЧК и ее местных органов по производству ареста // Сибирь гуманитарная. 2024. № 3. С. 20—26. <https://doi.org/10.32324/2949-1568-2024-3-20-26>

Public administration history: the impact of the world wars

Original article

Organizational and Normative Legal Acts for the Cheka and its Local Bodies Activities on Arrest

Evgeny A. Shatalov

Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation,
shatalov-ea@ranepa.ru

Abstract. The article analyzes the normative legal acts of the first five years of Soviet power on the legal regulation of arrest in the RSFSR, detention of persons arrested in penitentiary institutions on the example of the activities of the bodies to combat counter-revolution, speculation and crimes in office. The author proposes his own characteristics of some law-enforcement activity of the VChK apparatus and its local bodies through researching the normative legal acts and archival materials.

Keywords: arrest, VChK, Workers' and Peasants' Militia, prisons, decrees of the Soviet power, violation of the law

For citation: Shatalov E.A. Organizational and Normative Legal Acts for the Cheka and its Local Bodies Activities on Arrest. *Siberia Humanitarian*. 2024;(3):20—26. (In Russ.). <https://doi.org/10.32324/2949-1568-2024-3-20-26>

Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК) и ее органы на местах являлись неконституционным, чрезвычайным институтом публичной власти большевиков. Основная цель их деятельности сводилась к борьбе с любыми антиреволюционными деяниями, в какой бы форме они ни совершались, в любых условиях, главным образом в условиях гражданской войны, противодействия иностранной военной интервенции. Для достижения данной цели решались задачи предупреждения, пресечения общеуголовных, политических преступлений и т. д. в тылу и на фронте, на железнодорожном и речном транспорте. Для осуществления своих функций органы ВЧК наделялись широкими служебными полномочиями; в том числе правом внесудебного применения смертной казни, конфискации и реквизиции, отправления в штрафные роты и т. д. Весьма распространенной мерой принуждения также стал арест, в том числе арест лиц с последующим объявлением их «вне закона» [1, с. 114]. Как свидетельствуют нормативные правовые акты того времени и архивные материалы, аресты, производимые в массовом порядке, при всякого рода обстоятельствах имели цель принудительного воздействия на подвергнутых им лиц¹. По мнению В. Н. Емельянова, аресты в рассматриваемый период являлись главным образом аргументом в борьбе с политическими противниками, силовым воздействием на них, что было вполне обычным явлением того времени [2, с. 21].

Применяемые карательные меры не являлись чем-то инновационным, в дореволюционной России они также широко распространены в правоприменительной деятельности полицейских органов и иных силовых структур. Этот юридический опыт был во многом заимствован большевиками в процессе организации карательной системы.

Нормативно-правовая основа деятельности органов ВЧК по производству арестов состояла преимущественно из ведомственных актов. В первые пять лет советской власти динамично развивалось именно ведомственное нормотворчество. Акты, издаваемые СНК, ВЦИК, Советом труда и обороны, другими высшими органами советской власти, определяли, как правило, лишь общие задачи и принципы властно-публичной деятельности отдельных субъектов. В качестве примера обратимся к постановлению СНК о создании ВЧК от 7 (20) декабря 1917 г., в котором содержатся только краткие указания на то, какими правами наделяются сотрудники этого ведомства [3, л. 2 об.].

Организационные же аспекты деятельности, в том числе в области охраны общественного порядка, борьбы с преступностью, регламентировались в многочисленных служебных документах ВЧК, территориальных полпредств ВЧК, губчека и их уездных органов, уполномоченных комиссаров и др., в иерархии, юридической силе которых разобраться порой достаточно сложно. Говорить же о качестве этих документов, как и многих других изданных в первые годы советской власти юридических актов, еще труднее [4, с. 47—48].

В числе первых нормативных правовых документов, которые определили основные направления деятельности органов по борьбе с контрреволюцией, были всевозможные инструкции, утверждаемые на иницилируемых руководящим составом ВЧК конференциях. Положением о чрезвычайных комиссиях на местах, принятым 11 июня 1918 г., за этими органами было закреплено право подвергать преступных лиц административному аресту и налагать штрафы, а также производить аресты лиц, заподозренных в контрреволюции [5, с. 26—30]. Отметим, что в положении речь идет

¹ Сотрудниками Пензенской губчека в период с 3 июня 1918 г. по 1 сентября 1920 г. арестованы 5 520 человек. По обвинению в контрреволюции — 2 184 человека, по обвинению в бандитизме — 261 человек, по обвинению в восстании — 318 человек и т. д. [1, с. 306—316].

о двух видах ареста: *административном аресте как мере уголовного наказания* (в тексте документа прямое указание о применении такого вида ареста к преступным лицам, т. е. к тем, чья вина в совершении уголовного правонарушения установлена и не вызывает сомнения) и *аресте как мере пресечения* (содержании под стражей, применяемой к тем лицам, чью вину еще надлежит доказать в ходе предварительного следствия).

В дополнение к Положению о чрезвычайных комиссиях на местах 13 июня 1918 г. был принят акт о конструкции отделов ЧК, в котором было закреплено право разведчиков комиссий производить аресты исключительно на основании соответствующего ордера, где в обязательном порядке указывается место производства ареста и данные лица, подвергнутого этой мере принуждения. Регистрация, допрос доставляемых в ЧК арестованных лиц вменялись в обязанности дежурного следователя [6, с. 16—20].

Среди руководящих документов были и многочисленные нормативные акты, издаваемые Президиумом, отделами центрального аппарата ВЧК. Так, согласно приказу ВЧК о правах чрезвычайных комиссий и их взаимоотношениях с советскими органами от 26 сентября 1918 г. № 47, в случае необходимости производства ареста местные комиссии должны получить согласие представителя исполкома, перед которым должны отчитываться о своей деятельности [7, с. 57]. В развитие и уточнение положений этого документа был издан приказ ВЧК о методах работы местных чрезвычайных комиссий от 19 декабря 1918 г. № 113, в котором в категоричной форме предписывалось «не терроризировать мирную обывательскую среду», производить аресты исключительно в крайнем случае, «когда можно быть уверенным, что там имеются материалы, уличающие то или иное лицо» [8, с. 236—238].

Приказом Президиума ВЧК от 28 февраля 1920 г. «О строгом соблюдении советских законов» вводился ряд уголовно-процессуальных норм, регламентировавших порядок производства арестов отдельных категорий лиц. Например, в случае производства ареста ответственных работников сотрудники ЧК обязаны были незамедлительно информировать об этом руководящий состав учреждений, в которых эти лица осуществляли трудовую деятельность. В случае невозможности информировать незамедлительно, неотложности применения указанной меры пресечения чекисты обязаны были поставить в известность руководителя учреждения в течение 48 часов, при этом следовало указать, «почему арестован и в чем обвиняется», для того чтобы «на место него подыскили другого работника» [8, с. 374—375].

Из архивных документов и материалов известно, что сотрудники местных органов ВЧК систематически нарушали указанные требования. Так, на совместном заседании заведующих отделами ревкома Иркутской губернии 15 июня 1920 г. подчеркивалось, что Особым отделом ВЧК 5-й армии «беспрерывно производятся аресты должностных лиц (по вине Реввоенсовета 5-й армии) без соблюдения условий, предусмотренных в декретах, без предъявления какого-либо инкриминирующего характера (материала)... арестованное лицо большей частью не успевает даже сдать дела своим заместителям» [9, л. 36].

Такого же характера нарушения имели место и в деятельности уездных органов борьбы с контрреволюцией. По этому поводу Иркутской губчека 22 февраля 1921 г. был издан приказ, в котором всем подведомственным ей политическим бюро уездной милиции разъяснялось, что аресты членов партии могут быть произведены «только с ведома уездных партийных комитетов, за исключением особо важных и экстренных случаев» [10, л. 123].

Руководство ВЧК предпринимало попытки организовать, урегулировать правоприменительную деятельность местных органов, решить сопутствующие проблемы, однако данное решение периодически откладывалось.

В самом аппарате ВЧК имелись существенные упущения и недостатки в оперативно-служебной деятельности, в том числе и при производстве арестов, содержании под стражей лиц и т. д. Протоколы заседаний ВЧК за 1918 г. свидетельствуют об отсутствии системного подхода к регистрации и охране арестованных, их имущества, отсутствию квалифицированных следователей, загруженности тюрем арестованными по подозрению в совершении политических преступлений, проблемах обеспечения необходимых санитарно-эпидемиологических условий их содержания. В 1918 г. только по делу анархистов, переданному ВЧК, в разных тюрьмах Москвы под стражей содержалось свыше 400 лиц [11, с. 209—213].

В некоторых случаях арестованные ВЧК содержались и в помещениях этого же органа без каких-либо ограничений срока [11, с. 158, 189, 308]. 5 марта 1918 г. руководством ВЧК было принято постановление, в резолютивной части которого вводился запрет на содержание арестованных в помещении комиссии более двух суток. По результатам допроса их должны были освободить или этапировать в тюрьму [11, с. 172].

Правила производства арестов, режим содержания арестованных в ВЧК разрабатывались крайне медленно и поверхностно. Нормы от случая к случаю излагались в протоколах заседаний некоторых отделов комиссии. Так, к примеру, 18 марта 1918 г. ВЧК было принято решение о порядке приема, хранения вещей, полученных от арестованных, 12 сентября 1918 г. на заседании Президиума коллегии отдела по борьбе с контрреволюцией при ВЧК рассматривались вопросы о праве свиданий с арестованными, получении ими корреспонденции и др. [11, с. 175, 267—268]

Рассмотрение вопроса о разработке инструкции, регламентирующей порядок содержания арестованных, на заседаниях ВЧК постоянно откладывалось. Только в 1921 г. на заседании Президиума ВЧК было сформулировано поручение о разработке «инструкции для тюрьмы», обязательной для всех комиссий, также был рассмотрен вопрос о внутренней тюрьме ВЧК, была поставлена задача разработать общую инструкцию о «порядке и сроке для прогулок» арестованных по подозрению в политических преступлениях [11, с. 449—450, 480].

Отсутствие полноценной связи между местными и центральными органами власти¹, несвоевременность поступления на места руководящих документов, низкий уровень советской юридической техники, казуистичность, формализм, некоторая неопределенность содержания норм, диктовали необходимость разработки местных нормативных правовых актов.

Руководствуясь революционным правосознанием, условиями военного-политического положения на местах, такие акты издавали многочисленные органы советской власти губернского и уездного уровня. В них, как правило, содержались краткие указания на составы преступлений, расследуя которые органы ЧК имели право производить аресты. В качестве примера можно привести приказ отдела управления Ачинского городского исполкома Енисейской губернии от 6 октября 1920 г. № 58, который устанавливал уголовную ответственность за срыв советских плакатов, объявлений, воззваний, газет, расклеенных в публичных местах. Политические бюро милиции имели право производить арест и предавать суду ревтрибунала лиц, «замеченных в срыве и уничтожении» таковых [13, л. 82].

Краткой инструкцией по борьбе с бандитизмом в Восточно-Сибирском военном округе от 20 сентября 1921 г. всем местным органам ЧК было предоставлено право вести учет «всех ушедших в банды», производить аресты лиц, «тайно или явно поддерживающих» их в качестве заложников, в случае, если это «политически выгодно» [14, л. 2].

¹ В циркуляре от 14 октября 1919 г. заместитель председателя ВЧК И. К. Ксенофонтов указывал на отдаленность территорий, плохую связь, в силу которой не дается «уследить за каждым шагом ГубЧК» [12, л. 1].

Здесь следует особо отметить, что военные органы своей инструкцией предоставили ЧК право производства ареста заложников, тогда как ВЧК своим приказом № 49 еще в 1919 г. вводила запрет на арест: без разрешения президиума ВЧК «впредь заложников не брать» [15, с. 87—89].

В дополнение к инструкции от 20 сентября 1921 г. командующим войсками 5-й армии и Восточно-Сибирского военного округа был издан приказ № 1350 от 22 сентября 1921 г., согласно которому органам ЧК было предписано «изловить и уничтожить бандитов», а «семьи бандитов арестовать» [16].

Процессуальные нормы, регламентировавшие порядок производства ареста, содержания подвергнутых этой мере лиц, закреплялись в основном в различных внутриведомственных актах. Особый интерес в этом отношении представляет приказ Иркутской губчека «политическим бюро по учету заподозренных, разыскиваемых и арестованных» от 2 октября 1920 г., на основании которого в уездных органах борьбы с контрреволюцией вводилась карточная система учета арестованных, устанавливалась обязательная отчетность. Каждые две недели уполномоченный политбюро милиции должен был отправлять отчет в губчека с указанием количества арестованных и оснований применения меры пресечения, копии карточек находившихся под стражей лиц [17, л. 30].

Также сотрудниками Иркутской губчека была разработана и принята инструкция от 26 декабря 1920 г. «О порядке направления поступающих в ЧК дел, арестованных по ним вещественных доказательств и ценностей», регламентировавшая порядок приема и хранения полученных от арестованных вещей. В ней также были прописаны обязанности дежурного помощника, уполномоченного по производству личного обыска арестованных, допроса, условия их дальнейшего заключения под стражу в тюрьме [18, л. 62—62 об.].

Таким образом, арест широко применялся в деятельности ВЧК и ее местных органов как мера пресечения, а также как мера уголовного наказания к тем лицам, чья вина в совершении преступления была установлена. Деятельность органов ЧК по производству ареста, содержанию лиц под стражей, регламентировалась различными нормативными правовыми актами многочисленных органов советской власти. Наибольшую долю среди которых составляли инструкции и приказы самих органов борьбы с контрреволюцией на местах. Они детально, с учетом военно-политического положения на местах регламентировали оперативно-служебную деятельность. Это обстоятельство влекло за собой и ключевую проблему — отсутствие единой правоприменительной деятельности и системы ее организации, что имело дестабилизирующий эффект, значительно усложняло контроль за реализацией возложенных на органы ВЧК функций, создавая условия для нарушения принципов и норм законодательства РСФСР, в том числе конституционного и уголовно-процессуального.

Список источников

1. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1928—1939. Документы и материалы : в 4 т. Т. 1. 1918—1922. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1998. 869 с.
2. Емельянов В. Н. История создания и правовое обеспечение деятельности политической юстиции Башкирской АССР в 1917—1941 годах : автореф ... дис. канд. юрид. наук. Волгоград, 2006. 30 с.
3. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 19. Оп. 1. Д. 21.
4. Никулин В. В. Российская революция и право: генезис и становление советской правовой системы 1917—1920 гг. М. : Юстицинформ, 2020. 244 с.
5. ВЧК-ГПУ: документы и материалы. М. : Изд-во гуманитар. науки, 1995. 271 с.
6. Нормативно-правовые акты об организации и оперативно-служебной деятельности органов ВЧК : хрестоматия / сост. Е. А. Шаталов. Абакан : Изд-во Хакас. гос. ун-та, 2011. 180 с.

7. Лацис М. И. Чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией. М. : Гос. изд-во, 1921. 62 с.
8. Из истории ВЧК (1917—1922 гг.) : сб. док. М. : Госполитиздат, 1958. 511 с.
9. Государственный архив Иркутской области. Ф. 42. Оп. 1. Д. 111.
10. Государственный архив новейшей истории Иркутской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 64.
11. Архив ВЧК : сб. док. / отв. ред. В. Виноградов, А. Литвин, В. Христофоров ; сост. : В. Виноградов, Н. Перемышленникова. М. : Кучково поле, 2007. 720 с.
12. Центр хранения и изучения документов новейшей истории Красноярского края. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17.
13. Архивный отдел Администрации города Ачинска Красноярского края. Ф. Р-16. Оп. 1. Д. 6.
14. Архив города Минусинска Красноярского края. Ф. 25. Оп. 1. Д. 153.
15. Общество и власть. Российская провинция. 1917—1985: документы и материалы (Пермский край, Свердловская, Челябинская области) : в 6 т. Челябинская область. Т. 1. 1917—1945 / Ин-т истории и археологии УрО РАН, Гос. ком. по делам архивов Челяб. обл. ; гл. ред. В. В. Алексеев ; сост.: А. П. Финадеев, Г. Н. Кибиткина, Е. А. Калинкина и др. Челябинск : Книга, 2005. 638 с.
16. Ленский коммунар. 1921. 30 сент.
17. Государственный архив Иркутской области. Ф. Р-145. Оп. 4. Д. 6.
18. Государственный архив Иркутской области. Ф. 868. Оп. 1. Д. 4.

References

1. Sovetskaya derevnya glazami VChK-OGPU-NKVD. 1928-1939. Dokumenty i materialy : v 4 t. T. 1. 1918—1922 [Soviet Village through the Eyes of the VChK-OGPU-NKVD. 1928-1939. Documents and Materials, in 4 vol., vol 1. 1918-1922]. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 1998, 869 p.
2. Emel'yanov V.N. Istoriya sozdaniya i pravovoe obespechenie deyatel'nosti politicheskoy yustitsii Bashkirskoy ASSR v 1917-1941 godakh [History of Building and Legal Support of the Political Justice of the Bashkir ASSR in 1917-1941], cand. low. sci. diss. abstr. Volgograd, 2006, 30 p.
3. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii [Russian State Archive of Social and Political History], coll. 19, aids. 1, fol. 21.
4. Nikulin V.V. Rossiyskaya revolyutsiya i pravo: genezis i stanovlenie sovetskoy pravovoy sistemy 1917-1920 gg. [The Russian Revolution and Law: Genesis and Development of the Soviet Legal System, 1917-1920]. Moscow, Yustitsinform, 2020, 244 p.
5. VChK-GPU: dokumenty i materialy [VChK-GPU: Documents and Materials]. Moscow, Publ. gumanitar. nauki, 1995, 271 p.
6. Shatalov E.A. (ed.) Normativno-pravovye akty ob organizatsii i operativno-sluzhhebnoy deyatel'nosti organov VChK [Normative Legal Acts on Building and Operational and Service Activities of the All-Union Cheka Committee Organs], khrestomatiya. Abakan, Publ. Khakas. gos. un-ta, 2011, 180 p.
7. Latsis M.I. Chrezvychaynye komissii po bor'be s kontr-revolyutsiei [Extraordinary Commissions for Combating Counterrevolution]. Moscow, Publ. Gos. izd-vo, 1921, 62 p.
8. Iz istorii VChK (1917-1922 gg.) [From the History of the VChK (1917-1922).], sb. dok. Moscow, Gospolitizdat, 1958, 511 p.
9. Gosudarstvennyy arkhiv Irkutskoy oblasti [State Archive of the Irkutsk Region], coll. 42, aids. 1, fol. 111.
10. Gosudarstvennyy arkhiv noveyshey istorii Irkutskoy oblasti [State Archive of Contemporary History of the Irkutsk Region], coll. 1, aids. 1, fol. 64.
11. Vinogradov V., Litvin A., Khristoforov V. (ed.) Arkhiv VChK [VChK Archive], sb. dok. Moscow, Kuchkovo pole, 2007, 720 p.
12. Tsentral'nyy khrameniya i izucheniya dokumentov noveyshey isto-rii Krasnoyarskogo kraya [Center for Storage and Study of Documents of Modern History of the Krasnoyarsk Krai], coll. 1, aids. 1, fol. 17.
13. Arkhivnyy otdel Administratsii goroda Achinska Krasnoyarskogo kraya [Archival Department of the Administration of the Town of Achinsk, Krasnoyarsk Krai], coll. R-16, aids. 1, fol. 6.
14. Arkhiv goroda Minusinska Krasnoyarskogo kraya [Archive of the Town of Minusinsk, Krasnoyarsk Krai], coll. 25, aids. 1, fol. 153.
15. Alekseev V.V., Finadeev A.P., Kibitkina G.N., Kalinkina E.A. (eds.) Obshchestvo i vlast'. Rossiyskaya provintsiya. 1917-1985: dokumenty i materialy (Permskiy kray, Sverdlovskaya, Chelyabinskaya oblasti), in 6 vol. Chelyabinskaya oblast', vol. V. 1917-1945 [Society and Power. Russian Province. 1917-1985: Documents and Materials (Perm Krai, Sverdlovsk, Chelyabinsk Regions), in 6 vols. Chelyabinsk region, vol. 1. 1917-1945]. Chelyabinsk, Kniga, 2005, 638 p.
16. Lenskiy kommunar [Lensky Communar], 1921, 30 September.
17. Gosudarstvennyy arkhiv Irkutskoy oblasti [State Archive of the Irkutsk Region], coll. R-145, aids. 4, fol. 6.
18. Gosudarstvennyy arkhiv Irkutskoy oblasti [State Archive of the Irkutsk Region], coll. 868, aids. 1, fol. 4.

Информация об авторе

Шаталов Евгений Анатольевич — кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: shatalov-ea@ranepa.ru

Information about the author

Evgeny A. Shatalov — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: cherk@inbox.ru

Статья поступила в редакцию 20.05.2024; одобрена после рецензирования 26.06.2024; принята к публикации 03.07.2024.

The article was submitted 20.05.2024; approved after reviewing 26.06.2024; accepted for publication 03.07.2024.

История государственного управления: влияние мировых войн

Научная статья
УДК 94(47).571.1+351.741
<https://doi.org/10.32324/2949-1568-2024-3-27-33>

Формирование кадрового состава органов ОГПУ-НКВД Западно-Сибирского края в 1930-х гг.

Никита Игоревич Зайцев

Новосибирское высшее военное командное ордена Жукова училище, Новосибирск, Российская Федерация, z_nikita@internet.ru

Аннотация. В статье проанализирована кадровая ситуация в органах ОГПУ-НКВД Западно-Сибирского края в 1930-х гг. Рассмотрены пути решения проблемы неукomплектованности штатов органов государственной безопасности на местах необходимыми специалистами различных профилей на фоне стоящих перед ними сложных задач. Особое внимание уделено вопросам подготовки вновь зачисляемых на службу гражданских лиц, а также переподготовки военнослужащих в специальных ведомственных учебных заведениях. Акцентируется внимание на ряде проведенных в предвоенные годы мероприятий, способствовавших привлечению кадров в органы государственной безопасности. В качестве источников использованы архивные материалы, касающиеся деятельности органов ОГПУ-НКВД по Западно-Сибирскому краю по подбору и подготовке специалистов оперативного, технического, политического и медицинского профилей.

Ключевые слова: войска НКВД, подготовка, кадры, предвоенный период, обучение, ОГПУ, Западно-Сибирский край, РК милиция

Для цитирования: Зайцев Н. И. Формирование кадрового состава органов ОГПУ-НКВД Западно-Сибирского края в 1930-х гг. // Сибирь гуманитарная. 2024. № 3. С. 27—33. <https://doi.org/10.32324/2949-1568-2024-3-27-33>

Public administration history: the impact of the world wars

Original article

Staff Building for the OGPU-NKVD Bodies of the West Siberian region in the 1930s

Nikita I. Zaitsev

Novosibirsk Higher Military Command School, Novosibirsk, Russian Federation, z_nikita@internet.ru

Abstract. The article analyzes the problem of staff in the OGPU-NKVD organs of the West Siberian region in the 1930s. The article considers the ways of solving the problem of understaffing of the local state security bodies with the necessary specialists of various profiles against the background of the difficult tasks. The article pays special attention to the issues of civilians training newly enrolled in the service, as well as retraining of military service members in special departmental educational institutions. It emphasizes a number of activities carried out in the pre-war years, which contributed to the attraction of personnel to the state security agencies. The main research source includes archival materials on the activity of the OGPU-NKVD bodies in the West Siberian region to select and train specialists of operational, technical, political and medical profiles.

Keywords: NKVD troops, staff training, pre-war period, OGPU, West Siberian region, Workers' and Peasants' Militia

For citation: Zaitsev N.I. Staff Building for the OGPU-NKVD Bodies of the West Siberian region in the 1930s. *Siberia Humanitarian*. 2024;(3):27—33. (In Russ.). <https://doi.org/10.32324/2949-1568-2024-3-27-33>

Внутренняя безопасность любого государства поддерживается с помощью специальных органов, которые должны иметь в своем штате специалистов, способных эффективно решать задачи по сохранению государственной безопасности и защите страны от внутренних и внешних врагов. Опыт свидетельствует о том, что подготовка кадров для структур государственной безопасности — сложный комплекс мероприятий, неразрывно связанный с политической и социальной обстановкой в государстве. Любые изменения в системе подготовки кадров так или иначе отражают изменения во внутренней и внешней политике государства.

Органы Объединенного государственного политического управления — Народного комиссариата внутренних дел (ОГПУ-НКВД) напрямую отвечали за важные направления государственной политики СССР, такие как поддержание общественного порядка, борьба с бандитизмом, участие в проведении коллективизации, организация и обеспечение исправительно-трудовых лагерей. Вовлеченность в решение государственных проблем в таком объеме требовала огромного количества кадров. Ввиду высокого уровня преступности, сложной международной обстановки, с одной стороны, и требований центральных органов политического управления страны результатов на местах, где по-прежнему не хватало специалистов, с другой, остро стоял вопрос об обеспеченности кадрами, в том числе и в Западно-Сибирском крае.

В большинстве работ, затрагивающих вопрос подготовки и общего состояния младшего и среднего командного состава НКВД СССР, исследуется опыт Великой Отечественной войны. Так, Е. Д. Проценко, Е. В. Байкеев рассматривали деятельность учебных заведений по подготовке кадров для войск НКВД в годы Великой Отечественной войны [1]. С. Я. Ковганов и А. С. Шевляков анализировали процесс реформирования системы органов безопасности в СССР накануне Великой Отечественной войны. Именно созданная в СССР в середине 1930-х гг. сеть учебных заведений по обучению кадров для отечественных органов безопасности позволила обеспечить быстрое формирование кадрового резерва в начале войны, в сжатые сроки обучив достаточное количество оперативных работников [2]. В. Ю. Новожилов, рассматривая развитие системы подготовки кадров для органов государственной безопасности с XIX в., освещал систему подготовки кадров для войск НКВД в предвоенный период [3]. А. Л. Кузьминых, описывая процесс развития и функционирования системы органов внутренних дел советского государства в середине 1930-х — середине 1950-х гг., особое внимание уделяет структуре, полномочиям и кадровому составу органов НКВД-МВД, их месту и роли в развитии советского государства [4]. А. Н. Кононов на основании анализа различных научных источников рассматривает перестройку образовательной системы войск НКВД на военный лад в период 1941—1942 гг. [5]

Таким образом, в исследованиях освещался вопрос состояния и подготовки кадров для ОГПУ-НКВД по стране в целом и рассматривался в основном период Великой Отечественной войны, при этом состояние кадров ОГПУ-НКВД Западно-Сибирского края в 1930-х гг. по-прежнему изучено слабо.

Вопрос подготовки специалистов младшего и среднего звена для органов государственной безопасности нередко становился одним из основных на заседаниях политбюро, особенно в 1930-х гг., в период решения глобаль-

ных государственных задач, таких как индустриализация и коллективизация, требующих огромного количества человеческих ресурсов. Не были исключением и органы государственной безопасности, в том числе войска НКВД. В данных условиях необходимо было пополнить кадровый состав обученным персоналом различных специальностей и уровня образования.

Одним из первых этапов решения комплекса проблем, связанных с обеспеченностью кадрами, было повышение уровня дисциплинированности действующих сотрудников органов, обеспечивающих государственную безопасность страны: охрану государственной границы, выявление, ликвидацию и предотвращение появления бандформирований, охрану и оборону железнодорожных путей и других важных государственных объектов, а также конвоирование осужденных и охрану тюрем, трудовых лагерей и так далее. Для исправного функционирования системы необходима жесткая дисциплина сотрудников, определяющая порядок взаимоотношений внутри структуры, поведение на службе и в общественных местах. Для укрепления дисциплины Полномочным представителем объединенного государственного политического управления по Западно-Сибирскому краю (ПП ОГПУ по ЗСК) был издан приказ от 6 февраля 1931 г. № 178 «О борьбе с нарушителями дисциплины и дискредитации органов ОГПУ», в котором было указано, что эффективность борьбы зависит от качественных характеристик персонала; поставлена задача воспитания сотрудников ведомства в соответствии с устоявшимися, проверенными временем традициями, законами, а также привлечения к ответственности некоторых должностных лиц за чрезмерное употребление алкоголя, дискредитацию и подделку информации о заболеваниях [6, л. 7].

Кандидаты на различные должности младшего и среднего звена в войсках ОГПУ должны были не только иметь профессиональную подготовку, но и четко следовать сложившимся традициям и подчиняться установленному порядку для успешного выполнения задач, возложенных на ОГПУ. Это было первым шагом к решению кадровой проблемы в войсках ОГПУ.

Некомплект личного состава, как рядового, так и командного, необходимо было восполнять путем призыва на службу гражданских лиц. В связи с этим был издан приказ ПП ОГПУ по ЗСК от 10 января 1932 г. № 181 «О мерах ликвидации некомплекта и порядке оформления лиц на постоянную работу в органы РК милиции» [7, л. 7].

Проводилась также переподготовка имеющихся специалистов в ведомственных учебных заведениях. Так, приказом ПП ОГПУ по ЗСК от 10 февраля 1932 г. № 233 был объявлен второй набор слушателей Томской школы среднего начсостава рабоче-крестьянской милиции. В соответствии с приказом на переподготовительный курс полицейского и оперуполномоченного отделения набирались лица из числа оперуполномоченных, помощников оперуполномоченных, инспекторов, политруков взводов. При этом допускалось зачисление беспартийных не более 40 %. Для обучения на переподготовительном курсе политотделения требовалось иметь не менее одного года партийного стажа. На курс подготовки среднего начсостава шел набор из числа лиц младшего и рядового состава. Приказ предусматривал следующие требования к кандидатам на обучение. На переподготовку могли быть зачислены лица в возрасте от 22 до 35 лет, не состоящие под судом и следствием, годные по состоянию здоровья, со стажем работы в милиции не менее шести месяцев и общеобразовательной подготовкой не ниже школ 1-ой ступени. При этом кандидат должен был иметь положительную характеристику с места службы и положительный отзыв партийной организации.

В соответствии с приказом на руководство районов была возложена обязанность подобрать по указанным критериям кандидатов на обучение.

Всего набор составил 180 человек (таблица) [7, л. 43—45].

**Численность слушателей второго набора Томской школы среднего начсостава
рабоче-крестьянской милиции**

*The number of students of the second enrollment of the Tomsk school of the middle
supervisory staff of the Workers' and Peasants' Militia*

Отделение	Количество зачисленных слушателей	
	Курс подготовки	Курс переподготовки
Милийское	53	60
Оперуполномоченное	35	10
Политическое	12	10

Уже через 10 месяцев приказом ПП ОГПУ по ЗСК от 14 декабря 1932 г. № 336 был объявлен 2-й набор в Омскую школу среднего начсостава рабоче-крестьянской милиции. Было предписано подобрать 276 кандидатов на обучение со сроком 5,5 месяцев. Выпускники школы были обязаны в течение не менее двух месяцев проходить службу в предписанных местах по специальности. Требования к поступающим были схожи с требованиями к кандидатам на обучение в Томской школе милиции. В приказе были проанализированы негативные факты из опыта первого набора, приведшие к срыву сроков начала занятий: в качестве кандидатов на обучение были присланы лица больные, подлежащие призыву в РККА и малограмотные [7, л. 336—342]. Причинами некачественного подбора кандидатов на обучение могли быть как халатное отношение к выполнению задачи, так и возможное желание выполнить план по набору кандидатов в сжатые сроки, невзирая на состояние здоровья и уровень образования.

Некачественный подбор кандидатов являлся не единственной проблемой в подготовке кадров для ОГПУ. Возникали проблемы и в организации самого учебного процесса. Так, при проверке Омской школы милиции были выявлены следующие недостатки в программно-методической работе [8, л. 19]:

1. Замена программ по истории большевизма и теории советского хозяйства на изучение второстепенных вопросов.
2. Отсутствие контроля за ведением конспектов обучаемыми и выполнением заданий преподавательским составом.
3. Отсутствие поддержки инициативы преподавателей и курсантов в программно-методических вопросах.

Помимо политработников и начсостава младшего и среднего звена в ОГПУ требовались также технические специалисты с навыками эксплуатации и обслуживания различных технических средств. В целях подготовки таких специалистов было принято решение организовать бронетанковую школу. Личный состав курсантов комплектовался за счет оперативных работников ОГПУ, имеющих склонность к работе с техникой [9, л. 354—355]. Также войска ОГПУ-НКВД остро нуждались в специалистах по вооружению. На базе 65 железнодорожного полка НКВД были сформированы курсы подготовки оружейных мастеров со сроком обучения 1 год, выпуск шестерых специалистов состоялся 2 декабря 1936 г. [10, л. 319].

В целях повышения эффективности взаимодействия органов ОГПУ было принято решение о проведении в Западно-Сибирском крае сборов по подготовке специалистов в области связи, так как связь является важным элементом управления и координации действий. В процессе этих сборов было подготовлено 10 человек младшего командирского состава и специалистов по связи [10, л. 82]. Подобные курсы повторялись в течение года, каждый выпуск составляли от 7 до 10 специалистов по различным видам связи. Один из курсов был сформирован на базе 234 конвойного полка [10, л. 320].

Для подготовки личного состава войск НКВД по стрелковому делу были организованы сборы по обучению командиров снайперских команд и методистов по огневой подготовке. Выпуск 16 специалистов по огневой подго-

товке состоялся 20 мая 1936 г. [11, л. 207] В интересах Главного управления пожарной охраны, которая организационно входила в состав НКВД СССР, проводились курсы подготовки специалистов пожарно-технического состава. 10 февраля 1938 г. состоялся выпуск 23 специалистов пожарных команд, подготовленных на этих курсах [12, л. 189—190].

Важным фактором укрепления положения ведомства, в том числе и преодоления кадрового голода, являлось повышение престижа службы и усиление социальной защищенности сотрудников ОГПУ-НКВД. Наличие гарантированного медицинского обслуживания сотрудников и членов их семей являлось весомым аргументом в пользу службы в органах государственной безопасности. Приказ от 17 января 1932 г. о медицинском обслуживании в учреждениях здравоохранения устанавливал для сотрудников ОГПУ и членов их семей бесплатный отпуск медикаментов, помощь на дому, консультации и лабораторные исследования, а также курортное лечение и лечение в специальных лечебных учреждениях (физико-терапевтические институты). В рамках соглашения ОГПУ Западно-Сибирского края обязывалось уплачивать крайздраву по 16 рублей за каждого сотрудника по штатной численности с расчетом в Новосибирске раз в квартал [7, л. 16]. Такие меры способствовали повышению престижа службы в ОГПУ и привлечению новых кандидатов на службу.

Также было уделено внимание организации работы по профилактике профессиональных заболеваний сотрудников ОГПУ. В приказе ПП ОГПУ по ЗСК от 25 января 1931 г. № 78 утверждалось, что особые условия службы значительно повышают износимость организма и заболеваемость сотрудников, что влечет необходимость проведения предупредительно-оздоровительных мероприятий и организации санаторно-курортного лечения. Кроме того, в целях улучшения медицинского обслуживания сотрудников и снижения профессиональных заболеваний и травм была поставлена задача провести медицинское освидетельствование всех работников с постановкой точного диагноза и четкими рекомендациями. Освидетельствование должны проводить не менее двух врачей (преимущественно терапевт и невропатолог) с привлечением представителя ГПУ [13, л. 29].

В рамках работы с медицинскими учреждениями приказом УНКВД СССР по ЗСК №153/5 от 23 февраля 1938 г. был утвержден штат поликлиники санчасти НКВД Новосибирска в количестве 30 человек [14, л. 15—16]:

начальник поликлиники	1
терапевт	1
хирург	1
фельдшер	2
медсестра	5
санитарка	8
хирургическая санитарка	1
заведующий аптекой	1
кастелянша	1
бухгалтер	1
завхоз-комендант	1
агент по закупкам	1
старший повар	1
помощник повара	1
банщица	1
уборщица	1
истопник	1
кучер	1

Уже через год штат поликлиники пополнится врачом рентгенологом [15, л. 350].

Таким образом, в 1930-е гг. органами ОГПУ-НКВД была проделана большая работа по подготовке специалистов различных степеней и направлений, а также по улучшению условий службы работников ведомства. В условиях нестабильной внешнеполитической обстановки руководству органов государственной безопасности в Западно-Сибирском крае удалось решить вопрос дефицита кадров путем зачисления на службу гражданских лиц, а также с помощью повышения квалификации уже имеющихся военнослужащих.

Вопрос наличия подготовленных кадров в органах государственной безопасности стоял очень остро, так как от их количества и уровня подготовки напрямую зависел успех выполнения задач, возложенных на ОГПУ-НКВД.

В заключение необходимо отметить, что опыт решения кадровых проблем предвоенного времени может быть использован в современной системе военного образования с учетом экономической и политической обстановки.

Список источников

1. Проценко Е. Д., Байкеев Е. В. Деятельность военно-учебных заведений войск НКВД по подготовке офицерских кадров в годы Великой Отечественной войны // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. 2005. № 2 (26). С. 72—75.
2. Ковганов С. Я., Шевляков А. С. Формирование системы подготовки кадров в процессе реформирования отечественных органов безопасности в 30-х гг. XX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 62. С. 27—29.
3. Новожилов В. Ю. Исторический опыт создания и развития системы подготовки военных кадров внутренних войск МВД России // Вестник Военного университета. 2011. № 4 (27). С. 147—152.
4. Кузьминых А. Л. Эволюция системы НКВД—МВД СССР (1934—1956 гг.) // Страницы истории. 2016. № 10. С. 71—78.
5. Кононов А. Н. Реформа образовательного процесса военно-учебных заведений войск НКВД СССР в период 1941—1942 гг. // Современные исследования социальных проблем : электрон. науч. журн. 2015. № 9 (53). С. 708—719.
6. Информационный центр Главного управления МВД России по Новосибирской области (ИЦ ГУ МВД России по НСО). Ф. 4. Оп. 1. Д. 172.
7. ИЦ ГУ МВД России по НСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 175.
8. ИЦ ГУ МВД России по НСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 196.
9. ИЦ ГУ МВД России по НСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 195.
10. ИЦ ГУ МВД России по НСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 236.
11. ИЦ ГУ МВД России по НСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 233.
12. ИЦ ГУ МВД России по НСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 254.
13. ИЦ ГУ МВД России по НСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 169.
14. ИЦ ГУ МВД России по НСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 253.
15. ИЦ ГУ МВД России по НСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 267.

References

1. Protsenko E.D., Baykeev E.V. Deyatel'nost' voenno-uchebnykh zavedeniy voysk NKVD po podgotovke ofitserских кадров v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Activity of Military Educational Institutions of the NKVD Troops in Officers training during the Great Patriotic War], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of St. Petersburg State University], 2005, no. 2 (26), pp. 72-75.
2. Kovganov S.Ya., Shevlyakov A.S. Formirovanie sistemy podgotovki kadrov v protsesse reformirovaniya otechestvennykh organov bezopasnosti v 30-kh gg. XX v. [Building the System of Staff Training in Reforming Domestic Security Agencies in the 1930s of the twentieth century], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of Tomsk State University. History], 2019, no. 62, pp. 27-29.
3. Novozhilov V.Yu. Istoricheskiy opyt sozdaniya i razvitiya sistemy podgotovki voennykh kadrov vnutrennykh voysk MVD Rossii [Historical Experience of Building and Development of the System of MVD of Russia Military Personnel Training], *Vestnik Voennogo universiteta* [Bulletin of Military University], 2011, no. 4 (27), pp. 147-152.

4. Kuz'minykh A.L. Evolyutsiya sistemy NKVD-MVD SSSR (1934-1956 gg.) [Evolution of the NKVD-MVD System of the USSR (1934-1956)], *Stranitsy istorii [Pages of History]*, 2016, no. 10, pp. 71-78.
5. Kononov A.N. Reforma obrazovatel'nogo protsessa voenno-uchebnykh zavedeniy voysk NKVD SSSR v period 1941-1942 gg. [Reform of the Education of Military Educational Institutions of the NKVD Troops of the USSR in 1941-1942], *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem [Modern Studies of Social Problems]*, elektron. nauch. zhurn, 2015, no. 9 (53), pp. 708-719.
6. *Informatsionnyy tsentr Glavnogo upravleniya MVD Rossii po Novosibirskoy oblasti (ITs GU MVD Rossii po NSO) [Information Center of the Main Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Novosibirsk Region]*, coll. 4, aids. 1, fol. 172.
7. *ITs GU MVD Rossii po NSO [Information Center of the Main Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Novosibirsk Region]*, coll. 4, aids.1, fol. 175.
8. *ITs GU MVD Rossii po NSO [Information Center of the Main Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Novosibirsk Region]*, coll. 4, aids.1, fol. 196.
9. *ITs GU MVD Rossii po NSO [Information Center of the Main Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Novosibirsk Region]*, coll. 4, aids.1, fol. 195.
10. *ITs GU MVD Rossii po NSO [Information Center of the Main Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Novosibirsk Region]*, coll. 4, aids.1, fol. 236.
11. *ITs GU MVD Rossii po NSO [Information Center of the Main Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Novosibirsk Region]*, coll. 4, aids. 1, fol. 233.
12. *ITs GU MVD Rossii po NSO [Information Center of the Main Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Novosibirsk Region]*, coll. 4, aids.1, fol. 254.
13. *ITs GU MVD Rossii po NSO [Information Center of the Main Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Novosibirsk Region]*, coll. 4, aids.1, fol. 169.
14. *ITs GU MVD Rossii po NSO [Information Center of the Main Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Novosibirsk Region]*, coll. 4, aids.1, fol. 253.
15. *ITs GU MVD Rossii po NSO [Information Center of the Main Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Novosibirsk Region]*, coll. 4, aids.1, fol. 267.

Информация об авторе

Зайцев Никита Игоревич — командир роты курсантов, Новосибирское высшее военное командное ордена Жукова училище, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: z_nikita@internet.ru

Information about the author

Nikita I. Zaitsev — cadet company commander, Novosibirsk Higher Military Command School of the Order of Zhukov, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: z_nikita@internet.ru

Статья поступила в редакцию 27.07.2024; одобрена после рецензирования 30.08.2024; принята к публикации 03.09.2024.

The article was submitted 27.07.2024; approved after reviewing 30.08.2024; accepted for publication 03.09.2024.

История государственного управления: влияние мировых войн

Научная статья
УДК 631.115.71(47)"1946/1950"
<https://doi.org/10.32324/2949-1568-2024-3-34-44>

Совхозы на Урале в первые послевоенные годы

Владимир Павлович Мотревич

Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, Российская Федерация, vladimir.motrevich@mail.ru

Аннотация. В статье проведен анализ динамики числа советских хозяйств на Урале, их ведомственной принадлежности и производственного направления в 1946—1950 гг. Новизна исследования определяется как постановкой проблемы, так и введением в научный оборот материалов двух крупнейших федеральных архивов, которые свидетельствуют о том, что в конце IV пятилетки большая часть советских хозяйств на Урале, как и в предыдущие годы, находилась в ведении Наркомата совхозов СССР, а также Министерства сельского хозяйства СССР. Проводимые в сельском хозяйстве реформы часто запутывали и усложняли систему управления и не приносили ожидаемых результатов, а сложившаяся система руководства отрывала совхозы от местных органов власти и управления. Анализ архивных материалов показал, что в первые послевоенные годы довоенное количество совхозов постепенно восстанавливалось, а к концу IV пятилетки их число, как в РСФСР, так в целом по стране, превысило довоенный уровень. В изучаемом регионе неплохо обстояло дело с восстановлением советских хозяйств, особенно в Курганской и Чкаловской областях. К концу исследуемого периода основная часть советских хозяйств на Урале находилась в подчинении Министерства совхозов СССР. Большая часть уральских совхозов имела животноводческое направление. В Башкирии и областях Южного Урала весомой была и роль зерносовхозов.

Ключевые слова: первые послевоенные годы, Урал, совхозы, ведомственная принадлежность, Наркомат совхозов, производственное направление

Для цитирования. Мотревич В. П. Совхозы на Урале в первые послевоенные годы // Сибирь гуманитарная. 2024. № 3. С. 34—44. <https://doi.org/10.32324/2949-1568-2024-3-34-44>

Public administration history: the impact of the world wars

Original article

State farms in the Urals in the first post-war years

Vladimir P. Motrevich

V.F. Yakovlev Ural State Law University, Yekaterinburg, Russian Federation, vladimir.motrevich@mail.ru

Abstract. The article analyzes the dynamics of the number of Soviet farms in the Urals, their departmental affiliation and production sector in 1946—1950. The academic significance of the research is determined by both the problem under study and the introduction of new documents from two major federal archives. The analysis indicates that at the end of the IV Five-Year Plan most of the Soviet farms in the Urals, as in previous years, were under the jurisdiction of the People's Commissariat of State Farms of the USSR, as well

as the Ministry of Agriculture of the USSR. The reforms carried out in agriculture often confused and complicated the management system and did not bring the expected results. The existing management system separated state farms from the local authorities. The analysis of archival materials shows that in the first post-war years, the pre-war number of state farms was gradually going up, and by the end of the IV Five-Year Plan their number, both in the RSFSR and in the country as a whole, exceeded the pre-war rate. In the region under study, the number of Soviet farms rose, especially in the Kurgan and Chkalov regions. By the end of the period under study, most of the Soviet farms in the Urals were subordinate to the Ministry of State Farms of the USSR. Most of the Ural state farms focused on livestock breeding. In Bashkiria and the regions of the Southern Urals, the role of grain farms was also significant.

Keywords: the first post-war years, the Urals, state farms, departmental affiliation, People's Commissariat of State Farms, production sector

For citation: Motrevich V.P. State Farms in the Urals in the First Post-war Years. *Siberia Humanitarian*. 2024;(3):34—44. (In Russ.). <https://doi.org/10.32324/2949-1568-2024-3-34-44>

Совхозы — это государственные сельскохозяйственные предприятия, которые были одной из форм аграрного производства в СССР. Истории совхозного строительства в СССР посвящен ряд крупных научных трудов, в первую очередь М. Л. Богденко и И. Е. Зеленина [1—3]. История же уральских совхозов исследована недостаточно из-за незначительной роли советских хозяйств в сельскохозяйственном производстве края, где основную часть продукции давали колхозы и индивидуальные хозяйства. Затрудняли исследовательскую работу и факты постоянных изменений в системе управления советскими хозяйствами и их ведомственная разобщенность, что создавало огромные сложности при суммировании результатов деятельности совхозов всех систем.

В годы Великой Отечественной войны количество совхозов в тыловых областях СССР уменьшилось, поскольку часть из них была передана промышленным предприятиям, организациям и учреждениям в качестве подсобных хозяйств. Аналогичный процесс происходил и на Урале, в результате количество советских хозяйств в регионе сократилось с 330 в 1940 г. до 253 в 1945 г. После окончания войны государственная политика в отношении подсобных сельских хозяйств промышленных предприятий, организаций и учреждений резко изменилась, началось их массовое возвращение в совхозную систему. Так, если по состоянию на начало 1945 г. в Уральском регионе были учтены 2 690 подсобных сельских хозяйств, принадлежащих 43 министерствам и ведомствам, то спустя год — 2 048. На начало 1947 г. их оставалось 101, на начало 1948 г. — 875, а на январь 1949 г. — всего 553 [4, л. 2—8 ; 5, л. 13—15 ; 6, л. 37—40 ; 7, л. 52—54 ; 8, л. 19—29]. Это незамедлительно сказалось на численности совхозов в регионе. К концу IV пятилетки совхозная система на Южном Урале была восстановлена на довоенном уровне, а в Курганской и Чкаловской областях советских хозяйств даже стало значительно больше. Что касается уральского нечерноземья, то там до восстановления довоенной численности советских хозяйств и спустя пять лет после окончания войны было еще далеко.

В ходе совхозного строительства в СССР неоднократно менялась система управления совхозной системой. В результате всех преобразований к началу Великой Отечественной войны совхозы в стране в основном входили в Наркомат совхозов (НКСХ) СССР, Наркомат пищевой промышленности (НКПП) СССР, Наркомат мясомолочной промышленности (НКММП) СССР и тресты пригородных хозяйств. Наркомат совхозов СССР руководил основной массой хозяйств через республиканские наркоматы, в том числе через Наркомат зерновых и животноводческих совхозов РСФСР. Имелись и совхозы, подчиненные непосредственно Наркомату совхозов СССР. Наркомат зерновых и животноводческих совхозов РСФСР осуществлял руководство советскими хозяйствами через производственно-территориаль-

ные управления — тресты. Тресты объединяли совхозы одного производственного направления, расположенные на территории края или области, что значительно облегчало наркомату оперативное руководство ими.

Великая Отечественная война не внесла больших изменений в ведомственную принадлежность советских хозяйств. При общем сокращении количества совхозов число относящихся к системам НКСХ, НКПП и НКММП хозяйств практически не изменилось, уменьшение же числа хозяйств произошло за счет трестов пригородных хозяйств. Серьезные изменения в управлении совхозной системой произошли после окончания Великой Отечественной войны в результате создания в сельском хозяйстве специализированных министерств по отраслевому принципу. В марте 1946 г. была предпринята попытка подчинить основную массу совхозов страны созданным Министерству земледелия СССР и Министерству животноводства СССР, ликвидировав при этом Наркомат совхозов СССР. В результате 42,1 % совхозов страны оказалось в ведении Министерства животноводства СССР; 14,7 % — Министерства земледелия; 17,7 % — Министерства вкусовой промышленности; 11,8 % — Министерства мясомолочной промышленности и т. д. (табл. 1) [9, л. 2—4].

Таблица 1

Ведомственная принадлежность совхозов всех систем в 1946 гг.
Departmental affiliation of state farms of all systems in 1946

Регион	Общее количество совхозов	Количество совхозов					
		Министерства земледелия СССР	Министерства животноводства СССР	Министерства вкусовой промышленности СССР	Министерства мясной и молочной промышленности СССР	Министерства внешней торговли СССР	других министерств
Башкирская АССР	49	15	25	3	4	—	2
Удмуртская АССР	9	1	7	—	—	—	1
Курганская область	38	13	23	—	2	—	—
Молотовская область	8	2	5	1	—	—	—
Свердловская область	14	1	8	—	4	—	1
Челябинская область	41	14	22	3	1	—	1
Чкаловская область	87	23	57	3	—	2	2
Уральский регион	246	69	147	10	7	2	11
РСФСР	2 584	372	959	299	366	59	529
СССР	4 300	577	1 656	695	465	124	783

Однако перестройка управления была осуществлена без учета особенностей сельскохозяйственного производства и в феврале 1947 г. было восстановлено Министерство совхозов СССР, в ведение которого были переданы зерновые, овощные, животноводческие и хлопковые совхозы министерств. Вскоре министерства земледелия, технических культур и животноводства были объединены в Министерство сельского хозяйства СССР. Для руководства же совхозами на территории России 27 февраля 1947 г. было образовано Министерство совхозов РСФСР.

К концу IV пятилетки, как и в довоенные годы, основная масса совхозов на Урале находилась в ведении Министерства совхозов СССР (табл. 2).

При этом по сравнению с довоенным временем их доля в составе совхозов всех систем существенно возросла за счет передачи Министерству совхозов хозяйств из других министерств. Существенно увеличилось число совхозов Министерства сельского хозяйства СССР за счет передачи в их ведение конезаводов и плодопитомников [9, л. 13 —16 ; 10, л. 1—3 ; 15, л. 22, 24].

Таблица 2

**Ведомственная принадлежность совхозов всех систем на Урале
в 1941 и 1951 гг. (данные на конец года)**

*Departmental affiliation of state farms of all systems in the Urals
in 1941 and 1951 (data as of the end of the year)*

Регион	Количество совхозов							
	Наркомата / Министерства совхозов		Наркомата / Министерства пищевой промышленности		Наркомата / Министерства мяс- ной и молочной промышленности СССР		Министерства земледелия (сельского хозяйства) СССР	
	1941	1951	1941	1951	1941	1951	1941	1951
Башкирская АССР	41	37	2	3	—	—	—	10
Удмуртская АССР	7	8	—	—	—	—	1	2
Курганская область	—	43	—	—	—	—	—	8
Молотовская область	11	2	1	1	—	—	—	6
Свердловская область	11	24	—	—	—	1	—	3
Челябинская область	74	42	2	3	—	—	—	8
Чкаловская область	67	85	5	4	—	—	1	3
Уральский регион	211	241	10	11	4	1	2	40

Материалы сводных годовых отчетов совхозов и документация ЦСУ СССР позволяют определить и специализацию советских хозяйств НКСХ СССР, в ведении которого находилась большая часть этих сельхозпредприятий (табл. 3). В начале 1940-х гг. большая часть совхозов имела животноводческую направленность. Из 2 774 совхозов Наркомата совхозов СССР 1 406 (60,6 %) были мясомолочными, 375 (13,5 %) — свиноводческими. К этому следует добавить 152 овцеводческих (5,5 %), 124 коневодческих (4,5 %), а также птицеводческие, оленеводческие, звероводческие, в том числе кролиководческие, и шелководческие совхозы. Доля же зерновых совхозов составляла всего 20,3 % их общего количества [11, л. 15 ; 12, л. 7, 8].

Таблица 3

**Производственная направленность совхозов Наркомата (Министерства)
совхозов СССР в 1941 и 1950 гг. (данные на начало года)**

*Production sector of state farms of the People's Commissariat (Ministry)
of State Farms of the USSR in 1941 and 1950 (data as of the beginning of the year)*

Регион	Год	Количество совхозов				
		зерновых	мясомолочных	свиноводческих	других направлений	всего
Башкирская АССР	1941	15	13	9	4	41
	1950	16	9	6	6	37
Удмуртская АССР	1941	1	1	5	—	7
	1950	—	6	2	—	8
Курганская область	1950	13	13	9	8	43
Молотовская область	1941	2	—	—	9	11
	1950	—	2	—	—	2
Свердловская область	1941	—	5	6	—	11
	1950	—	11	3	10	24

Регион	Год	Количество совхозов				
		зерновых	мясомолочных	свиноводческих	других направлений	всего
Челябинская область	1941	23	24	15	12	74
	1950	12	15	2	13	42
Чкаловская область	1941	19	30	7	11	67
	1950	22	23	6	34	85
Уральский регион	1941	60	71	42	38	211
	1950	63	79	28	72	242
РСФСР	1941	312	580	505	155	1 552
	1950	308	828	214	314	1 664
СССР	1941	471	850	446	553	2 320
	1950	490	1 406	375	503	2 774

Мясомолочные, свиноводческие и зерновые хозяйства составляли большую часть советских хозяйств на Урале. В системе НКХС на их долю приходилось 85,8 %. Производственная направленность совхозов напрямую зависела от географического положения республик и областей на территории края. Так, почти все зерновые совхозы находились на Южном Урале: в Башкирии, Челябинской и Чкаловской областях, имеющих благоприятные природно-климатические условия для выращивания зерновых культур. Таким образом, до Великой Отечественной войны животноводство являлось главной отраслью в совхозной системе, как в целом по стране, так и в Уральском регионе.

В первые послевоенные годы число совхозов мясомолочного направления, как в РСФСР, так и в целом по стране, заметно возросло. При этом заметно сократилось количество свиноводческих хозяйств, что можно объяснить дефицитом необходимых для отрасли концентрированных кормов. Несколько иная ситуация с животноводческими хозяйствами наблюдалась на Урале: при значительном сокращении свиноводства количество мясомолочных совхозов по сравнению с довоенным временем осталось неизменным (см. табл. 3).

Материалы совхозной отчетности позволяют установить производственное направление совхозов в республиках и областях на Урале, их принадлежность к министерству или тресту на 1 января 1951 г., аналогичные материалы о совхозах Урала на 1 января 1941 г. были опубликованы нами ранее [10, с. 47—50].

Материалы свидетельствуют, что на начало 1951 г. в Башкирской АССР имелся 51 совхоз, 7 из них были союзного подчинения, 43 республиканского, а еще один — местного. Среди хозяйств союзного подчинения 4 относились к Министерству сельского хозяйства СССР. Они имели коневодческое направление и находились в ведении Уральского межобластного коневодческого треста (Свердловск). Это госконезавод № 46 (Баймакский район), а также госконезаводы № 109, 119 и 138, находившиеся соответственно в Матраевском, Уфимском и Куюргазинском районах БАССР. В союзном подчинении были совхоз «Уржак» (Чишминский район) и совхоз им. Цюрупы (Уфимский район). Оба они находились в ведении треста «Главспирт» (Уфа) Министерства пищевой промышленности СССР. В союзном подчинении был и расположенный в Гафурийском районе нетрестированный совхоз «Табынский».

В республиканском подчинении были совхозы Министерства совхозов РСФСР в составе Башкирского треста зерновых совхозов и Башкирского треста молочных и свиноводческих совхозов. В состав Башкирского треста зерновых совхозов входили 15 зерносовхозов: «Акъярский» (Хайбуллинский район), «Красная Башкирия» и «Янгельский» (Абзелиловский район), «Кызыльский» и «Раевский» (Альшеевский район), «Зилаирский» (Баймак-

ский район), совхоз им. БашЦИК (Благоварский район), «Буздякский» (Буздякский район), «Давлекановский» и «Казангуловский» (Давлекановский район), «Месягутовский» (Мечетлинский район), «Стерлитамакский» и «Альшевский» (Стерлитамакский район), «Дмитриевский» (Уфимский район), «Смычка» (Чишминский район).

К Башкирскому тресту молочных и свиноводческих совхозов относились 12 хозяйств молочного направления и 6 свиноводческих совхозов, а также овцеводческий совхоз «Зианчуринский» (Абзамовский район), коневодческий совхоз «Тамалыкский» (Хайбуллинский район) и птицеводческий совхоз «Краснознаменный» (Белебеевский район). Молочные совхозы — это «Сакмарский» (Абзановский район), «Суванякский» (Баймакский район), Аллагузовский и «Беляковский» (Белокатайский район), «Демский» (Бижбулякский район), «Инякский» (Зианчуринский район), «Мурапталовский» (Куюргазинский район), Араслановский» (Мелеузовский район), «Миякинский» (Миякинский район), «Лагерный» и «Саргамышский» (Салаватский район), «Байрамгуловский» (Учалинский район), «Шемяк» (Уфимский район). К входившему в структуру Министерству сельского хозяйства РСФСР Башкирскому плодопитомнику (Уфа) относились 6 совхозов: «Стерлитамакский» (г. Стерлитамак), «Бузовьязовский» (Бузовьязовский район), «Иглинский» (Иглинский район), «Бирский» (Бирский район), «Кушнаренковский» (Кушнаренковский район), «Бакалинский» (Бакалинский район). Министерству пищевой промышленности БАССР подчинялся нетрестированный «Пчелосовхоз» (Гафурийский район) [14, л. 90, 91].

В Удмуртской АССР на начало 1951 г. имелось 11 совхозов, 1 союзного подчинения и 10 — республиканского. Союзного подчинения конезавод № 136, расположенный в Граховском районе республики, находился в ведении Уральского коневодческого треста Министерства сельского хозяйства СССР. Еще 9 хозяйств относились к Удмуртскому тресту совхозов Министерства совхозов РСФСР. Среди них 6 молочных хозяйств: совхозы «Воткинский» (Воткинский район), совхоз им. 5-летия УАССР (Завьяловский район), «Юсский» (Ижевский район), «Уромский» (Мало-Пургинский район), «Сарапульский» и «Удмуртский» (Сарапульский район), а также свиноводческие хозяйства: совхоз им. Ленина, «Яжбахтинский» (Киясовский район), совхоз им. 10-летия УАССР (Мало-Пургинский район). В ведении Министерства хозяйства РСФСР находился расположенный в г. Сарапуле Сарапульский плодопитомник [14, л. 89].

Из 51 совхоза в Курганской области 46 были союзного и 5 — республиканского подчинения. Большинство хозяйств союзного подчинения (13 зерновых, столько же молочных, 7 свиноводческих, 5 птицеводческих и 3 овцеводческих совхоза) относились к Курганскому зерноживотресту. Зерновыми совхозами в составе треста были: «Шадринский» (Батуринский район), «Белозерский» (Белозерский район), «Варгашинский» (Варгашинский район), «Каргопольский» (Каргопольский район), «Лебяжье-Вский» (Лебяжье-Вский район), «Лопатинский» (Лопатинский район), «Коноваловский», «Макушинский» и «Пионер» (Макушинский район), «Петуховский» (Петуховский район), «Сафакулевский» и «Яланский» (Сафакулевский район) и «Большевик» (Шумихинский район). Молочными совхозами в составе треста были «Катайский», «Строитель» и «Яланский» (Альменевский район), «Такташинский» (Кировский район), «Севастьяновский» (Мишкинский район), «Больше-Каменский» и «Семискульский» (Мокроусовский район), «Заря» (Ольховский район), «Глубокинский», «Луговской» и «Усть-Уйский» (Усть-Уйский район), «Петровский» (Шумихинский район) и «Каясановский» (Щучанский район); свиноводческими — «Уралец» (Долматовский район), «Лопатинский» (Лопатинский район), «2-я пятилетка» (Мишкинский район), «Восход» (Ольховский район), «Чашинский

(Чашинский район), совхозы им. Буденного и им. Ворошилова (Шадринский район).

К зерноживотресту относились также 5 птицеводческих совхозов: «Баксарский» (Лебяжье-Вский район), «Басковский» (Макушинский район), «Петуховский» (Петуховский район), «Волчанский» (Частоозерский район), «Шумихинский» (Шумихинский район) и расположенные в Звериноголовском районе овцеводческие хозяйства — совхозы «Алабугский», «Березовский» и «Камаганский». Кроме того, два совхоза союзного подчинения — молочный совхоз «Курганский» (Курганский район) и свиноводческий совхоз им. 8-го марта являлись нетрестированными хозяйствами. Хозяйствами республиканского подчинения являлись птицеводческий совхоз «Катайский» (Катайский район) Министерства совхозов РСФСР и 4 госпллодопитомника: «Курганский» (Варгашинский район), «Куртамышский» (Куртамышский район), «Садовод» (Макушинский район) и «Шадринский» (г. Шадринск) [14, л. 100, 101].

Меньше всего совхозов (10) размещалось на Западном Урале в Молотовской области, 6 из них (конезаводы № 3, 6 и 43 (Куединский район), конезавод № 9 (Верхне-Муллинский район) и конезавод № 105 (Чернушинский район)) были союзного подчинения и относились к Уральскому коневодческому тресту Министерства сельского хозяйства СССР. Хозяйством союзного подчинения был и совхоз «Тюшевский», подчиненный тресту «Главспирт» Министерства пищевой промышленности СССР. К хозяйствам республиканского подчинения относились нетрестированные овощесовхозы Министерства совхозов РСФСР «Верхне-Муллинский» (Верхне-Муллинский район) и «Данилихинский» (г. Молотов). В подчинении Министерства сельского хозяйства РСФСР находились молочный совхоз «Зуевский» и госпллодопитомник «Больше-Савинский» (Верхне-Муллинский район) [14, л. 88].

Несколько больше совхозов — 29 (7 союзного и 22 республиканского подчинения) — размещались в Свердловской области. Совхозами союзного подчинения были нетрестированные молочные племенные совхозы Министерства совхозов СССР «Зональная» (г. Нижний Тагил) и «Тагильский» (Петрокамский район), а также племенной свиноводческий совхоз «Пионер» (Талицкий район). Уральскому межобластному коневодческому тресту Министерства сельского хозяйства СССР подчинялись конезаводы № 107 (Коптеловский район), № 118 (Зайковский район) и № 130 (Нижне-Сергинский район). Расположенный в областном центре птицеводческий совхоз «Свердловский» относился к Свердловскому птицетресту Министерства мясной и молочной промышленности СССР. Из 22 совхозов республиканского подчинения 19 относились к Свердловскому тресту животноводческих совхозов Министерства совхозов РСФСР. Это племенной молочный совхоз «Тагил» (г. Нижний Тагил), молочные совхозы «Бородулинский» и «Косулинский» (Арамилский район), «Верхнесалдинский» (Верхне-Салдинский район), «Егоршинский» и «Покровский» (Егоршинский район), «Верхнетуринский» (Кушвинский район), «Пышминский» (Пышминский район), «Орджоникидзевский» (г. Свердловск), «Ницинский» (Слободотуринский район), «Чупинский» (Талицкий район), «Комсомольский», «Октябрьский» и «Тугулымский» (Тугулымский район), «Туринский» (Туринский район), а также свиноводческие совхозы «Бэкон», совхоз им. Молотова и «Калиновский» (Богдановичский район), а также овощемолочный совхоз «Свердловский» (г. Свердловск). Птицеводческие совхозы «Камышловский» (Камышловский район), «Балаирский» и утиный совхоз «Поклевский» (Талицкий район) не были трестированы и подчинялись напрямую Министерству совхозов РСФСР [14, л. 86].

В Челябинской области имелось 53 совхоза, из них 7 союзного и 46 республиканского подчинения. В союзном подчинении находились конезаво-

ды № 8 (Троицкий район), № 36 (Брединский район), № 43 (Кизильский район) и № 45 (Кунашакский район), относящиеся к Уральскому межобластному коневодческому тресту Министерства сельского хозяйства СССР, а также 3 хозяйства Министерства пищевой промышленности СССР, 2 из них, расположенные в Каслинском районе, — совхоз им. Кирова и «Щербаковский» — относились к тресту «Главспирт», а совхоз «Полтавский» (Сосновский район) был нетрестирован. Госпллодопитомники Челябинской области — «Полтавский» (Полтавский район), «Смоленский» (Сосновский район), «Багарякский» (Багарякский район) и «Уральский» (Троицкий район) были нетрестированы и подчинялись Министерству сельского хозяйства РСФСР.

Основная часть советских хозяйств, находившихся в подчинении Министерства совхозов РСФСР, входила в Челябинский зерноживотноводческий трест. Исключение составлял племенной овцеводческий совхоз «Урал» в Кизильском районе. В Челябинский трест входили 11 совхозов, имевших зерновое направление, и 24 — молочное. Зерновыми хозяйствами были совхозы «Буранный» и «Магнитный» (Агаповский район), «Бердинский» (Аргаяшский район), «Петропавловский» (Верхнеуральский район), «Уйский» (Колхозный район), «Миасский» (Миасский район), «Гумбейский» и «Нагайбакский» (Нагайбакский район), «Карсинский» и «Троицкий» (Троицкий район), «Увельский» (Увельский район). Молочное направление имели совхозы: «Горный» (Агаповский район), «Аргаяшский», «Муслюмовский» (Аргаяшский район), «Варненский», «Дружный», «Ново-Варненский», «Новый Урал» (Варненский район), «Александровский», «Калачевский» (Еткульский район), «Песчаный», «Плодовитый» (Каракульский район), «Уралец» (Кизильский район), «Белоносковский» (г. Коркино), «Донгузловский» и «Козыревский» (Красноармейский район), «Медведевский» (Кусинский район), «Гривенский», «Ункурдинский» (Нязепетровский район), «Неплюевский», «Полтавский», «Южно-Степной» (Полтавский район), «Сосновский», «Томинский» (Сосновский район) «Чесменский» (Чесменский район). В состав Челябинского зерноживоттреста входили также овощесовхоз «Митрофановский» (Сосновский район), свиновхозы «Чебаркульский» (Чебаркульский район), «Красный Октябрь» и «Степной» (Верхнеуральский район), овцесовхозы «Победа» и «Путь Октября», племенной овцеводческий совхоз «Урал» (Кизильский район) [14, л. 92, 93].

На территории Чкаловской области располагалось больше всего совхозов — 92, из них 11 союзного и 81 республиканского подчинения. Союзное подчинение имели 5 нетрестированных хозяйств Министерства совхозов СССР: мясной племенной совхоз «Броды» (Октябрьский район), племенные овцеводческие совхозы «Октябрьский» (Октябрьский район) и «Губерлинский» (Халиловский район), а также каракулеводческие совхозы «Акжарский» (Домбаровский район) и совхоз им. Свердлова (Люксембургский район). Конезаводы № 24 (Грачевский район) и № 25 (Соль-Илецкий район) относились к Уральскому межобластному коневодческому тресту Министерства сельского хозяйства СССР, совхоз им. Чапаева (Бузулукский район), совхозы «Красная Долина» (Курманаевский район), «Турай» (Троицкий район) и «Дубовский» (Саракташский район) входили в трест «Главспирт» Министерства пищевой промышленности СССР. Большинство же советских хозяйств входило в состав трех областных трестов Министерства совхозов РСФСР: Чкаловского треста зерновых совхозов (22 совхоза), Чкаловского молочно-свиноводческого треста (21 совхоз молочного и 7 свиноводческого направления) и Чкаловского мясоовцеводческого треста (13 совхозов мясного, 7 овцеводческого, 1 коневодческого и 7 молочного направления).

В ведении Чкаловского треста зерновых совхозов находились следующие хозяйства: совхоз «Каинды-Кумакский» (Адамовский район), совхоз

им. Молотова (Белозерский), «Черноотрожский» (Гавриловский район), «Чебеньковский» (Екатериновский район), совхоз им. Кирова (Кваркенский район), совхоз им. Чкалова (Краснопартизанский район), «Волжские коммуны» (Курманаевский район), «Сарай-Гирский» и «Матвеевский» (Матвеевский район), совхоз им. Сталина (Мордовско-Боклинский район), «Магнитострой» (Мустаевский район), совхоз им. Электрозавода (Ниже-сергинский район), «Красная Житница» и «Оренбургский» (Павловский район), «Переволоцкий» (Переволоцкий район), «Платоновский» и «Халиловский» (Покровский район), «Пономаревский» (Пономаревский район), «Маяк» (Соль-Илецкий район), совхоз им. Войкова (Сорочинский район), «Погроминский» и «Тоцкий» (Тоцкий район).

К Чкаловскому тресту молочно-свиноводческих совхозов относились следующие молочные хозяйства: совхоз им. ОГПУ (Абдулинский район), совхоз им. Дзержинского и «Притокский» (Александровский район), им. Коминтерна (Грачевский район), «Дубиновский» и «Зиянчуринский» (Зиянчуринский район), совхоз им. Второй пятилетки (Ивановский район), «Красная Горка» (Красно-Партизанский район), совхоз им. Ленина (Люксембургский район), «Ново-Покровский» (Ново-Покровский район), «Бузулукский» и совхоз им. Свердлова (Свердловский район), совхоз им. Молотова (Сорочинский район), совхоз им. Калинина, «Степной» и «Ташлинский» (Ташлинский район), совхоз им. Володарского, «Ленинский», «Мансуровский» и «Рубежанский» (Тепловский район), совхоз им. Карла Либкнехта (Шарлыкский район), а также свиноводческие совхозы «Пролеткульт» (Бугурусланский район), «Красногвардеец» (Бузулукский район), «Ильинский» (Кувандыкский район), «Воронежский» (Халиловский район), «Боевой», совхоз им. 17-й партконференции (Чкаловский район), «Ключевской» (Павловский район) и «Дубовский» (Саракташский район).

В состав Чкаловского мясоовцеводческого треста входили мясные совхозы «Шильдинский» (Адамовский район), «Беляевский», «Бурдыкский» (Буртинский район), совхоз им. Сталина (Илекский район), совхоз им. Розы Люксембург и «Кваркенский» (Кваркенский район), совхоз им. Димитрова (Краснохолмский район), «Кувандыкский», «Приуральский» (Кувандыкский), совхоз им. Цвиллинга (Соль-Илецкий район), «Тепловский» и «Уральский» (Тепловский район), совхоз № 5 (Ак-Булакский район), а также овцеводческие совхозы «Советский» (Ак-Булакский район), совхоз им. Карла Маркса (Белозерский район), «Буртинский» (Буртинский район), «Камышалинский» и «Красный Чабан» (Домбаровский район), «Будамшинский» (Ново-Орский район), «Караванный» (Чкаловский район), коневодческий совхоз «Домбаровский» (Домбаровский район) и молочные совхозы «Ак-Булакский» (Ак-Булакский район), «Горный Ерик», совхоз им. Максима Горького, совхоз им. Кирова и «Орский» (Ново-Орский район), «Чкаловский» (Чкаловский район) и «Шахтер» (Домбаровский район). К Министерству совхозов РСФСР относился также птицеводческий совхоз «Большевик» (Сакмарский район), а к Министерству сельского хозяйства РСФСР — госпллодопитомник «Бузулукский» [14, л. 95—97].

Таким образом, существовавшая в СССР совхозная система часто подвергалась изменениям. Проводимые реформы в ряде случаев запутывали и усложняли систему управления и не принесли ожидаемых результатов. Сложившаяся система руководства отрывала совхозы от местных органов власти и управления. Местным руководителям было сложно наладить связь с многочисленными управлениями и трестами, которым непосредственно подчинялись находящиеся на их территории совхозы, так как связанные с сельским хозяйством российские наркоматы и правления находились в Москве. На конец IV пятилетки большая часть советских хозяйств на Урале, как и в предыдущие годы, находилась в ведении Наркомата совхозов СССР. Также большое количество хозяйств было в ведении Министер-

ства сельского хозяйства СССР. Роль остальных министерств в совхозном строительстве была невелика. При этом несмотря на многочисленные и не всегда удачные эксперименты по руководству совхозами, в первые послевоенные годы их довоенная численность постепенно восстанавливалась. Анализ статистических данных показывает, что к концу IV пятилетки число совхозов, как в РСФСР, так в целом по стране, превысило довоенный уровень. Особенно динамично число советских хозяйств росло на Южном Урале, например в Курганской и Чкаловской областях, заметно превысив довоенный уровень. Медленнее шло восстановление совхозного сектора сельского хозяйства в нечерноземных районах. По своей производственной направленности большая часть совхозов на Урале были животноводческими — мясомолочными и свиноводческими. В Башкирии и областях Южного Урала весомой была и роль зерносовхозов. На протяжении исследуемого десятилетия в производственной специализации совхозов края не произошло больших изменений, можно выделить только снижение числа свиновозов, особенно в Челябинской области.

Список источников

1. Богденко М. Л., Зеленин И. Е. Совхозы СССР: краткий исторический очерк (1917—1975). М. : Политиздат, 1976. 279 с.
2. Богденко М. Л. Совхозы СССР. 1951—1958 гг. М. : Наука, 1972. 376 с.
3. Зеленин И. Е. Совхозы СССР (1941—1945). М. : Наука, 1969. 344 с.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 374. Оп. 7. Д. 2140.
5. ГАРФ. Ф. 374. Оп. 7. Д. 3651.
6. ГАРФ. Ф. 374. Оп. 7. Д. 3652.
7. ГАРФ. Ф. 374. Оп. 7. Д. 3653.
8. ГАРФ. Ф. 374. Оп. 7. Д. 3654.
9. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 324. Д. 1275.
10. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 323. Д. 185.
11. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 3905.
12. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 298.
13. Мотревич В. Вклад в Победу: сельское хозяйство Урала в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург Альфа Принт, 2021. 700 с.
14. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 3492.

References

1. Bogdenko M.L., Zelenin I.E. Sovkhozy SSSR: kratkiy istoricheskiy ocherk (1917-1975) [State Farms of the USSR: a Brief Historical Review (1917-1975)]. Moscow, Politizdat, 1976, 279 p.
2. Bogdenko M.L. Sovkhozy SSSR. 1951-1958 gg. [State Farms of the USSR. 1951-1958]. Moscow, Nauka, 1972, 376 p.
3. Zelenin I.E. Sovkhozy SSSR (1941-1945) [State Farms of the USSR. 1941-1945]. Moscow, Nauka, 1969, 344 p.
4. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF) [State Archive of the Russian Federation (GARF)], coll. 374, aids. 7, fol. 2140.
5. GARF, coll. 374, aids. 7, fol. 3651.
6. GARF, coll. 374, aids. 7, fol. 3652.
7. GARF, coll. 374, aids. 7, fol. 3653.
8. GARF, coll. 374, aids. 7, fol. 3654.
9. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv ekonomiki (RGAE) [Russian State Archive of Economics (RGAE)], coll. 1562, aids. 324, fol. 1275.
10. RGAE, coll. 1562, aids. 323, fol. 185.
11. RGAE, coll. 1562, aids. 324, fol. 3905.
12. RGAE, coll. 1562, aids. 324, fol. 298.
13. Motrevich V. Vklad v Pobedu: sel'skoe khozyaystvo Urala v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Contribution to the Victory: Agriculture in the Urals during the Great Patriotic War]. Ekaterinburg Alfa Print, 2021, 700 p.
14. RGAE, coll. 1562, aids. 324, fol. 3492.

Информация об авторе

Мотревич Владимир Павлович — доктор исторических наук, профессор, Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, Российская Федерация. E-mail: vladimir.motrevich@mail.ru

Information about the author

Vladimir P. Motrevich — Doctor of Historical Sciences, Professor, V.F. Yakovlev Ural State Law University, Yekaterinburg, Russian Federation. E-mail: vladimir.motrevich@mail.ru

Статья поступила в редакцию 18.06.2024; одобрена после рецензирования 26.07.2024; принята к публикации 07.08.2024.

The article was submitted 18.06.2024; approved after reviewing 26.07.2024; accepted for publication 07.08.2024.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА: ВНУТРЕННИЕ И ВНЕШНИЕ ФАКТОРЫ

STATE NATIONAL POLICY: INTERNAL AND EXTERNAL FACTORS

Сибирь гуманитарная. 2024. № 3. С. 45—58.
Siberia Humanitarian. 2024;(3):45—58.

Национальная политика государства: внутренние
и внешние факторы

Научная статья
УДК 376.7(=112.2)(47+57)"1920/1930"
<https://doi.org/10.32324/2949-1568-2024-3-45-58>

Советизация образования немцев СССР в 1920—1930-е гг.

Ирина Васильевна Черказьянова

Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, cherk@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1569-002X>

Аннотация. В статье рассматривается проблема советизации национального образования в довоенный период на примере немецкой школы. Противоречия в школьной политике наиболее ярко прослеживаются в 1920-е — начале 1930-х г. Предоставление права обучения на родном языке и развитие школьной сети сопровождалось деструктивными для немцев законами о разрыве школы и церкви, изгнанием опытных учителей по религиозному признаку и заменой их молодежью, воспитанной в духе атеизма и революционной идеологии. Ключевыми проблемами немецкой национальной школы на протяжении всего изучаемого периода оставались нехватка учебников на родном языке и острый дефицит профессиональных педагогов. Планы перевода всех национальных школ на обучение на родном языке уже в 1931 г. сталкивались с практикой, которая тормозила их исполнение или делала их нереальными. У немцев это выражалось в недостатке средних и высших учебных заведений по подготовке педагогов, в слабой подготовке выпускников школ для поступления в вузы. Издательская деятельность для национальных меньшинств была нацелена на выпуск в первую очередь пропагандистской литературы, а печать учебников отодвигалась на последний план. Репрессии по национальному признаку уничтожали передовую часть интеллигенции, учительства. Национальные школы нетитульных народов были запрещены в 1938 г., немецкие школы оставались лишь в АССР немцев Поволжья до начала массовой депортации немцев. Как результат политики советизации, национальная школа все больше превращалась в механизм воплощения сталинской идеи интернационализации, ее использовали в качестве орудия для формирования нового сознания, центра атеистической пропаганды.

Ключевые слова: советские немцы, национальное образование, школа, родной язык, учебники, подготовка учителей, советизация, репрессии по национальному признаку

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда и Санкт-Петербургского научного фонда № 23-18-20025, <https://rscf.ru/project/23-18-20025/>

Для цитирования: Черказьянова И. В. Советизация образования немцев СССР в 1920—1930-е гг. // Сибирь гуманитарная. 2024. № 3. С. 45—58. <https://doi.org/10.32324/2949-1568-2024-3-45-58>

State National policy: internal and external factors

Original article

Sovietization of the USSR's Germans Education in the 1920s—1930s

Irina V. Cherkazyanova

A.S. Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russian Federation, cherk@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1569-002X>

Abstract. The article deals with the problem of Sovietization of national education in the pre-war period on the example of the German school. The contradictions in school policy are most clearly seen in the 1920s - early 1930s. The right to study in the native language and the development of the school network were accompanied by destructive for Germans laws on separation of school and church, the expulsion of experienced teachers on religious grounds and their replacement by young people brought up in the spirit of atheism and revolutionary ideology. The shortage of textbooks in the native language and the acute shortage of professional teachers remained key problems for German national schools throughout the period under study. As early as 1931, plans to convert all national schools to mother-tongue instruction encountered practices that hindered their implementation or made them unrealistic. In the case of the Germans, this was manifested in the lack of secondary and higher educational institutions for teachers training, and in the poor preparation of school graduates to enter universities. Publishing activities for national minorities were aimed primarily at producing propaganda literature, while the printing of textbooks was relegated to the last priority. Repressions on national grounds destroyed the advanced part of the intelligentsia and teachers. National schools of non-titular peoples were banned in 1938; German schools remained only in the ASSR of Volga Germans until the mass deportation of Germans. Because of the policy of Sovietization, the national school increasingly turned into a mechanism for the implementation of Stalin's idea of internationalization and was used as a tool for developing new consciousness, the center of atheistic propaganda.

Keywords: Soviet Germans, national education, school, native language, textbooks, teacher training, Sovietization, repression on national grounds

Acknowledgments: The research was supported by the grant of the Russian Science Foundation and the St. Petersburg Science Foundation No. 23-18-20025, <https://rscf.ru/project/23-18-20025/>

For citation: Cherkazyanova I.V. Sovietization of the USSR's Germans Education in the 1920s—1930s. *Siberia Humanitarian*. 2024;(3):45—58. (In Russ.). <https://doi.org/10.32324/2949-1568-2024-3-45-58>

Введение

Советизация, начавшаяся вскоре после установления советской власти, была характерна для всех национальных культур, наиболее ярко она проявлялась в национальных школах, так как школа была важнейшим инструментом воспитания «нового человека», а учителя были передовой частью интеллигенции. Именно через призму образования хорошо просматриваются национально-культурная политика государства, проблемы всеобщей грамотности, состояние печати, литературы и культурного строительства в целом. Учитывая базовую функцию образования, конечной целью которого является социально-экономическое и культурное развитие общества, страны, становится очевидной значимость проблемы для национальных меньшинств.

Исследователи выделяют три периода развития национальной школы в СССР [1, с. 240], в том числе и немецкой школы. После принятия постановления Народного комиссариата просвещения РСФСР от 31 октября 1918 г. № 835 «О школах национальных меньшинств» школа интегрировалась в процесс официальной идеологии. В постановлении был сформулирован главный принцип образования — право всех народов на обучение на своем родном языке на обеих ступенях единой трудовой школы и в высшей школе, школы нацменьшинств становились государственными. Противоречивое развитие национального образования в СССР 1920—1930-х годов завершилось в 1938 г. в связи с закрытием подавляющего большинства национальных школ нетитульных наций — национальная школа становится школой русского языка. С 1958 г. школы национальных меньшинств становились школами русской культуры. В качестве начала нового этапа можно рассматривать принятие в 1991 г. Закона РСФСР «О языках народов РСФСР», создавшего предпосылки для возрождения национального образования в России. В настоящей работе на примере немецкой школы рассматривается первый период развития национального образования в СССР.

В контексте настоящего исследования обращают на себя внимание работы И. В. Черказьяновой о немецком национальном образовании в дореволюционный и советский периоды [2], исследования В. Дённингхауса, посвященные проблемам советских немцев и их образования в довоенный период [3 ; 4], а также работы Б. В. Гартвиг о проблеме подготовки специалистов в Немецком педагогическом институте АССР НП [5].

Состояние образования немцев в начале 1920-х гг.

К началу социалистических преобразований духовная культура и образование немцев находились в кризисном положении. Преследования по национальному признаку во время Первой мировой войны и повсеместное закрытие немецких школ, а затем революционные события и Гражданская война — все это привело к резкому сокращению числа учебных заведений немецкого населения, значительный процент детей остался за пределами школы, стала нарастать безграмотность. До революции у немцев была организована собственная пресса, был накоплен опыт издательского дела, имелись библиотеки, однако и эти процессы также были приостановлены.

Традиционно церковь и школа выступали в роли очага культурного самоопределения немцев, формирования собственной идентичности. В первые послереволюционные годы школа еще сохраняла роль одного из центральных звеньев в развитии культуры немецких колонистов. Но уже первые шаги советской власти оказались разрушительными для традиционной системы формирования духовных ценностей немцев.

Декрет СНК РСФСР от 20 января 1918 г. «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» («Об отделении церкви от государства и школы от церкви») разрушил привычный для религиозного немецкого населения союз школы с церковью. Роль церкви в передаче культурных ценностей практически сошла на нет, формы ее работы в обществе, особенно среди молодежи, стали приобретать неофициальный и даже полулегальный характер, что выдвинуло школу на первый план в деле сохранения культурных традиций. Устоявшиеся в течение столетий воззрения немцев на свою школу пришли в противоречие с государственной образовательной политикой — новому строю нужна была советская школа с учителями новой генерации и учебниками нового идеологического наполнения.

В первые месяцы советской власти произошли структурные изменения в управлении народным образованием. Оно сосредоточилось в Народном комиссариате просвещения (Наркомпрос, НКП) и губернских (областных) отделах образования (ОНО). Для руководства национальным образованием в Наркомпросе был создан специальный отдел, с 1921 г. — Совет по делам

просвещения национальных меньшинств (Совнацмен). В местных отделах образования создавались соответствующие подотделы национальных меньшинств. В 1919 г. в НКП была организована редколлегия для создания национальной литературы и алфавитов бесписьменных народов, а также с целью рассмотрения проектов национальных учебников.

Для превращения школы в полноценную национальную школу нового образца необходимо было решить две основные проблемы: подготовить новое поколение учителей-атеистов, владеющих родным языком учащихся, и разработать национальные учебники и учебные программы, соответствующие духу времени. Вслед за этим неизбежно вставали вопросы создания сети педагогических учебных заведений разных уровней, формирования авторских коллективов для подготовки учебников, организации национальных издательств, которые государство еще не могло решить в полном объеме.

Становление системы немецкого образования на новых основаниях повсеместно проходило в сложных условиях. Летом 1919 г. на Третьем съезде Советов Области немцев Поволжья отмечалось, что свыше половины всех детей не могут быть охвачены обучением, особенно зимой. Главными причинами были: отсутствие школ, острая нехватка учителей, учебников, письменных принадлежностей, одежды и обуви. Исходя из местных возможностей, под школы отдавались здания бывших волостных правлений, конфискованные дома зажиточных колонистов. С 1 июля 1919 г. в Маркштадте начали действовать постоянные курсы по подготовке учителей [6, с. 70].

Борьба за светскость немецкой школы натолкнулась на серьезное сопротивление населения на Алтае. Наибольшее противодействие новым мероприятиям оказали жители меннонитских поселков Славгородского уезда. К марту 1920 г. число учащихся резко сократилось, потому что родители не пускали детей в школы. В Сибири, где еще продолжалась Гражданская война, к перечисленным трудностям добавлялось отсутствие в отделах образования сведений о реальном положении нацменьшинств.

Негативная реакция немцев Украины на отделение школы от церкви вынудила власти отложить на некоторое время проведение в жизнь декрета от 20 января 1918 г. Постановление Совнацмена НКП Украины от 28 декабря 1923 г. «Об отделении школы от церкви в немецких колониях», которым, в частности, разрешалось традиционное для колонистов объединение под одной крышей церкви и школы, на деле не исполнялось.

Остро стоял вопрос нехватки учителей. На основании постановления Совета труда и обороны (СТО) от 9 июня 1920 г. и СНК РСФСР от 9 мая 1921 г. «О возвращении к работе по своей специальности работников просвещения» учителя освобождались от военной службы, беспрепятственно увольнялись с другой работы и направлялись в народное образование. Эти мероприятия позволили осенью 1920 г. направить только в немецкие школы Омского уезда 13 учителей. Одновременно с этим из школ увольняли верующих учителей, которые не соответствовали партийным требованиям к педагогу как «агенту коммунистического просвещения». Из школьных библиотек изымалась литература религиозного содержания.

В 1919—1923 гг. школьная сеть немцев по всей стране значительно сократилась из-за материальных трудностей, недостатка финансирования. В 1921 г. в стране на долю школьного образования приходилось лишь 10 % государственного бюджета. Подъем в школьном строительстве начался с середины 1920-х гг. Общее количество немецких школ в стране в это время приближалось к одной тысяче (РСФСР в 1925 г. — 351, Украина в 1926 г. — 570) [7, с. 243]. Недовольство, вызванное действиями властей по превращению школ в светские заведения, было одной из причин массового эмигрантского движения немцев в 1920-е годы. Новые шаги по внедрению атеизма в немецкую школу были предприняты в конце 1920-х годов в связи с развернувшимся движением «воинствующих атеистов».

Проблема обеспечения немецких школ учебниками на родном языке

В условиях, когда не хватало подготовленных учителей, а потребность в них увеличивалась в связи с введением всеобщего, методически грамотно составленного учебник играл огромную роль. По нему могли преподавать даже слабо подготовленные учителя, например выпускники семилетних и девятилетних школ. Поэтому вопрос учебника на родном языке был одним из главных в жизни национальной школы того периода.

Процесс книгоиздания на языках национальных меньшинств с трудом восстанавливался в начале 1920-х годов. В 1918 г. Народный комиссариат по делам национальностей (Наркомнац) приступил к подготовке первых национальных учебников, но после принятия 16 августа 1921 г. постановления СНК «О порядке издания учебников» исключительное право на издание учебников передавалось Государственному издательству (ГИЗ) при Наркомпросе. Основную нагрузку по обеспечению страны национальными учебниками выполняло Центральное издательство народов СССР (ЦИЗ), созданное в 1924 г., а немецкими учебниками снабжало Немецкое издательство (Немгосиздат), расположенное в Покровске (Энгельс). Однако в издательских планах учебники занимали скромное место, приоритет отдавался общественно-политической книге.

Немцы в России, имевшие многолетние традиции издания собственной литературы, в этот период оказались отброшенными далеко назад. В 1923 г. они с эстонцами стояли на первом месте по количеству культурно-просветительных и школьных заведений на 1 000 человек своего народа, но по обеспеченности учебной книгой были на последнем месте. Это было вызвано тем, что со времени революции централизованно не было издано ни одной учебной книги на немецком и эстонском языках [8, с. 138]. В целом по стране объем немецкой книжной продукции к 1927 г. по сравнению с 1913 г. сократился более чем на 70 %. Вместо 717 наименований при тираже 1 541 388 экз. теперь выходило 197 наименований (676 073 экз.) [9, с. 299]. Вместе с тем появились новые общественно-политические и педагогические издания. В 1923 г. был организован журнал для немецких колонистов СССР *Die Arbeit* («Работа»). В Москве с 1925 г. начал выходить журнал для учителей *Zur neuen Schule* («За новую школу»), орган Немецкого центрального бюро НКП РСФСР и СССР и НКП АССР НП. В Саратове начал выходить педагогический журнал *Wolgadeutsches Schulblatt* («Школьный листок поволжских немцев»). В 1930 г. появился журнал *Revolution und Kultur* («Революция и культура»), орган отдела культуры и пропаганды ВКП(б) и Наркомпроса АССР НП.

Перед Наркомпросом стояла важная задача выработать новый тип учебника, отвечающего времени, так как попытки приспособить дореволюционные учебники потерпели неудачу, хотя учебники старого образца еще некоторое время использовались в немецких школах.

Участники Первого съезда немецких учителей Сибири, проходившего в 1921 г. в Омске, предлагали радикальные меры по обеспечению школ учебниками, вплоть до изъятия из областной библиотеки всей немецкоязычной литературы и использования библиотек немецких военнопленных. Решено было переиздать дореволюционный букварь Г. Шлимбаха [10, л. 101]. Славгородский уездный ОНО напечатал свою азбуку при помощи германских военнопленных, а в 1920 г. силами трех лучших местных учителей велась работа по составлению букваря и первой после букваря книги для чтения [11, л. 14].

Главными авторами новых учебников стали немецкие учителя Украины и Поволжья. К лету 1923 г. в распоряжении НКП имелось девять рукописей на немецком языке. Высокой оценки заслужили учебники по математике

А. Лонзингера и Ф. Циглера, букварь Ф. Баха. Среди авторов других оригинальных работ были А. Эмих, Ф. Беллендир, А. Маттерн [12, с. 374].

При всех успехах в издании национальных учебников тираж их был невелик. Немецкое издательство не в состоянии было обеспечить учебниками даже школы АССР НП. К 1927 г. в Поволжье было издано 200 наименований книг, из них 60 были посвящены вопросам сельского хозяйства, 40 — политическим вопросам и только 27 наименований были собственно учебники [13, с. 112].

Осенью 1923 г. на первой конференции немецких учителей Хортицкого района (Украина) единогласно было решено организовать в Хортице кооперативное издательство и провести сбор средств. Делегаты обсудили вопрос о подготовке рукописей учебников и избрали редакционную комиссию. Ответственными за подготовку букваря были назначены К. Браун и Я. Фрезе [14, с. 328—329]. НКП УССР планировал издать в 1923 г. собственными силами немецкий букварь и книгу для чтения в двух частях. По другим учебникам дело тормозилось из-за отсутствия рукописей и дефицита бумаги, не хватало квалифицированных переводчиков.

Ситуация с немецкими учебниками в Сибирском крае была стабильно неблагоприятной. В первой половине 1920-х годов в школы Омской губернии поступало лишь 25—40 % учебников от необходимого количества, а наглядные пособия использовали из довоенных остатков [15, л. 32]. Даже в 1927 г. из-за отсутствия книг на родном языке немецкие учителя в Сибири использовали русские учебники или политическую литературу на немецком языке, а иногда обучение велось по книгам дореволюционного образца.

В 1928 г. в немецкой колонии Каменка под Ленинградом имелось лишь три учебных пособия: букварь, хрестоматия Эмиха и «Юный географ». В соседней Новопарголовской колонии учебник по математике был только у преподавателя. В колонии Рибенсдорф Воронежской губернии в наличии имелись только учебники на русском языке.

Проблему учебников усугубляла и система распределения литературы — книги поступали в школы с опозданием на месяцы и даже годы. До 1926 г. эту функцию выполнял немецкий отдел Совнацмена. Из-за нехватки кадров в местных отделах образования к распределению подключались партийные немсекции РКП(б). Острота ситуации по обеспечению школ учебниками на родном языке вынудила Совнацмен НКП в 1928 г. признать, что эта проблема является одной из самых больших трудностей в работе с национальными школами.

Отсутствие национальных учебников приводило к тому, что школы считались национальными лишь на бумаге. Как отмечает В. Дённингхаус, большинство действовавших школ немцев в РСФСР к середине 1920-х гг. нельзя было даже с большой натяжкой назвать советскими [4, с. 46]. Практически полное отсутствие нужных учебников позволило заместителю наркома просвещения В. А. Курцу, выезжавшему в 1930 г. в Сибирь, сделать вывод об отсутствии в крае немецкой школы.

Проблемы издания немецких учебников отчасти были связаны и с переводом немецкого языка с готической графики на латинскую. В 1920-е гг. активно дискутировался вопрос об упрощении правописания на немецком языке и о переводе его на латинский шрифт. В учительской среде впервые вопрос о полном переходе на латиницу был поставлен на конференции немецких учителей в Грузии в 1925 г. [16]. На Кавказе проходил активный процесс создания новых алфавитов, поэтому здесь учителя в большей степени, чем в других местах проживания немцев, были подвержены новым идеям. Официально переход на латинскую графику в Поволжье начался по решению ЦИК АССР НП с 1 января 1932 г. При переходе на новую графику потребовалось переучивать десятки тысяч взрослых людей и детей

школьного возраста. Возникла новая трудность — в типографиях просто не хватало необходимых наборных шрифтов.

Введение всеобщего поставило на повестку дня вопрос о создании «стабильных» учебников. Для централизованного выпуска учебников для всей страны было создано учебно-педагогическое издательство (Учпедгиз). В постановлении ЦК ВКП(б) от 12 февраля 1933 г. «Об учебниках для начальной и средней школы» осуждалась практика Наркомпроса и Госиздата по нескончаемому «проектированию» учебников. Запрещалось издание на местах собственных, кроме краеведческих, учебников, по каждому предмету устанавливался единый обязательный стандарт.

26 марта 1933 г. было принято постановление СНК РСФСР «О порядке издания учебников для начальной и средней школы в автономных республиках и областях РСФСР». Все учебники унифицировались, стандарт каждого учебника, единственного для всех наций, утверждала Коллегия НКП РСФСР. Кроме того, для каждого меньшинства разрабатывались специальные учебники: буквари, грамматики, книги для чтения, хрестоматии по родной литературе, учебники краеведения, русского языка. Новые специальные учебники разрабатывались и переводились на языки национальностей на местах, а перевод с русского языка утверждал лично нарком просвещения автономной республики или заведующий ОНО области [17, с. 17—18]. Немецкое издательство снабжало стабильными учебниками немцев АССР НП, Нижне-Волжского, Западно-Сибирского и Северо-Кавказского краев, Казахской и Башкирской автономных республик [18, с. 164—165]. Но и эти меры не помогли обеспечить население необходимой учебной литературой — на протяжении 1930-х годов немецкие школы Западно-Сибирского края были обеспечены учебниками лишь на 30—70 % [19, с. 113].

В такой ситуации работа учителей была обречена на провал, но именно их вскоре стали обвинять в том, что они не борются с «коренным недостатком школы» — не дают достаточного объема знаний и плохо готовят школьников для поступления в техникумы и вузы.

Проблема подготовки учителей

С первых шагов советского строительства обозначился конфликт между немецким населением и органами власти по вопросу идейности учителя. С одной стороны, население стремилось сохранить старые учительские кадры и не принимало тех, кого назначали сверху, с другой стороны, старое учительство не устраивало властные органы, поэтому власть стремилась насадить в школы учителей нового поколения. Учитель становился ключевой фигурой в борьбе за советскую школу.

Тяжелое материальное положение в первой половине 1920-х гг. и отмена трудовой повинности в 1922 г. породили среди учителей дезертирство, тем временем спрос на учителей все время возрастал из-за введения всеобщего. Имеющаяся сеть педагогических заведений не могла удовлетворить возросшие потребности немецких школ в учительских кадрах.

Самой доступной формой подготовки учителей на этом этапе были различные политизированные курсы. Прием на курсы осуществлялся, как правило, не по желанию, а путем делегирования кандидатов по рекомендациям партийных и профсоюзных организаций. В масштабах страны подготовка немецких учителей была организована на стационарных курсах в Москве и Центральных курсах по переподготовке немецких учителей в Ленинграде. Прием курсантов туда был небольшим, так, в 1926 г. в Ленинграде было принято всего 45 человек [20, л. 54].

В 1923 г. во всех центрах проживания немцев прошли летние политкурсы для учителей. На Украине они состоялись в Пришибе и Хортице. Курсы в Пришибе были проведены по инициативе самих учителей Мелитополь-

ского уезда, которые обратились в Наркомпрос Украины с просьбой направить квалифицированных лекторов. В работе участвовали 194 учителя, им были предложены циклы лекций по политэкономии, историческому материализму [21, с. 400]. Менее политизированы были летние курсы 1923 г. для немецких учителей Поволжья. Они были рассчитаны на один месяц, традиционный цикл методических занятий был дополнен лекциями по методике преподавания пения и физкультуры. Летом 1923 г. на сибирских курсах немецких учителей, проходивших в Омске, обучалось 44 учителя. Из плановых 181 часа на политзанятия отводилось 86 часов [22, с. 470].

Первая попытка создания самостоятельного немецкого пединститута была сделана в 1921 г.: в Москве открылся Немецкий практический институт народного образования. В 1923 г. он был преобразован в Центральный немецкий педагогический техникум с правами высшего учебного заведения и готовил учителей для школ 2-й ступени. Обучение длилось три года, кроме того, имелось двухгодичное подготовительное отделение, преподавание велось на немецком языке. Принимались лица «трудового происхождения» не младше 18 лет, имеющие избирательные права. В сентябре 1925 г. техникум под тем же названием был переведен в Ленинград. В 1934/35 учебном году латышский, немецкий и польский техникумы Ленинграда были объединены в один педтехникум народов Западного. 14 апреля 1935 г. нарком просвещения РСФСР А. С. Бубнов подписал приказ о формировании педтехникума.

Педагогические техникумы для немцев действовали в Поволжье, на Украине и в Сибири. Значительную работу проводил Хортицкий педагогический техникум, созданный в 1922 г. на базе Хортицкого центрального училища. Педтехникумы в АССР НП (Марксштадт, Зельман, Красный Кут) имели развитую структуру, что их выгодно отличало от подобных учебных заведений. Так, в числе немногих в стране у них имелись дошкольные и библиотечные отделения. Немецкое отделение в Славгородском педтехникуме (Алтай) было открыто после принятия 7 февраля 1930 г. Президиумом Сибирского крайисполкома постановления, нацеленного на окончательное преодоление эмигрантских настроений в Славгородском округе.

Сложнее обстояло дело с организацией высшего образования для немецких национальных кадров. До 1930 г. их готовили через общую сеть вузов в порядке командирования по броне, но бронирование было отменено в 1934 г. В 1927/28 учебном году в университетах страны обучался 361 немец, что составляло 0,67 % от общего числа обучающихся в университетах. В пединститутах этот показатель был несколько выше и составлял 0,92 % (126 студентов) [9, с. 290—291]. Одновременно с середины 1920-х гг. при вузах стали создаваться национальные отделения. Этому способствовало постановление СНК РСФСР от 21 ноября 1925 г. «О подготовке преподавателей для школ национальностей нерусского языка». Осенью 1925 г. при рабфаке Саратовского университета открылось отделение для подготовки учителей немецкого языка и литературы для школ повышенного типа, что дало дополнительные возможности по подготовке преподавателей для немецких школ Поволжья, а с октября 1926 г. и для Сибири. С 1930 г. немецких учителей готовило специальное отделение Ленинградского пединститута им. А. И. Герцена, но и его возможности были ограничены.

Первый в стране Немецкий пединститут открылся в Покровске (Энгельс) 1 октября 1929 г. Его появление было вызвано широко развернувшимся эмиграционным движением немцев, среди причин которого была и неудовлетворенность решением школьных вопросов. В первый год институт работал в составе двух факультетов — лингвистического и историко-экономического, обучались 65 человек [5, с. 121]. По состоянию на 1 июля 1931 г. в нем числилось 139 студентов, на 1 ноября 1931 г. — уже 227. Ин-

ститут набирал силу, но даже в 1935/36 учебном году в АССР НП не было стопроцентного охвата детей обучением, в том числе из-за нехватки учителей. Материальная база института развивалась недостаточно, педагогический состав постоянно обновлялся из-за бесконечных чисток, преследований и арестов преподавателей. 29 апреля 1934 г. обком ВКП(б) АССР НП рассмотрел вопрос «О работе Немединститута». Отмечались «серьезные просчеты»: «идеологическая невыдержанность» ряда программ и подмена их марксистско-ленинского содержания «буржуазно-идеологическим направлением». Руководству института предписывалось ликвидировать «беспартийность преподавания» и удалить из института «классово-чуждые элементы» [23, с. 98—99]. Лишь в конце 1930-х гг. в институте стал ощущаться приток специалистов из числа его выпускников, но в 1941 г. вуз был закрыт.

В 1931 г. XV Всероссийский съезд Советов постановил завершить перевод всех национальных школ на родной язык в 1931/32 учебном году, но НКП РСФСР мог обеспечить перевод лишь начальной школы 37 национальностей [24, с. 76—77]. «Коренизация» предполагала не только родной язык преподавания, но и национальный состав учащихся и преподавателей, наполнение программ специальными дисциплинами, наличие учебников и литературы на родном языке, проведение культурно-массовой работы. К началу 1930-х гг. процесс «коренизации» немецкой школы был далек от завершения. На Украине в 1930 г. только 75 % немецких детей обучались на родном языке, но это были очень высокие показатели по сравнению, например, с греками и молдаванами, у которых собственные школы лишь начали создаваться [25, с. 104]. В Средне-Волжском крае к началу 1932/33 учебного года не хватало 2 130 учителей начальной школы, в том числе 80 — немецкой [26, с. 14]. Недостаток учителей ставил под угрозу срыва планы всеобщего.

Курс на сворачивание национального образования. Закрытие немецких школ

К середине 1930-х годов явственно стали проявляться симптомы изменения государственной национально-языковой политики, хотя в целом курс на развитие максимально возможного числа языков и удовлетворение потребности в национальной идентичности все еще продолжался. В ст. 121 Конституции СССР 1936 г. было закреплено право на образование на родном языке. На практике же начался явный отход от политики признания и поощрения родного языка в школе, началось сворачивание национального образования. В 1932 г. прекратило существование Центральное издательство народов СССР, в 1934 г. были упразднены национальные отделы просвещения в структуре государственного управления. С августа 1935 г. перестал выходить журнал «Просвещение национальностей».

Одним из признаков смены курса стало постановление Президиума ЦИК от 1 июня 1935 г. о переводе языков народов СССР с латиницы на кириллицу. Изменение политики стало проявляться и в том, что «малые» языки стали вытесняться титульными языками союзных республик. Так, на Украине 4 марта 1935 г. было принято постановление ЦК КП(б)У «О преподавании украинского языка в школах немецких национальных районов», направленное на борьбу с различными «элементами» [27, с. 80].

Мероприятия Наркомпроса были направлены на унификацию начальной и средней школы. Этому способствовал ряд партийных и правительственных документов. 15 мая 1934 г. вышло постановление СНК и ЦК ВКП(б) «О структуре начальной и средней школы», положившее начало фронтальной унификации всех типов общеобразовательной школы и содержания преподавания. В дополнение к постановлению приказом НКП от 17 августа 1934 г. определялся порядок перехода национальных начальных школ с пятилетнего обучения на четырехлетнее. Планировалось завершить переход

уже в 1934/35 учебном году. Сокращение сроков обучения при сохранении объема программы затронуло вопрос соотношения родного и государственного языков. Количество часов для изучения русского языка оставалось одинаковым во 2—4-х классах (по шесть уроков в неделю), а объем часов, отводившихся на родной язык, сокращался от класса к классу [28, л. 52].

Процесс сворачивания национального образования завершился закрытием школ нетитульных наций. 24 января 1938 г. Оргбюро ЦК ВКП(б) приняло секретное постановление «О реорганизации национальных школ», в котором отмечалось, что национальные школы «искусственно насаждались», что они превратились в «очаги буржуазно-националистического антисоветского влияния на детей», а педагогический состав засорен врагами, школы наносят огромный вред делу правильного обучения и воспитания. Фактическое закрытие национальных школ сопровождалось пропагандой необходимости изучения русского языка, широко развернувшейся после выхода 13 марта 1938 г. постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей». В целом документ нанес огромный вред национально-языковому строительству и школам, это стало одним из поворотных пунктов в развитии национального образования в СССР.

Раньше других запреты коснулись немецких школ Ленинграда и Ленинградской области. 15 июля 1937 г. секретариат Ленинградского горкома ВКП(б) принял постановление «О немецком отделении 33-й школы Октябрьского района», после чего школа была расформирована. К 20 декабря 1937 г. бюро областного обкома партии подготовило проект постановления «О национальных школах и других культурно-просветительных учреждениях», который признавал вредным существование финских, эстонских, немецких, польских и других школ, а также национальных отделений в средних специальных и высших учебных заведениях. К началу марта 1938 г. в области были реорганизованы 340 различных школ, в том числе девять немецких [29, с. 167—169].

В Башкирии постановление о запрете национальных школ было принято бюро обкома ВКП(б) 19 марта 1938 г. В марте того же года были закрыты все эстонские, татарские, мордовские и казахские школы на территории АССР НП. На Украине завершающим актом стало принятие постановлений Политбюро ЦК КП(б)У от 10 апреля 1938 г. «О реорганизации национальных школ Украины» и 7 июня 1938 г. «О реорганизации особых национальных школ, техникумов, Одесского немецкого педагогического института и особых национальных отделов и классов в школах, техникумах и вузах УССР». Согласно принятым решениям, все школы становились либо русскими, либо украинскими. Единственным местом в СССР, где немецкие школы продолжали существовать после 1938 г., была АССР немцев Поволжья.

Унификация национальных школ и учебников, а позже и закрытие школ национальных меньшинств, сопровождалась репрессиями против педагогов. Репрессивные меры против немцев стали применяться уже в 1933 г., когда им было запрещено получать какую-либо помощь из Германии. Вскоре начались и откровенные преследования. На Украине за первое полугодие 1934 г. в 240 немецких населенных пунктах были арестованы более 250 человек, 150 из них осуждены. Учителя и духовенство были названы проводниками пангерманистского влияния. Десять преподавателей немецких школ во главе с сотрудником лингвистического института С. Шульцем были осуждены по делу Союза молодых боевых немцев на Киевщине [27, с. 68—69].

5 ноября 1934 г. ЦК ВКП(б) принял специальное постановление «О работе среди немецкого населения», которое положило начало массовым репрессиям против немцев. В документе обращалось внимание на «открытую

антисоветскую деятельность» в районах, населенных немцами. Недопустимым фактом было названо игнорирование указаний об изучении языка той республики, на чьей территории находились немецкие районы [30, с. 133—134]. «Врагов» в учебных заведениях стали выявлять в ходе партийных чисток и развернувшейся с 1936 г. обязательной аттестации учителей.

Осенью 1937 г. был разгромлен Одесский педтехникум, а бывшие директора Хортицкого немецкого педагогического техникума и Хортицкого немецкого машиностроительного техникума были осуждены как руководители вымышленной организации — Национального союза немцев на Украине. 10 апреля 1938 г. был закрыт Одесский немецкий пединститут. Немецкий пединститут в АССР НП в ходе чистки в начале 1930-х гг. лишился талантливых педагогов и ученых, таких как Г. Г. Дингес и П. Д. Рау. За период с 1929 по 1937 г. были сняты четыре директора института. В 1937 г. арестованы и репрессированы десятки студентов и преподавателей, в том году набор студентов не проводился. Последняя перед закрытием института проверка состоялась по инициативе обкома ВКП(б) республики в 1941 г., после рассмотрения на заседании 4 февраля вопроса о состоянии учебно-воспитательной работы в школах республики. Причиной слабой успеваемости была названа плохая подготовка педагогов, поэтому проверка коснулась не только пединститута, но и трех педучилищ в Марксшадте, Зельмане и Красном Куте [6, с. 388].

Своего апогея репрессии достигли в 1937—1938 гг. Только в Одесской области в июне-августе 1937 г. было арестовано 19 директоров и свыше 50 преподавателей немецких школ. В Ленинграде в 1936 г. были арестованы, а в ноябре 1937 г. расстреляны в Сандармохе (Карелия) организаторы и бывшие директора Центрального немецкого педтехникума П. Г. Пеннер, П. Г. Левен, Г. Ф. Ваккер. На Алтае 22 октября 1938 г. был расстрелян директор Славгородского немецкого педтехникума А. А. Янцен. В Саратове 21 мая 1938 г. расстреляли ответственного редактора учебников для начальных и средних школ Немгосиздата Г. В. Энгеля, перед арестом работавшего учителем физики в школе № 2 г. Энгельса. В Новгороде 11 декабря 1937 г. был расстрелян Н. Г. Тиссен, уроженец колонии Мунтау (Украина), директор неполной средней школы в Новониколаевской немецкой колонии Новгородского района. В 1938 г. прокатилась волна репрессий против руководителей немецких школ Омской области.

Репрессии против педагогов нанесли непоправимый урон немецкой школе. Была уничтожена наиболее активная часть общества, расстреляны организаторы и руководители многих учебных заведений. Восстановить утраченный потенциал немецкого образования уже было невозможно — учебные заведения были разгромлены, а впереди была война. В первые месяцы войны были ликвидированы последние очаги немецкого образования и культуры, сохранившиеся в АССР НП.

Выводы

В довоенный период развитие всего национального образования и культуры в стране шло противоречиво, оно менялось от полной свободы использования родного языка в 1920-е гг. до сворачивания национального образования, а затем и фактического запрета школ многих народов в конце 1930-х гг. Образование и культура российских немцев не избежали общей участи, более того, при наиболее успешном развитии на фоне других национальных культур именно немцы становились первыми жертвами репрессивной политики. До конца 1920-х гг. при всем несовершенстве национально-просветительной политики государства все же имелись возможности для равноправия языков и наций, обучение велось на родном языке. Реорганизация, а фактически закрытие, национальных школ нанесла серьезный урон национальной культуре немцев. Язык как часть культуры вытес-

нялся в бытовую и конфессиональную сферу, в итоге был обречен на утрату молодыми поколениями.

Национальные школы не исчерпали своего потенциала к моменту их запрета. Развитие образования тормозилось из-за объективных трудностей и идеологических установок, навязываемых учительству и населению в целом. Чрезмерная централизация управления и снабжения школ гасила народную инициативу по поддержке собственных школ. В немецких школах к концу 1930-х гг. был выхолощен весь накопленный народный опыт, они превратились в типовые школы. Родной язык преподавания — главный признак национальной школы — был запрещен в 1938 г. Школа все больше превращалась в механизм реализации сталинской идеи интернационализации, ее использовали в качестве орудия для формирования нового сознания, центра атеистической пропаганды. В 1930-е гг. в СССР сформировалась национально-языковая политика, которая в основных формах с некоторыми модификациями продолжалась до конца 1980-х гг.

Список источников

1. Кузьмин М. Н. Национальная школа России в контексте государственной образовательной и национальной политики // *Многоязычие и преподавание родных языков = The Challenge of Multilingualism to Standard Language Teaching* : материалы из Фландрии, Англии, Нидерландов, Германии и России / под ред. С. Кроона и Г. Хрулова ; Ин-т нац. проблем образования. М. : Изд-во Ин-та нац. проблем образования, 1998. 303 с.
2. Черказьянова И. В. Немецкая национальная школа в России: исторический опыт функционирования // *Российские немцы в инациональном окружении: проблемы адаптации, взаимовлияния, толерантности* : материалы междунар. науч. конф. (Саратов, 14—19 сент. 2004 г.). М., 2005. С. 8—28.
3. Дёнингхаус В. Национальная политика в РСФСР в отношении нацменьшинств Запада во второй половине 1920-х годов (на примере Ленинградской области) // *Ежегодник Международной ассоциации исследователей истории и культура российских немцев*. 2015. № 1. С. 49—58.
4. Дёнингхаус В. «Немецкую школу без риска можно назвать антисоветской»: учитель как тормоз трансформации немецких школ в 1920-е гг. // *История повседневности*. 2020. № 2 (14). С. 42—70.
5. Гартвиг Б. В. Национальная модель высшего образования в Немецкой автономии // *Вестник РУДН. Серия: История России*. 2014. № 4. С. 119—132.
6. Герман А. А. Немецкая автономия на Волге. 1918—1941. 2-е изд., испр., доп. М. : МСНК-пресс, 2007. 576 с.
7. Дёнингхаус В. В тени «Большого Брата»: западные национальные меньшинства в СССР (1917—1938 гг.). М. : РОССПЭН, 2011. 727 с.
8. Mattem F. Schulbücher um jeden Preis! // *Die Arbeit*. 1923. № 5. S. 138.
9. Национальная политика ВКП(б) в цифрах. М. : Изд-во Коммунистич. академии, 1930. 328 с.
10. Государственный архив Омской области (ГАОО). Ф. Р-318. Оп. 1. Д. 517.
11. Центр хранения архивного фонда Алтайского края (ЦХАФАК). Ф. Р-141. Оп. 1. Д. 41.
12. Bartels B. Über den Stand unserer Lehrbücherfrage // *Die Arbeit*. 1923. № 16. S. 374.
13. Waschkau N. E. Kulturbeziehungen der Wolgadeutschen Republik mit Deutschland 1918—1933 [Cultural relations between the Volga German Republic and Germany 1918—1933. In German] // *Forschungen zur Geschichte und Kultur der Rußlanddeutschen*. Essen: Klartex. 1998. № 8. S. 104—118.
14. Die Lehrer von Chortiza an der Arbeit // *Die Arbeit*. 1923. № 14. S. 328—329.
15. ГАОО. Ф. Р-978. Оп. 1. Д. 42.
16. Mickwitz [R.]. Gotisch oder Lateinschrift? // *Kultur und Schule*. 1927. № 4.
17. О порядке издания учебников для начальной и средней школы в АССР и областях РСФСР // *Просвещение национальностей*. 1933. № 2. С. 17—18.
18. Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа: сб. док. 1917—1973 гг. М. : Педагогика, 1974. 559 с.
19. Гербер О. А. Материальная база школьного образования сибирских немцев (1920—1935 гг.) // *Российские немцы. Проблемы культуры и образования*. Новосибирск, 1996. С. 42—51.
20. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-61. Оп. 1. Д. 464.
21. Unsere Ferienkurse // *Die Arbeit*. 1923. № 17. S. 400.
22. Die Lehrer-Sommerkurse in Omsk // *Die Arbeit*. 1923. № 15. S. 470.

23. Герман А. А. История Республики Немцев Поволжья в событиях, фактах, документах. М. : Готика, 2000. 320 с.
24. Алпатов В. М. 150 языков и политика: 1917—2000. Социоллингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. М. : Крафт+ИВ РАН, 2000. 224 с.
25. Клячин А. И. Этнические меньшинства и национально-государственное строительство на Украине в 1920—1930 гг. // Этноконтактные зоны в европейской части СССР. М. : [б. и.], 1989. С. 96—110.
26. Карнеев И. К вопросу о подготовке нацпедкадров // Просвещение национальностей. 1932. № 10. С. 14.
27. Ченцов В. В. Трагические судьбы: политические репрессии против немецкого населения Украины в 1920—1930-е годы. М. : Готика, 1998. 205, [1] с.
28. ГАНО. Ф. Р-61. Оп. 1. Д. 1323.
29. Смирнова Т. М. Национальность — питерские. Национальные меньшинства Петербурга и Ленинградской области в XX веке. СПб. : Сударыня, 2002. 584 с.
30. Бруль В. И. Немцы в Западной Сибири : [моногр.]. Топчиха : Топчихинская тип. Ком. администрации Алтайского края по печ. и информ.

References

1. Kuz'min M.N. Natsional'naya shkola Rossii v kontekste gosudarstvennoy obrazovatel'noy i natsional'noy politiki [The National School of Russia in the Context of State Educational and National Policy], *Mnogoyazychie i prepodavanie rodnykh yazykov = The Challenge of Multilingualism to Standard Language Teaching [Multilingualism and Teaching of Native Languages], materialy iz Flandrii, Anglii, Niderlandov, Germanii i Rossii*. Moscow, Publ. In-ta nats. problem obrazovaniya, 1998, 303 p.
2. Cherkaz'yanova I.V. Nemetskaya natsional'naya shkola v Rossii: istoricheskiy opyt funktsionirovaniya [German National School in Russia: Historical Experience], *Rossiyskie nemtsy v inonatsional'nom okruzenii: problemy adaptatsii, vzaimovliyaniya, tolerantnosti [Russian Germans in a Non-National Environment: Problems of Adaptation, Mutual Influence, Tolerance], materialy mezhdunar. nauch. konf. (Saratov, 14-19 September 2004)*. Moscow, 2005, pp. 8-28.
3. Denningkhaus V. Natsional'naya politika v RSFSR v otnoshenii natsmen'shinstv Zapada vo vtoroy polovine 1920-kh godov (na primere Leningradskoy oblasti) [National Policy of the RSFSR to the National Minorities of the West in the Second Half of the 1920s (on the Example of the Leningrad Region)], *Ezhegodnik Mezhdunarodnoy assotsiatsii issledovateley istorii i kul'tura rossiyskikh nemtsev [Yearbook of the International Association of Researchers of the History and Culture of Russian Germans]*, 2015, no. 1, pp. 49-58.
4. Denningkhaus V. "Nemetskuyu shkolu bez riska mozno nazvat' antisovetskoy": uchitel' kak tormoz transformatsii nemetskikh shkol v 1920-e gg. ["The German School Can Be Called Anti-Soviet without Risk": the Teacher as a Brake on the Transformation of German Schools in the 1920s], *Istoriya povsednevnosti [History of Everyday Life]*, 2020, no. 2 (14), pp. 42-70.
5. Gartvig B.V. Natsional'naya model' vysshego obrazovaniya v Nemetskoy avtonomii [National Model of Higher Education in the German Autonomy], *Vestnik RUDN. Seriya: Istoriya Rossii [Vestnik RUDN. Series: History of Russia]*, 2014, no. 4, pp. 119-132.
6. German A.A. Nemetskaya avtonomiya na Volge. 1918-1941 [German Autonomy on the Volga. 1918-1941], 2-e izd., ispr., dop. Moscow, MSNK-press, 2007, 576 p.
7. Denningkhaus V. V teni "Bol'shogo Brata": zapadnye natsional'nye men'shinstva v SSSR (1917-1938 gg.) [In the Shadow of "Big Brother": Western National Minorities in the USSR (1917-1938)]. Moscow, ROSSPEN, 2011, 727 p.
8. Mattern F. Schulbücher um jeden Preis! [Textbooks at Any Price!], *Die Arbeit [The work]*, 1923, no. 5, p. 138.
9. Natsional'naya politika VKP(b) v tsifrah [National Policy of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) in Figures]. Moscow, Publ. Komunistich. akademii, 1930, 328 p.
10. Gosudarstvennyy arkhiv Omskoy oblasti (GAOO) [State Archive of the Omsk Region (GAOO)], coll. R-318, aids. 1, fol. 517.
11. Tsentr khraneniya arkhivnogo fonda Altayskogo kraya (TsKhAFK) [Altai Krai Archive Fund Storage Center (CAFAC)], coll. R-141, aids. 1, fol. 41.
12. Bartels B. Über den Stand unserer Lehrbücherfrage [On the Status of Our Textbook Issue], *Die Arbeit [The work]*, 1923, no. 16, p. 374.
13. Waschkau N.E. Kulturbeziehungen der Wolgadeutschen Republik mit Deutschland 1918-1933 [Cultural relations between the Volga German Republic and Germany 1918-1933. In German] [Cultural relations between the Volga German Republic and Germany 1918—1933. In German], *Forschungen zur Geschichte und Kultur der Rußland-deutschen [Research on the History and Culture of the Russian Germans]*. Essen, Klartex, 1998, no. 8, pp. 104-118.

14. Die Lehrer von Chortiza an der Arbeit [The Chortiza teachers at work], *Die Arbeit [The work]*, 1923, no. 14, pp. 328-329.
15. *GAOO*, coll. R-978, aids. 1, fol. 42.
16. Mickwitz [R.] Gotisch oder Lateinschrift? [Gothic or Latin script?], *Kultur und Schule [Culture and school]*, 1927, no. 4.
17. О порядке издания учебников для начальной и средней школы в АССР и областях РСФСР [On the Order of Publishing Textbooks for Primary and Secondary Schools in ASSR and Regions of RSFSR], *Prosveshchenie natsional'nostey [Enlightenment of Nations]*, 1933, no. 2, pp. 17-18.
18. Народное образование в СССР. Общчеобразовательная школа: сб. док. 1917-1973 гг. [Public Education in the USSR. General Education School: Collection of Documents. 1917-1973]. Moscow, Pedagogika, 1974, 559 p.
19. Gerber O.A. Material'naya baza shkol'nogo obrazovaniya sibirskikh nemtsev (1920-1935 gg.) [Basis of School Education of Siberian Germans (1920-1935)], *Rossiyskie nemtsy. Problemy kul'tury i obrazovaniya [Russian Germans. Problems of Culture and Education]*. Novosibirsk, 1996, pp. 42-51.
20. *Gosudarstvennyy arkhiv Novosibirskoy oblasti (GANO) [State Archive of Novosibirsk Region (GANO)]*, coll. R-61, aids. 1, fol. 464.
21. Unsere Ferienkurse [Our Vacation Courses], *Die Arbeit [The work]*, 1923, no. 17, p. 400.
22. Die Lehrer-Sommerkurse in Omsk [The Summer Courses Teacher in Omsk], *Die Arbeit [The work]*, 1923, no. 15, p. 470.
23. German A.A. Istoriya Respubliki Nemtsev Povolzh'ya v sobytiyakh, faktakh, dokumentakh [History of the Republic of Volga Region Germans in Events, Facts, Documents]. Moscow, Gotika, 2000, 320 p.
24. Alpatov V.M. 150 yazykov i politika: 1917-2000. Sotsiolingvisticheskie problemy SSSR i postsovet'skogo prostranstva [150 Languages and Politics: 1917-2000. Sociolinguistic Problems of the USSR and Post-Soviet Space]. Moscow, Kraft+IV RAN, 2000, 224 p.
25. Klyachin A.I. Etnicheskie men'shinstva i natsional'no-gosudarstvennoe stroitel'stvo na Ukraine v 1920-1930 gg. [Ethnic Minorities and National-State Construction in Ukraine in 1920-1930], *Etnokontaktnye zony v evropeyskoy chasti SSSR [Ethno-contact zones in the European part of the USSR]*. Moscow, [b. i.], 1989, pp. 96-110.
26. Karneev I. K voprosu o podgotovke natspedkadrov [On the Question of National Pedagogical Staff Training], *Prosveshchenie natsional'nostey [Education of Nations]*, 1932, no. 10, p. 14.
27. Chentsov V.V. Tragicheskie sud'by: politicheskie repressii protiv nemetskogo naseleniya Ukrainy v 1920-1930-e gody [Tragic Fates: Political Repressions against the German Population of Ukraine in the 1920s-1930s]. Moscow, Gotika, 1998, 205 [1] p.
28. *GANO*, coll. R-61, aids. 1, fol. 1323.
29. Smirnova T.M. Natsional'nost' - piterskie. Natsional'nye men'shinstva Peterburga i Leningradskoy oblasti v XX veke [Nationality - Petersburgers. National Minorities of St. Petersburg and the Leningrad Region in the Twentieth century]. Saint-Petersburg, Sudarynya, 2002, 584 p.
30. Brul' V.I. Nemtsy v Zapadnoy Sibiri [Germans in Western Siberia], [monogr.]. Topchikha, Topchikhinskaya tip. Kom. administratsii Altayskogo kraya po pech. i inform.

Информация об авторе

Черказянова Ирина Васильевна — доктор исторических наук, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация. E-mail: cherk@inbox.ru

Information about the author

Irina V. Cherkazyanova — Doctor of Historical Sciences, A.S. Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russian Federation. E-mail: cherk@inbox.ru

Статья поступила в редакцию 20.06.2024; одобрена после рецензирования 18.07.2024; принята к публикации 25.07.2024.

The article was submitted 20.06.2024; approved after reviewing 18.07.2024; accepted for publication 25.07.2024.

Национальная политика государства: внутренние и внешние факторы

Научная статья
УДК 325.2254.6(=112.2)(571.1)"1940/1950"
<https://doi.org/10.32324/2949-1568-2024-3-59-75>

Положение женщин-немок в условиях депортации, трудармии и спецпоселения в Западной Сибири (1941—1956)

Евгения Александровна Скоп

Независимый исследователь, Новосибирск, Российская Федерация, skopevgenia22@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается положение женщин-немок в СССР в условиях депортации по национальному признаку. В основу статьи положены воспоминания и интервью немецких женщин, переживших трагедию нации в период сталинских репрессий, а также оценки исследователей этого вопроса. Совокупность анализируемых фактов позволяет воссоздать общий «женский путь» немки в условиях советской действительности 1940—1950-х гг. В фокусе внимания — важные вопросы повседневной жизни, некоторые детали быта, опыт выживания в чужой культурной среде с учетом реалий времени, религиозная жизнь, воссоединение семей, устройство в местах ссылки и психологическая адаптация к новым условиям. Факторы, обусловленные драматическими историческими событиями, поставили женщин в положение, когда они были вынуждены брать ответственность не только за свою судьбу, но и за судьбу своих детей, родителей. Во многом эти переживания позволили немкам выжить, сберечь этнические традиции, язык, самосохраниться. Оказавшись в тяжелейших обстоятельствах, женщины вынуждены были применить навыки, полученные от своих предков, вспомнить все, чему их когда-то учили. Национальная принадлежность, клеймо предателей, врагов делали отношение окружающих к немецким женщинам более пренебрежительным в сравнении с отношением к другим депортированным.

Воспоминания, рассматриваемые в совокупности с письмами, дневниками, мемуарами, составляют единый комплекс источников для создания общей исторической панорамы. Анализ представленных свидетельств позволяет лучше понять положение советских немок в период военного лихолетья и после войны.

Ключевые слова: женщины-немки, репрессии, депортация немцев, трудармия, спецпоселение

Для цитирования: Скоп Е. А. Положение женщин-немок в условиях депортации, трудармии и спецпоселения в Западной Сибири (1941—1956 гг.) // Сибирь гуманитарная. 2024. № 3. С. 59—75. <https://doi.org/10.32324/2949-1568-2024-3-59-75>

State National policy: internal and external factors

Original article

German women in conditions of deportation, NKVD labour columns and special settlement in Western Siberia (1941—1956)**Evgenia A. Skop**

Independent researcher, Novosibirsk, Russian Federation, skopevgenia22@gmail.com

Abstract. The article examines lives of German women in the USSR under the conditions of deportation by nationality. The article introduces the memories and interviews of German women who experienced the tragedy of the nation during the Stalinist repressions, as well as the assessments of researchers of this issue. The analysis makes it possible to reconstruct the general “female path” of a German woman in the conditions of the Soviet reality of the 1940-1950s. The focus of attention is on important issues of everyday life, some details of everyday life, the experience of survival in a foreign cultural environment, taking into account the realities of the time, religious life, family reunification, arrangement in places of exile and psychological adaptation to new conditions. The factors caused by dramatic historical events put women in a position where they were forced to take responsibility not only for their own fate, but also for the fate of their children and parents. In many respects, these experiences allowed German women to survive, preserve their ethnic traditions, language and self-preservation. Finding themselves in dire circumstances, the women had to apply the skills they had learned from their ancestors and remember everything they had once been taught. Their nationality, the stigma of traitors and enemies, made the others to take German women more disdainful than other deportees.

The recollections, considered in conjunction with letters, diaries and memoirs, constitute a single set of sources for creating a general historical panorama. The analysis of the presented ego-documents helps to understand better Soviet Germans fate during and after the war.

Keywords: German women, repressions, deportation of Germans, NKVD labour columns, special settlement

For citation: Skop E.A. German Women in Conditions of Deportation, NKVD Labour Columns and Special Settlement in Western Siberia (1941—1956). *Siberia Humanitarian*. 2024;(3):59—75. (In Russ.). <https://doi.org/10.32324/2949-1568-2024-3-59-75>

Женщинам СССР пришлось на своих плечах вынести многие тяготы в годы Великой Отечественной войны. Они сражались на фронте, выносили на себе раненых, работали в тылу на полях, у станков, воспитывали детей, строили, лечили, совершали подвиги и гибли за свою Родину, ждали и надеялись на лучшее. Многие женские судьбы были омрачены этническими депортациями, выселением из родных мест, принудительным трудом и жизнью с клеймом спецпоселенца.

Судьбы немецких женщин в трудармии и на спецпоселении часто рассматривались исследователями в контексте общих исторических событий [1 ; 2]. Но были и специальные работы, посвященные этой теме [3—7]. Учеными подробно рассматриваются вопросы административно-правового положения, региональные особенности труда немцев, социально-бытовые условия пребывания, демографические процессы.

Проблеме воссоединения семей спецпоселенцев посвящены работы Н. М. Маркдорф и А. Б. Сулова, в основу которых положены материалы (в том числе данные личных дел) из региональных архивов [8 ; 9].

В статье проанализированы и обобщены факты о положении немецких женщин в Западной Сибири в рассматриваемый период. Автор затрагивает такие вопросы, как: положение немцев в местах размещения; трудовая мобилизация; отношение руководства к спецпоселенкам, отношения спецпо-

селенцев с родными, детьми, немцами-мужчинами и представителями других депортированных этносов; религиозная жизнь и воссоединение семей; послевоенное устройство спецконтингента немецкой национальности. В качестве источников использованы материалы семейных архивов потомков депортированных немцев, воспоминания трудармейцев и личные интервью, записанные исследователями и самим автором (например, с участниками общественной организации «Союз репрессированных граждан» и активистами движения российских немцев г. Новосибирска) в разные периоды, а также опубликованные в книжных и газетных публикациях, материалы новосибирских архивов, научные статьи, сборники официальных документов.

Согласно переписи населения 1939 г., в СССР проживало 1 427 232 немца, в том числе 366 683 — в Автономной Советской Социалистической Республике немцев Поволжья (АССР НП) [10, с. 16—17].

В августе 1941 г. советское руководство решило депортировать граждан СССР немецкой национальности в восточные регионы страны, обвинив их в предательстве [11, с. 93]. По Указу Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья», «переселению подлежало все немецкое население» [12, с. 159—160].

Из доклада министра внутренних дел С. Н. Круглова на имя Л. П. Берии следует, что «в 1941—1942 гг. было выселено 806 533 немца — советских граждан. Из них до 1 января 1942 г. только из европейской части Советского Союза 799 459 человек было выселено в Казахстан, где уже проживало около 220 тыс. немцев. Вместе с военнотрудовыми, заключенными ГУЛАГа и женщинами, состоявшими в смешанных браках и не затронутыми депортацией, в конце 1941 г. на территории, контролируемой советской властью, находилось не более 1 100 тыс. немцев» [11, с. 93].

Операция по выселению немцев из Поволжья, начавшаяся в день опубликования в местных газетах указа, проводилась достаточно жестко. В соответствии с постановлением Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 6 сентября 1941 г. и указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 сентября 1941 г. «Об административном устройстве территории бывшей Республики немцев Поволжья» территория республики была разделена между Саратовской и Сталинградской областями [13, с. 432—433, 435—436].

Всего, по подсчету А. А. Германа, было выселено 438,6 тыс. человек, в том числе из АССР немцев Поволжья — 365,7 тыс. человек, из Саратовской области — 46,7 тыс. человек, из Сталинградской — 26,2 тыс. До конца 1942 г. в Новосибирскую, Омскую области, Красноярский и Алтайский края, а также Казахстан было выселено 799 459 немцев [3, с. 99]. Если глава семьи (муж) не являлся по национальности немцем, а жена — немка, семья не выселялась [10, с. 28].

Н. Э. Вашкау приводит воспоминания Э. И. Дудник (Шмидт), 1927 г. рождения, о депортации: «До войны я с семьей жила в г. Марксе. На сборы нам дали три дня, и что родители успели сделать — это натопить свиное мясо в двух ведрах, захватить одежду и еду, сколько могли унести в руках. А в семье семеро детей. Все нажитое оставили. Нам дали справку, где перечислили, что мы оставили: дом (он и сейчас стоит), мебель, корову, лодку, 20 кубометров дров. Почему мы получили справку? Отец знал русский язык и выхлопотал ее. Но по ней в Сибири мы ничего не получили. Она до сих пор в семье хранится. Ехали целый месяц. Выпускали нас только на больших станциях, а так везли мертвых в вагоне» [3, с. 99].

Э. А. Бауер (Сысенко) делилась: «О выселении объявили утром, дали 24 часа. Продуктов у нас не было дома, мы жили бедно, русские соседи еды на дорогу дали, в чем были, в том и поехали. Наша соседка, Лукьянова Дуня дала мне обрезки валенок, фуфайку. Мне они в трудармиигодились. Нам говорили, что через три месяца вернемся. Уезжали мама и нас шестеро

детей. Я самая старшая. В наши дома сразу заселили беженцев. Тетя Дуня им говорила: „Ничего не берите, это не ваше”. Но где уж было сберечь? Взяла она тогда себе зеркальце и сковородку, да так и хранила. Как мы вернулись из Казахстана в родную Сарепту, она отдала их нам. Так от этого времени у нас и хранятся в семье сковородка и зеркальце» [3, с. 99].

Прибывшие в эшелонах были развезены по местам вселения. В условиях сентябрьских и октябрьских ночных холодов Сибири прибывшим приходилось спасаться от переохлаждения и голода. Не редки были случаи смерти уже на станциях разгрузки, многие серьезно заболели и умерли уже в местах распределения [4, с. 62].

Уполномоченные органы обкома ВКП(б) отметили, что, например, в Венгеровском районе в результате безответственности руководства района прибывшие из АССР НП переселенцы не были обеспечены необходимым транспортом, своевременно размещены и расквартированы, поэтому десятки семей по несколько дней находились на железнодорожной станции без жилья и отдыха [14, л. 142].

Как указывает В. Н. Бруль, «именно перед женщинами в первую очередь встал вопрос, как и из чего готовить пищу семьям, чем и где постирать белье в условиях проживания в непригодных домах, складах, клубах, школах, а подчас и на скотных дворах. Переселенцы практически ничего не привезли с собой, компенсацию за сданные в местах выселения скот, зерно, имущество и жилые постройки большинство не получили» [4, с. 62].

Согласно докладной записке уполномоченных сотрудников районного отдела НКВД Чановского района Новосибирской области в декабре 1941 г., «в колхозы Чановского района прибыло около 6 тыс. переселенцев немцев из АССР НП и Краснодарского края на постоянное место жительства... Большинство переселенцев в колхозах не обеспечены помещениями; в совхозе № 260 в одной комнате живут две семьи в количестве 11 человек, тогда как эта квартира рассчитана на 5 человек. В результате такой уплотненности получилось заболевание детей 4-х человек. Директор знает об этом хорошо, но мер никаких не принимает, а в совхозе можно найти квартиру/отремонтировать; в колхозе „Большевик” в одном доме живут 3 семьи, 21 человек; в большинстве колхозов квартиры не подготовлены, т. е. не отоплены, окна не застеклены... Хуже дело обстоит с обеспечением переселенцев продуктами, имелись случаи, когда переселенцы по 3-4 суток сидели без хлеба, в результате чего фиксировались случаи смерти детей» [15, л. 8, 8 об.].

По мнению Л. П. Белковец, «сложности, с которыми столкнулись немцы-переселенцы, заключались не только в отсутствии жилищного фонда (несмотря на уплотнение, размещение в клубах, школах, подсобных помещениях и постройках, др.), нехватке стройматериалов, элементарных бытовых проблемах, невозможности получить хоть что-то, в том числе из продуктов питания по обменным квитанциям, которые выдавались в месте прежнего жительства». Зимой 1942/43 года начался настоящий голод. Практически во всех районах Новосибирской области были зафиксированы постоянное недоедание, случаи употребления в пищу мяса павших животных, факты смерти от истощения.

«Ряд фактов опухания колхозников и членов их семей от недоедания» был выявлен органами НКВД в колхозах «Рот Фронт», «Карл Либкнехт» Чистоозерного района. К весне 1943 г. у них закончились овощи и картофель, начался голод. К этому времени половина трудоспособных колхозников (из ста) перестали выходить на работу «вследствие сильного истощения и отсутствия теплой одежды. Одиннадцать семей (старуха и трое детей семьи Баумер, шестеро детей семьи Эмилии Бауер, четверо детей семьи Матильды Эплер, двое беспризорных детей семьи Герина 11 и 13 лет, и дети из других семей, чьи родители были в трудовом лагере) оказались в безвы-

ходном положении. И только после вмешательства партийного секретаря были приняты меры к оказанию помощи им продуктами питания и к обеспечению детей, скорее всего, переданных в детский дом» [16, с. 93—94].

Постановление Государственного комитета обороны от 10 января 1942 г. № ГКО-1123 «О порядке использования немцев-переселенцев призывного возраста от 17 до 50 лет» обязал всех мужчин указанного возраста, годных к физическому труду, выселенных в Новосибирскую и Омскую области, Красноярский и Алтайский края, а также Казахскую ССР, мобилизовать в рабочие колонны на все время войны [10, с. 39].

Согласно постановлению Государственного Комитета Обороны от 7 октября 1942 г. № ГОКО-2383сс «О дополнительной мобилизации немцев для народного хозяйства СССР», в рабочие колонны на все время войны были мобилизованы женщины-немки в возрасте от 16 до 45 лет. Освобождались от мобилизации беременные и женщины, имеющие детей в возрасте до трех лет. Как позднее было официально признано, в рабочие колонны в нарушение всех инструкций были мобилизованы подростки 14 лет и лица старше 55 лет, беременные женщины, инвалиды 2-й и 3-й группы [4, с. 65—66]. Данные факты, согласно исследованиям Л. П. Белковец, «имели место с весны 1943 г., когда забирали 14, 15-летних, поскольку резервы призыва взрослого населения были исчерпаны. Женщин, детям которых исполнилось три года, также немедленно забирали. Подростков забирали со школьной скамьи, не дав доучиться.

Статус спецпереселенца переносился и на членов немецких семей не немцев. Впоследствии на русских жен были распространены все принятые в отношении немцев меры дискриминационного характера, в том числе в области трудового законодательства» [16, с. 174]. Дети старше трех лет передавались на воспитание остальным членам семьи, а при отсутствии таковых — ближайшим родственникам или в немецкие колхозы [16, с. 43]. Так начался непростой период трудармии в истории советских немцев, не только мужчин, но и женщин.

Как отмечал В. Н. Бруль, «за неявку на сборные пункты, самовольное оставление работы или дезертирство из рабочих колонн устанавливалась уголовная ответственность по указу Президиума ВС СССР от 26 декабря 1941 г. „Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий“» [4].

Н. Э. Вашкау писала, что «жизнь немецких женщин, направленных на предприятия и стройки, определялась общими инструкциями женского труда. Но и они не выполнялись повсеместно. Люди размещались в палатках, обвалованных снегом и покрытых ветками. Более капитально строились только бани, пекарни, кухни и складские помещения. Сильные ветры и морозы создавали неимоверные трудности» [3, с. 99].

В 1943—1944 гг. различными ведомствами (Наркомат целлюлозной и бумажной промышленности СССР, Наркомат внутренних дел СССР) были изданы инструкции по использованию на предприятиях труда мобилизованных немцев и немок, а также по организации режима, быта мобилизованных немок в лагерях и на строительствах НКВД СССР. Начальникам лагерей предписывалось использовать труд немок на работах комплексно, не ниже состава бригады — звена; проводить политмассовую работу, создать крепкий производственный актив. Немки должны были размещаться в бараках по колоннам, изолированно от остального населения; вокруг барачных устанавливались ограждения в виде забора, штакета или изгороди из колючей проволоки; проживание мобилизованных мужчин-немцев воспрещалось. Выход и вход на территорию размещения допускался только через вахту строем, под командой бригадира. На каждого человека подлежало выделению не менее 2,4 кв. м отремонтированного, утепленного и пригодного для жилья помещения, оборудованного двухярусными вагон-

ного типа нарами из строганого полиматериала, баками для питьевой и технической воды, умывальниками, кубовой сушилкой, камерами хранения, красным уголком и мастерскими для мелкого ремонта одежды и обуви. Женщины должны были быть обеспечены комплектом постельных принадлежностей, одеждой, обувью и бельем по сезону из лагерных фондов [10, с. 170, 191—198].

В докладной записке УНКВД по Новосибирской области в ГУЛАГ НКВД СССР «О трудовом и хозяйственном устройстве спецпереселенцев-немцев, расселенных в Новосибирской области» по состоянию на 20 марта 1943 г. приводятся отдельные факты, как положительного, так и негативного характера, в отношении немецких женщин: «Спецпереселенка Штеят Колпашевского района, работающая на плетении корзин для сбора рыбы, норму выработки выполняет на 150—200 %.

В колхозе „Красная роща” Доволенского района немка Вимер не пришла на скотный двор ухаживать за скотом по той причине, что у нее дома не с кем оставить малолетних детей. Колхозница Ларина на нее говорит: „Вы все, как фашисты, не хотите работать в колхозах, отсиживаетесь дома и ждете, когда ваша немчура придет и освободит вас”.

Проживающая в пос. Владимировка Купинского района депутатка Верховного Совета РСФСР переселенка Л. Г. Вольф ни одного раза не приглашалась на заседания сельисполкома.

Немец Шарф Павел из с. Малый Чик Ирменского района в письме своему отцу, мобилизованному в рабочую колонну, пишет: „Маму посадили в тюрьму за кражу на два года, кушать нечего, картошки нет, хлеба в колхозе не дают, мы сами картошку не сажали, потому что не было семян, а что заработали, уже поели, так что сейчас сидим голодом, промениваем последние вещи, а потом придется умирать с голоду”.

Немка Цахер Роза из В.-Ирмень пишет своей подруге Шнейдер, проживающей в Казахстане: „Здесь у нас очень голодно, хлеба не дают, картошки тоже, если не наступит скорее время, когда наша птичка полетит обратно, откуда прилетела, то видимо, придется умирать с голоду”» [17, с. 275—276, 278—279].

В своих воспоминаниях Н. Э. Вашкау указывает на то, что «женщин ставили на самые тяжелые работы — лесоповал, железнодорожное строительство, шахты, земляные работы. Не встречались в воспоминаниях факты, когда они работали на швейных фабриках, хлебзаводах и других местах, где логичнее было бы в условиях войны встретить женщин. Ведь и это требовалось фронту. Вспоминает Э. И. Дудник (Шмидт): „В трудармии я была в Тагилстрое. Работала куда пошлют. Железную дорогу чистили, трубы на доменных печах изолировали. Как коротали несколько свободных минут? Пели немецкие народные и божественные песни, это у нас никто не мог отнять. Библий не было, так что Бог только в душе был”» [3, с. 101—102].

На протяжении 1943—1944 гг. в документах уточнялась информация о количестве женских ресурсов, направленных на то или иное предприятие. Например, уполномоченные сотрудники отдела спецпоселений УНКВД по Новосибирской области 21 ноября 1944 г. сообщали начальнику своего отдела Кузнецову, что «в январе-апреле 1943 г. в систему Наркомата боеприпасов было передано немцев 5 130 человек: комбинату № 179 — 2 233 человек, заводу № 65 — 1 174 человек, заводу № 677 — 594 человек, заводу № 564 — 583, заводу № 556 — 545. Все немцы мобилизованы из Новосибирской области, и поступления из других краев и областей не было» [10, с. 275].

По информации А. А. Германа, «в июне 1944 г. на комбинат № 179 и завод № 65 Наркомата боеприпасов из Нарымского округа было доставлено 295 семей (768 мужчин, женщин, детей) немцев-спецпоселенцев. Все трудоспособные мобилизовались в рабочие колонны. Руководство комбината

к встрече новой партии трудармейцев не подготовилось. В связи с нехваткой жилья и отсутствием топлива на одном топчане спали по 2-3 человека» [18, с. 107].

Немецкие женщины были задействованы не только на производстве. Так, Н. М. Маркдорф приводит воспоминания Г. Ф. Вершининой (Полле), 1925 г. рождения, лютеранки, депортированной в 1941 г. из Ростовской области Колочинского района (с. Виктор-Фельд) и находившейся на спецпоселении в г. Сталинске (Новокузнецк): «В 1947 г. меня мобилизовали в переводчики в лагерь военнопленных. Нас увезли в Сталинск. Там мы работали в оперотделе. Нас жестко проверяли на знание немецкого и русского языков. Мы переводили письма военнопленных. Была строгая цензура. Прочитаешь письмо, ставишь печать в том, что оно прочитано. Мы письма переводили и отдавали их главному переводчику, а он уже относил их начальству. Никто не смел плохо писать. Писали: „Вкусно не питаемся, но голодными не ходим“ — такие письма еще пропускали, а если писали, что голодают, то письма сразу браковали. Писали обычные письма, как муж жене, матери: „Жив, здоров, работа тяжелая, но мы выдержим“. Но мало кто выдерживал» [19, с. 771].

Отдельным вопросом, заслуживающим внимания, остается заработная плата. В. В. Сарнова приходит к выводу: «В инструкциях говорилось, что оплата труда спецпоселенцев и местных жителей должна быть одинаковой. На практике же все было по-иному. Спецпереселенцы были вынуждены работать на износ, а их заработная плата оказалась много меньше, имели место обшчеты и обманы. В информации Сталину Берия признавал, что заработки спецпоселенцев в Сибирском регионе составляли только половину прожиточного минимума» [20, с. 250].

В своей статье Л. И. Обердорфер указывает на то, что «правила содержания, режима и охраны наиболее строго соблюдались на тех объектах, которые находились в ведомственном подчинении НКВД СССР. На предприятиях других наркоматов, в том числе расположенных и на территории Новосибирской области, работники НКВД в своих докладах приводили многочисленные факты нарушения режима содержания. К их числу относилось размещение немков в бараках, не имеющих зоны ограждения, или отсутствие конвоя. Ситуация изменилась только в 1944 г. после принятия Инструкции об использовании труда мобилизованных немцев на предприятиях Наркомата боеприпасов. У многих немков были несовершеннолетние дети, которых не с кем было оставить в местах расселения, и некоторые жили вместе с матерями в лагерных бараках. Отсутствие детских садов и яслей приводило к тому, что дети оставались без присмотра. Тяжелые материально-бытовые, жилищные условия, недостаточное и некачественное питание, плохое медицинское обслуживание были причинами высокого уровня смертности, а также дезертирства с предприятий города. В отдельные месяцы бежало до 40 % от общей численности мобилизованных немцев. Наибольшее количество побегов пришлось на весну-лето 1943 г. и было связано с тем, что в результате мобилизации почти всего трудоспособного взрослого немецкого населения в сельской местности на местах первоначального расселения немцев осталось огромное количество беспризорных детей. Поэтому женщины, а они составляли подавляющее большинство бежавших с предприятий города в это время, стремились любой ценой вернуться к своим детям» [5, с. 138—139].

В интервью в 2005 г. участница общественной организации «Союз репрессированных граждан» Э. И. Гертнер рассказывала: «В октябре 1941-го пригнали нас в Новосибирскую область, в деревню Александрово, разутых и раздетых. Семья наша состояла из шести человек: четверо детей, мать и отец-инвалид II группы — потерял правую руку на молотилке в колхозе. Поселили нас в дом без окон и дверей. В 1942 г. всех взрослых забрали,

кроме отца. Дети бродили по улицам голодные, на ходу умирали, их тут же закапывали в снег. Позже туда (в трудармию. — *Е. С.*) отправили и отца. Мы с сестрой остались одни. Сестра вскоре умерла от голода...» [21].

Одна из трудармеек, стоявшая у истоков создания самоорганизации российских немцев в Новосибирске, Г. А. Думрауф вспоминала: «Мы попали в Доволенский район, в село Комендантка. Вскоре начали мобилизовывать в трудармию мужчин, потом и до женщин дошла очередь. В декабре 1942 г. всех женщин собрали, отвезли в Каргат, а оттуда в трудармию в Новосибирск. Мы с братом остались одни. Днем ходили побираться, а вечером, поскольку в доме было холодно, уходили ночевать в пригон на ферму, в стойлах устраивались между коров, укрывались сеном. Мама сбежала к нам летом из трудармии — страшно смотреть: кожа да кости. Тут облава на дезертиров началась. Нашелся добрый человек, дал пять килограммов муки и три килограмма конины, посоветовал самой вернуться на завод. Мама вернулась на Западный, вышла на работу со своей сменой. Призналась, что уезжала навестить голодных детей. Простили ее» [22].

В материалах личного дела № 4986 Информационного центра Главного управления МВД по Новосибирской области высылки Беч/Шиц Фриды Александровны мы находим сведения о ее работе в колхозе им. Тельмана Чистоозерного района Новосибирской области. Ее первого мужа, Густава Яковлевича Шица, забрали сотрудники НКВД в 1937 г., и семье ничего не было о нем известно. В 1943 г. Фриду забрали в трудармию. На тот момент у нее было трое детей в возрасте от 7 до 12 лет: Яков, Марта и Мария. Она стала работать чернорабочей в ОРСе (подсобное хозяйство) завода № 702 (г. Новосибирск). Детей она смогла забрать только в 1944 г., приехав в отпуск. По воспоминаниям ее младших дочерей, Ф. Д. Борискиной (Беч) и Р. Д. Ковалевой (Беч), «Фрида содержалась в одном из „немецких поселков“ спецпереселенцев Кировского района г. Новосибирска вблизи станции Кривошеково. Их под конвоем водили на работу на комбинат „Сибкомбайн“ и обратно. Она все время думала о своих детях, оставшихся в деревне. Их судьба ей не была известна, что разрывало ей сердце»¹.

Исследователь Л. П. Белковец упоминает историю 14-летней работницы завода № 65 Розы Штекляйн, которая «была одета только в потрепанное платье, порванный ватник, с голыми коленями, без белья. Она ежедневно наравне со взрослыми преодолевала путь в пять км до завода и обратно, систематически перевыполняла норму, но за четыре месяца смогла заработать только 90 руб., на которые нельзя было приобрести и хлеба» [23, с. 308].

Интересны подробные воспоминания Ф. И. Терентьевой (Вельш), упоминаемые В. И. Брулем: «В ноябре 1942 г. нам с сестрой пришли повестки на комиссию Ояш, что в 26 км от нашей деревни. Туда мы поехали на санях, а возвращались вечером, снег растаял, лошадь едва тащила пустые сани, и пришлось нам идти пешком. Я сильно заболела и месяц пролежала на печи. В таком состоянии меня забрали в трудармию. В товарных вагонах нас привезли 31 декабря в Кривошеково (в г. Новосибирске). Сразу повели в баню, а оттуда в барак. В нем было два больших помещения, от стены до стены в два яруса стояли четыре ряда сплошных нар. В бараке было тепло, но только до тех пор, пока горела буржуйка. К утру вода в чайнике на печке превращалась в лед, а мы грелись друг о дружку, положив на себя все, что можно...» [4, с. 77—80].

Об одной из страниц своей жизни женщины повествуют особенно неохотно. В. И. Бруль, анализируя множество фактов, приходит к выводу о том, что женщины «были молоды и достойны любви. Но встречали только ненависть и прямое посягательство на честь со стороны охраны. Добрые

¹ Воспоминания Фриды Даниловны Борискиной (Беч) (г. Новосибирск) и Розы Даниловны Ковалевой (Беч) (г. Дрезден) записаны Е. А. Скоп в 2019 г. и 2020 г. Публикуются с разрешения респондентов.

воспоминания о встречах с мужчинами, проявившими жалость, теплоту, хоть тень любви, спасли не одну жизнь, но это была большая редкость. Со стороны же мастера или бригадира было опасно даже проявить чувство к немке. Нечеловеческие условия работы, содержания и питания ставили женщин на грань жизни и смерти. Они часто находились в состоянии моральной и психологической раздвоенности, когда приходилось выбирать между естественным стремлением выжить и идти ради этого против своих внутренних убеждений. Некоторые из них, чтобы выжить, сожительствовали с охранниками НКВД за пайку хлеба, за возможность не выйти на работу или получить более легкую работу». Исследователю удалось записать воспоминания многих женщин, прошедших трудармию: «О вышеприведенных явлениях они рассказывали, как о само собой разумеющемся и обыденном. В среде немецкого населения это тоже никогда не скрывалось» [4, с. 74]. Так, А. И. Зигмантович (Рунк) делилась: «По воспоминаниям моей мамы, Шмидт Марии, которая работала на заводе № 555 комбината „Сибкомбайн“, женщины жили в бараках, за колючей проволокой, под охраной с собаками. Мама часто вспоминала своих соседок по бараку: как все получали небольшую норму хлеба, как было очень тяжело, как замерзали. В цехе было очень холодно, мерзли руки, одежды не было. Случалось, что женщины рожали детей... но кроме охранников там никого не было... Не все с этим справлялись»¹.

В 1944 г. режим заметно смягчился. Но встречи молодых людей не разрешались долго. Женщины не имели права покидать лагерь и заводить знакомства с мужчинами-немцами из соседнего лагеря. До 1948 г. создание таких семей считали криминалом. Из-за отсутствия документов браки не регистрировались, а в свидетельствах о рождении в графе «Отец» ставили прочерк [3, с. 102—103].

Были случаи, когда немецкие военнопленные встречались и влюблялись в трудармеек. Как указывает Н. М. Маркдорф, в своих мемуарах бывшие немецкие военнопленные вспоминали, что в шахтах и на промышленных предприятиях работало много женщин и девушек — поволжских немок, а также депортированных в 1941 г. из Ростовской, Днепропетровской, Воронежской областей, интернированных из Германии и Польши, общение и взаимопонимание с которыми достаточно быстро удалось наладить. «...Однажды на стекольный завод, где мы работали, пригнали семьдесят интернированных немецких женщин. Выглядели они очень плохо, серые лица, очень худые и изможденные. Однако, работая рядом с нами, они улыбались, вскоре завязались первые знакомства, назначались свидания. Особенно мне понравилась одна из них — Анна Лизе Лерке. На следующий день я принес ей цветов...» [19, с. 774].

Данные факты находят отражения и в воспоминаниях Ф. Д. Борискиной (Беч): «Я знала одну такую семью, они жили на общей площадке с моими родственниками, семьей Роот, в деревянном бараке в районе „Телецентр“. Точно помню юношу по имени Юрий и его маму. Его отец был немецкий военнопленный и трудился где-то на производстве в Кировском районе г. Новосибирска. Родные из Германии долгие годы искали его и смогли найти в 50-х гг. только через „Красный Крест“ в Сибири».

Как отмечает Л. И. Обердерфер, «максимально возможное вовлечение женщин в производство было одним из факторов сокращения рождаемости. В первые послевоенные годы возвращение больших контингентов демобилизованных мужчин способствовало нормализации брачной структуры местного населения и вызвало волну компенсаторной рождаемости. Но у немецкого населения эти показатели были несколько иными. Во-первых,

¹ Воспоминания Альмы Ивановны Зигмантович (Рунк) записаны Е. А. Скоп в г. Новосибирске в 2022 г. Публикуются с разрешения респондента.

массовое возвращение в Новосибирскую область демобилизованных из трудармии немцев началось только в 1947 г. и не носило массового характера, так как был принят ряд мер, препятствовавших выезду немцев на места проживания. Во-вторых, те немцы, которых демобилизовали из трудовой армии, имели совершенно подорванное здоровье. Это, несомненно, отразилось как на снижении рождаемости, так и на увеличении смертности. В соответствии с колебаниями смертности и рождаемости населения формировались показатели естественного прироста» [24, с. 335—336].

Еще одной немаловажной частью жизни немецких женщин в трудармии была духовная жизнь, отмеченная особой советской печатью. Т. В. Савранина в своем исследовании рассматривала религиозные традиции немцев в условиях депортации. «Верующие, как и общество, были бессильны в ситуации полного лишения прав и репрессий. Представители разных конфессий оказались в одинаково нечеловеческих условиях. Вера, религиозная этика помогли немцам пережить те испытания, которые выпали на их судьбу. В Любинском районе в деревне Замелетеновка Э. Герберт рассказала в 1989 г. о своей судьбе: „В 1942 г., тогда мне было 17 лет, мне и моим четырём сестрам приказали с вещами явиться в райцентр. В нашей семье у родителей было пятеро дочерей. Старшей моей сестре, у которой были маленькие дети, разрешили остаться. С сестрами нас разлучили почти сразу. Меня увезли сначала на соледобывающий завод, где я работала по колено в ледяной воде, потом я работала на шахте, затем на лесоповале. Всего я провела в трудармии более 10 лет. И только в 1953 г. я подошла к калитке своего дома. Во дворе играли мои племянники, и вскоре вышла моя мама, но и они не узнали меня и спросили, к кому я пришла? Мне было около 30 лет, а выглядела я как старуха. Я не могла ответить, просто стояла и плакала”. Эльза проработала всю жизнь в колхозе, у нее, как и у многих немецких женщин, после трудармии не было детей. На вопрос: „Как она могла это пережить?“, она ответила: „Со мной был Бог”» [25, с. 318].

На основании проведенного исследования Н. Э. Вашкау приходит к выводу о том, что «депортированные немцы смирились со своей судьбой. Открытых массовых протестов или антиправительственных выступлений не было. Подавляющее большинство мужчин и женщин было разбросано по огромной территории страны, а запрет на выезд в места прежнего расселения оставался в силе до 1972 г.; прежние семейные и родственные узы были разорваны окончательно, разрушалась национальная среда. Немецкая семья перестала быть колыбелью родного языка, национального духа и традиций. Немецкие женщины, вынесшие тяготы морального и физического унижения, оказались цветами за проволокой лагеря» [3, с. 104].

С окончанием войны система рабочих колонн стала постепенно ликвидироваться. В конце 1945 г., вышли постановления СНК СССР о закреплении мобилизованных немцев за предприятиями соответствующих наркоматов (в Башкирии, Коми АССР, Татарской АССР, Куйбышевской, Молотовской, Свердловской, Тульской, Челябинской, Ульяновской областях и в сибирских краях и областях) и о разрешении вызывать к себе на постоянное место жительства членов семей из мест поселений, а также работающих в других наркоматах и ведомствах, кроме нескольких (нефти, угля, лесной, черных и цветных металлов, золото-платиновой). В соответствии с директивами ГУЛАГа и отдела спецпоселений НКВД СССР № 42/79512-52/8713 от 22 декабря 1945 г. немцы подлежали демобилизации, а администрация лагерей истроек должна была направлять их к семьям в места поселения или передавать в постоянные кадры промышленных предприятий. Демобилизация началась с немцев, имеющих грудных детей, родившихся в период нахождения их в лагере [16, с. 150].

Острой проблемой для немецких женщин было воссоединение семей. Большая часть немецких семей соединилась только к концу 1949 г. В от-

чете УМВД Омской области за IV квартал 1950 г. отмечено, что несоединимыми остались 402 семьи (898 человек). УМВД Московской области на неоднократные запросы об отправке в Омскую область немцев, мобилизованных в период войны в промышленность Московской области, отвечало отказом, ссылаясь на то, что администрация предприятий не отпускает их с работы. В пример приводилось несколько немецких семей, в которых женщины с детьми находились в крайне тяжелых материальных условиях, восемь лет жили разрозненно и остро нуждались в соединении с главами семей. В Новосибирской области в несоединенных семьях числилось 1 800 человек. В августе 1950 г. в спецкомендатурах № 46 и 47 Молотовского района Омской области на учете состояло 236 немецких семей, в них насчитывалось 907 человек. Средний состав семьи — 3,8 человек. В 55 % семей главой были женщины и лишь в 45 % — мужчины [26, с. 325].

Актуальной оставалась и политика ограничений в отношении спецпоселенков. Так, в 1946 г. в Новосибирской области сложилась неоднозначная ситуация с награждением многодетных матерей немецкой и калмыцкой национальностей орденами «Материнская слава», медалями материнства и присвоением почетного звания «Мать-героиня». На рассмотрении в Облисполкоме находилось 225 нерассмотренных дел матерей этой категории, представленных райисполкомами, и еще несколько дел находилось на местах. Однако представление к наградам матерей данного контингента было задержано до момента награждения основной массы многодетных матерей местных жителей и эвакуированных [27, с. 27—28].

Несмотря ни на что, люди, вынужденно оказавшиеся в Сибири, поддерживали друг друга. Например, немцы и калмыки в своих интервью и воспоминаниях о периоде совместного проживания в изгнании на сибирской земле говорили о помощи в общежитии и добрососедских отношениях, взаимовыручке, поскольку все оставались в одинаково сложном положении [28, с. 50 ; 29, с. 318].

В 1950 г. массовый размах набрали необоснованные трудовые ограничения. Как указывает А. А. Шадт, «в Северном районе Новосибирской области в первой половине марта из Северной школы были уволены все выселенцы-немцы в количестве 9 человек, работавшие в качестве кочегаров, дворников, техников, несмотря на то, что многие работали в школе по 5-6 лет. Основанием к увольнению, как передает секретарь РК ВКП (б) Коробейников начальнику РО МВД, послужило имеющееся у него указание о невозможности „использования на работах выселенцев в культурно-воспитательных учреждениях“. 20 марта из Северного райкомхоза была уволена немка Ф. Б. Браун, которая находилась на пятом месяце беременности. В колхозе „Советская Сибирь“ Ордынского района выселенка Котгиль была снята с работы в качестве доярки, другой же работы ей не дали, хотя она и просила правление колхоза» [30, с. 451—452].

Вопреки всем жизненным перипетиям послевоенного времени постепенно стала возрождаться и духовная жизнь немцев. Эти начинания обычно исходили от женщин среднего и старшего возраста, помнивших молитвы, обряды и учивших этому своих детей и внуков. Многим немкам удалось взять с собой из родных немецких колоний Библию и песенники, принадлежавшие не одному поколению семьи, их старательно прятали и таким образом сумели сохранить. Например, в конце 1940 — начале 1950-х гг. на территории Кировского района Новосибирска, где компактно проживали немцы-трудармейцы и их семьи, на средства прихожан в частных домах были организованы моленные дома лютеран (ул. Кавказская) и баптистов (недалеко от ул. Немировича-Данченко). Верующие посещали их целыми семьями, продолжая соблюдать все религиозные правила.

В середине 1950-х гг. многие народы, депортированные в Сибирь, уже вернулись в места своего прежнего проживания, в родные края, советские

немцы все еще проживали в режиме спецпоселения, что вызывало недовольство и возмущение. Однако немцы продолжали надеяться на лучшее. Постепенно ситуация начала меняться. Важную роль в улучшении положения советских немцев сыграл визит канцлера ФРГ К. Аденауэра в СССР в сентябре 1955 г. и установление дипломатических отношений между СССР и ФРГ. Л. П. Белковец указывала: «15 декабря 1955 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР „О снятии ограничений в правовом положении с немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении“ все категории спецконтингента были освобождены. „Учитывая, что существующие ограничения в правовом положении спецпоселенцев-немцев и членов их семей, выселенных в разные районы страны, в дальнейшем не вызывающиеся необходимостью, — говорилось в указе, — снять с учета спецпоселения и освободить из-под административного надзора органов МВД немцев и членов их семей, выселенных на спецпоселение в период Великой Отечественной войны, а также немцев — граждан СССР, которые после репатриации из Германии были направлены на спецпоселение“. Снятие с немцев ограничений по спецпоселению не влекло за собой возвращение имущества, „конфискованного при выселении“, и не давало немцам права возвращаться в места „откуда они были выселены“. Ни о каком признании совершенной ошибки не могло быть и речи» [16, с. 289].

Согласно информации от 19 марта 1956 г. «О выполнении указаний Обкома КПСС о закреплении немцев в местах их поселения на постоянное местожительство (письмо Обкома КПСС от 18 февраля 1956 г. № 37)», в Новосибирской области было организовано доведение данного указа до каждого взрослого немца и его разъяснение. При этом были установлены отдельные факты недовольства:

Е. Я. Шрейбер, 1886 г. рождения, домохозяйка, заявила: «Я Указ подписывать не буду. Я не согласна с Указом. Как это так, что я не могу получить обратно свое имущество, оставленное при выселении?».

Е. К. Маркштедер, 1932 г. рождения, рабочая: «По Указу я не могу выехать на родину... Хотя я и так человек без родины».

Е. И. Шмидт, 1918 г. рождения, доярка колхоза им. Жданова: «На черта нам нужна такая свобода, пусть уж нас закуют в кандалы, если не разрешают ехать на родину. Если я свободна, то почему не могу ехать на родину?» [31, л. 1—2].

По мнению Е. В. Конева, «для улучшения общей ситуации и с целью закрепить немцев в Сибири 7 июля 1956 г. бюро Новосибирского обкома КПСС приняло постановление „Об усилении массово-политической работы среди советских граждан немецкой национальности“. Бюро обкома предложило в течение июля-августа 1956 г. райкомам совместно с райисполкомами разобраться с материально-бытовыми условиями жизни каждой немецкой семьи и оказать им необходимую реальную помощь в деле улучшения их благосостояния. В октябре 1956 г. обкому был предоставлен отчет Кировского райкома о ходе выполнения постановления от 7 июля. Бюро обкома отметило, что массово-политическая работа среди немцев проводится неудовлетворительно, и предложило первым секретарям горкомов и райкомов разработать и осуществить мероприятия по улучшению политико-воспитательной деятельности и жилищно-бытовых условий. В связи с тем, что в Новосибирской области проживало значительное количество немцев, с 1956 г. отдел радиоинформации проводил один раз в неделю передачи на немецком языке. Вместе с тем во второй половине 1950-х гг. значительная часть трудящихся находилась в плохих жилищных условиях. Так, в Кировском районе г. Новосибирска в 1956 г. из 1 950 немецких семей большинство, так же как и 27 семей на пятом государственном подшипниковом заводе (ГПЗ-5) г. Томска, проживали в неблагоустроенных бараках, 35 — в землянках и только 153 имели собственные дома.

Особенно в тяжелых бытовых условиях находились немцы, работавшие на заводах — турбогенераторном, им. Ефремова, „Сибсельмаш” г. Новосибирска, а также „Сибэлектромотор” г. Томска. Возможностей по переселению их в лучшие квартиры предприятия не имели» [32, с. 129—130].

Данная ситуация начала меняться к началу 1960-х гг., когда многие немцы и немки (бывшие трудармейцы), в большинстве своем оставаясь работать на тех же предприятиях, что и во время войны, стали получать квартиры или комнаты в общежитиях. И жизнь советских немцев практически перестала отличаться от жизни остальных граждан СССР¹.

Насильственное переселение немцев оборвало образовательные и культурные процессы, привело к угасанию национального самосознания, духовной культуры: дети забыли родной язык, взрослые утратили национальный менталитет. Чувство национальной принадлежности долгие годы поддерживалось лишь благодаря семейным традициям и необходимости сохранить свое достоинство в условиях официальной и бытовой дискриминации [33, с. 272].

Когда страшные события в жизни советских немцев остались в прошлом, женщины вновь вернулись к привычной для себя роли жены и матери. На первый план для многих семей вышли проблемы сохранения культурной идентичности. Многие женщины, вступая в брак с представителями других этносов, создавая смешенные семьи и не желая повторения своей судьбы детям, записывали их по национальности мужа, давали обычные русские имена, и лишь немногие продолжали негласно обучать детей родному языку, соблюдать национальные традиции, отмечать праздники и проводить религиозные обряды. Систематическая дискриминация, ущемление культуры и подрыв самоидентификации столь огромной национальной группы на территории необъятной страны не могло способствовать возрождению прежнего уклада жизни и стало возможным только в конце 1980-х гг.

Список источников

1. Бугай Н. Ф. Л. Берия—И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...»: [о депортации народов в СССР в 30—40-е гг.]. М. : АИРО-XX, 1995. 319 с.
2. Охотников А. Ю. Немцы Северной Кулунды: стратегии и результаты социальной адаптации (1910—1960-е гг.) / отв. ред. И. В. Октябрьская. Новосибирск : ИАЭТ СО РАН, 2012. 212 с.
3. Вашкау Н. Э. Без вины виноватые. Российские немцы на спецпоселении и в трудармии // Родина. 2002. № 10. С. 99—104.
4. Бруль В. Немецкие женщины в годы войны и спецпоселения (1941—1955 гг.) // Немцы СССР в годы Великой Отечественной войны и в первое послевоенное десятилетие, 1941—1955 : материалы 7-й междунар. науч. конф. (Москва, 19—22 окт. 2000 г.). М. : Готика, 2001. С. 57—83.
5. Обердирфер Л. И. Труд немецких женщин на предприятиях города Новосибирска в годы Великой Отечественной войны // Новосибирская область в контексте российской истории : материалы регион. ист.-краевед. конф., 13—15 июня 2001 г. Новосибирск : Ин-т истории СО РАН, 2001. С. 137—140.
6. Обердирфер Л. И. К вопросу о гендерном аспекте депортации, «трудармии» и спецпоселения российских немцев = Zur Frage über Genderaspekt der Deportation, «Trudarmee» und Sondersiedlung der Russlanddeutschen // UMOTNAS.RU : [сайт]. URL: <https://umotnas.ru/umot/k-voprosu-o-gendernom-aspekte-deportacii-trudarmii-i-specposel/> (дата обращения: 18.03.2023).
7. Ищак Л. А. Российские немки на Архангельском Севере // Начальный период Великой Отечественной войны и депортация российских немцев: взгляды и оценки через 70 лет : материалы 3-й междунар. науч.-практ. конф. (Саратов, 26—28 августа 2011 г.). М. : МСНК-пресс, 2011. С. 583—588.
8. Маркдорф Н. М. Проблема воссоединения семей российских немцев в 1941—1956 гг.: по материалам личных дел // Немцы России в общественно-политической жизни страны

¹ По воспоминаниям потомков трудармейцев Кировского/Ленинского районов г. Новосибирска (материалы интервью с В. Ю. Прахтом, Б. Вернером, Ф. Д. Борискиной (Беч) — участником Союза репрессированных граждан, а также А. С. Роот, Л. А. Ведерниковой (Роот)), записанным Е. А. Скоп в период с 2011—2022 гг.

- (XVIII—XXI вв.) : материалы 16-й междунар. науч. конф. (Москва, 27—31 октября 2016 г.). М. : РусДойч Медиа, 2017. 428 с.
9. Суслов А. Б. Вмешательство государства в семейную жизнь спецпоселенцев в послевоенный период // Вестник Пермского университета. Сер. «История». 2013. № 3. С. 196—201.
 10. «Мобилизовать немцев в рабочие колонны... И. Сталин»: сб. док. (1940-е годы) / сост., предисл., коммент. д-ра ист. наук, проф. Н. Ф. Бугая. 2-е изд. М. : Готика, 2000. 251 с.
 11. Кригер В. Патриоты или предатели? Политические и уголовные процессы против российских немцев 1942—1946 гг. // Родина. 2002. № 10. С. 93—98.
 12. История российских немцев в документах (1763—1992 гг.) / РАУ-корпорация, Междунар. ин-т гуманист. прогр. ; [составители В. А. Ауман, В. Г. Чеботарева]. М. : МИГУП, 1993. 448 с.
 13. Герман А. А. Немецкая автономия на Волге. 1918—1941. М. : МСНК-пресс, 2007. 576 с.
 14. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. П-4. Оп. 34. Д. 127.
 15. ГАО. Ф. П-89. Оп. 1. Д. 133.
 16. Белковец Л. П. Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении 1941—1945 гг.: историко-правовое исследование. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2003. 320 с.
 17. Наша малая родина: хрестоматия по истории Новосибирской области. 1921—1991 / сост. В. И. Баяндин, В. А. Ильиных, С. А. Красильников, И. С. Кузнецов и др. Новосибирск : Экор, 1997. 768 с.
 18. Герман А. А., Курочкин А. Н. Немцы СССР в трудовой армии (1941—1945). М. : Готика, 1998. 208 с.
 19. Маркдорф Н. М. О советских немцах, немцах-спецпоселенцах в западносибирских лагерях НКВД — МВД СССР для военнопленных: 1943—1950 гг. // Начальный период Великой Отечественной войны и депортация российских немцев: взгляды и оценки через 70 лет : материалы 3-й междунар. науч.-практ. конф. (Саратов, 26—28 августа 2011 г.). М. : МСНК-пресс, 2011. С. 769—775.
 20. Сарнова В. В. Принудительная миграция населения СССР в Западную Сибирь в период Второй мировой войны : моногр. / Новосибирский государственный университет. Новосибирск, 2012. 274 с.
 21. ГАО. Ф. Р-600. Оп. 4. Д. 64.
 22. Крылов В. Ты виноват, потому что немец // Вечерний Новосибирск. 2011. 7 сент.
 23. Белковец Л. П. Нарымская эпопея немцев Поволжья 1941—1945 гг. // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект. М., 1998. С. 284—313.
 24. Обердирфер Л. Демографическое положение немецкого населения в 1940-е // Немцы СССР в годы Великой Отечественной войны и в послевоенное десятилетие: 1941—1955 гг. : материалы междунар. науч. конф. (Москва, 19—22 октября 2000 г.). М., 2000. С. 321—344.
 25. Савранина Т. Религиозные организации немцев в Западной Сибири в 1941—1955 гг. // Немцы СССР в годы Великой Отечественной войны и в послевоенное десятилетие: 1941—1955 гг. : материалы междунар. науч. конф. (Москва, 19—22 октября 2000 г.). М., 2000. С. 313—320.
 26. Бруль В. И. Российские немцы в Сибири в 1935—1965 гг.: сравнение с другими депортированными народами (поляками, калмыками, латышами, эстонцами, литовцами) // Немцы на Урале и в Сибири XVI—XX вв. : материалы науч. конф. «Германия — Россия: исторический опыт межрегионального взаимодействия XVI—XX вв.» (3—9 сент. 1999). Екатеринбург, 2001. С. 315—340.
 27. ГАО. Ф. Р-1020. Оп. 6. Д. 17.
 28. Зберовская Е. Л. Калмыки-спецпоселенцы в Сибири: проблемы сохранения этнической идентичности в условиях депортации // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2013. № 13. С. 46—51.
 29. Мир прекрасен: Андреас Крамер. Стихи. Тамара Куделина. Воспоминания об отце Андреасе Крамере = Die Welt ist schön: Andreas Kramer. Gedichte. Tamara Kudelin. Erinnerungen an den Vater Andreas Kramer / Немцы Алтая, Центр культурно-делового сотрудничества. Барнаул, 2020. 318 с.
 30. Шадт А. А. Труд советских трудармейцев в Сибири в условиях спецпоселения и «Трудовой армии» // История и этнография немцев в Сибири : [коллектив. моногр.] / сост. и науч. ред. П. П. Вибе. Омск : Изд-во ОГИК музея, 2009. С. 444—464.
 31. ГАО. Ф. П-92. Оп. 1. Д. 509.
 32. Конев Е. В. Политика закрепления немецкого населения в местах бывшего спецпоселения во второй половине 1950-х гг. (на материалах Кемеровской, Новосибирской и Томской областей) // Ключевые проблемы истории российских немцев : материалы X междунар. конф. Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев (Москва, 18—21 нояб. 2003 г.). М. : МСНК-пресс, 2004. С. 128—134.

33. Белковец Л. П., Шадт А. А. Спецпереселенцы — немцы Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны // Пятьдесят лет победы советского народа над фашизмом в Великой Отечественной войне : материалы науч. конф. Новосибирск, 1995. С. 269—272.

References

1. Bugay N.F. L. Beriya-I. Stalinu: "Soglasno Vashemu ukazaniyu...": [o deportatsii narodov v SSSR v 30-40-e gg.] [L. Beria to I. Stalin: "According to your instructions...", [on the deportation of peoples in the USSR in the 30s-40s]]. Moscow, AIRO-XX, 1995, 319 p.
2. Okhotnikov A.Yu. Nemtsy Severnoy Kulundy: strategii i rezul'taty sotsial'noy adaptatsii (1910-1960-e gg.) [Germans of Northern Kulunda: Strategies and Results of Social Adaptation (1910-1960s)]. Novosibirsk, IAET SO RAN, 2012, 212 p.
3. Vashkau N.E. Bez viny vinovaty. Rossiyskie nemtsy na spetsposelenii i v trudarmii [Guiltless. Russian Germans on Special Settlement and in the Labor Army], *Rodina*, 2002, no. 10, pp. 99-104.
4. Brul' V. Nemetskie zhenshchiny v gody voyny i spetsposeleniya (1941-1955 gg.) [German Women in Wartime and Special Settlement (1941-1955)], *Nemtsy SSSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny i v pervoe poslevoennoe desyatiletie, 1941-1955* [Germans of the USSR during the Great Patriotic War and in the First Postwar Decade, 1941-1955], materialy 7-y mezhdunar. nauch. konf. (Moscow, 19-22 October, 2000). Moscow, Gotika, 2001, pp. 57-83.
5. Oberderfer L.I. Trud nemetskikh zhenshchin na predpriyatiyakh goroda Novosibirska v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Labor of German Women at the Enterprises of Novosibirsk during the Great Patriotic War], *Novosibirskaya oblast' v kontekste rossiyskoy istorii* [Novosibirsk Region in the Context of Russian History], materialy region. ist.-kraeved. konf., 13-15 June, 2001. Novosibirsk, In-t istorii SO RAN, 2001, pp. 137-140.
6. Oberderfer L.I. K voprosu o gendernom aspekte deportatsii, "trudarmii" i spetsposeleniya rossiyskikh nemtsev = Zur Frage über Genderaspekt der Deportation, "Trudarmee" und Sondersiedlung der Russlanddeutschen [On the Gender Aspect of Deportation, "Trudarmiya" and Special Settlement of Russian Germans], *UMOTNAS.RU*, [site]. Available at: <https://umotnas.ru/umot/k-voprosu-o-gendernom-aspekte-deportatsii-trudarmii-i-specposel/> (accessed: 18.03.2023).
7. Ishchak L.A. Rossiyskie nemki na Arkhangel'skom Severe [Russian Germans in the Arkhangelsk North], *Nachal'nyy period Velikoy Otechestvennoy voyny i deportatsiya rossiyskikh nemtsev: vzglyady i otsenki cherez 70 let* [The initial period of the Great Patriotic War and the deportation of Russian Germans: views and assessments 70 years later], materialy 3-y mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Saratov, 26-28, August, 2011). Moscow, MSNK-press, 2011, pp. 583-588.
8. Markdorf N.M. Problema vossoedineniya semey rossiyskikh nemtsev v 1941-1956 gg.: po materialam lichnykh del [The problem of Family Reunification of Russian Germans in 1941-1956: on the Materials of Personal Files], *Nemtsy Rossii v obshchestvenno-politicheskoy zhizni strany (XVIII—XXI vv.)* [Germans of Russia in the social and political life of the country (XVIII-XXI centuries)], materialy 16-y mezhdunar. nauch. konf. (Moscow, 27-31 October 2016). Moscow, RusDoych Media, 2017, 428 p.
9. Suslov A.B. Vmeshatel'stvo gosudarstva v semeynuyu zhizn' spetsposelentsev v poslevoennyi period [State Intervention in the Family Life of Special Settlers in the Post-War Period], *Vestnik Permskogo universiteta. Ser. "Istoriya"* [Herald of Perm University. Ser. "History"], 2013, no. 3, pp. 196-201.
10. Bugay N.F. (ed.) "Mobilizovat' nemtsev v rabochie kolonny... I. Stalin": sb. dok. (1940-ee gody) ["To Mobilize Germans into Workers' Columns... I. Stalin": collection of documents (1940s)], 2-e izd. Moscow, Gotika, 2000, 251 p.
11. Kriger V. Patrioty ili predateli? Politicheskie i ugovnyye protsessy protiv rossiyskikh nemtsev 1942-1946 gg. [Patriots or traitors? Political and Criminal Trials against Russian Germans in 1942-1946], *Rodina*, 2002, no. 10, pp. 93-98.
12. Auman V.A., Chebotareva V.G. (eds.) Istoriya rossiyskikh nemtsev v dokumentakh (1763-1992 gg.) [History of Russian Germans in Documents (1763-1992)]. Moscow, MIGUP, 1993, 448 p.
13. German A.A. Nemetskaya avtonomiya na Volge. 1918-1941 [German Autonomy on the Volga. 1918-1941]. Moscow, MSNK-press, 2007, 576 p.
14. *Gosudarstvennyy arkhiv Novosibirskoy oblasti (GANO)* [State Archive of the Novosibirsk Region (GANO)], coll. P-4, aids. 34, fol. 127.
15. *GANO*, coll. P-89, aids. 1, fol. 133.
16. Belkovets L.P. Administrativno-pravovoe polozhenie rossiyskikh nemtsev na spetsposelenii 1941-1945 gg.: istoriko-pravovoe issledovanie [Administrative and Legal Status of Russian Germans in Special Resettlement 1941-1945: Historical and Legal Study]. Novosibirsk, Publ. SO RAN, 2003, 320 p.

17. Bayandin V.I., Il'nykh V.A., Krasil'nikov S.A., Kuznetsov I.S. (eds.) *Nasha malaya rodina: khrestomatiya po istorii Novosibirskoy oblasti. 1921-1991* [Our Small Motherland: a textbook on the history of the Novosibirsk region. 1921-1991]. Novosibirsk, Ekor, 1997, 768 p.
18. German A.A., Kurochkin A.N. *Nemtsy SSSR v trudovoy armii (1941-1945)* [USSR Germans in the Labor Army (1941-1945)]. Moscow, Gotika, 1998, 208 p.
19. Markdorf N.M. O sovetskikh nemtsakh, nemtsakh-spetsposelentsakh v zapadnosibirskikh lageryakh NKVD - MVD SSSR dlya voennoplennyykh: 1943-1950 gg. [On Soviet Germans, Germans-Special Settlers in the West Siberian Camps of the NKVD-MIA of the USSR for Prisoners of War: 1943-1950], *Nachal'nyy pe-riod Velikoy Otechestvennoy voyny i deportatsiya rossiyskikh nemtsev: vzglyady i otsenki cherez 70 let* [The Initial Period of the Great Patriotic War and the Deportation of Russian Germans: Views and Assessments 70 Years later], *materialy 3-y mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Saratov, 26-28 August, 2011)*. Moscow, MSNK-press, 2011, pp. 769-775.
20. Sarnova V.V. *Prinuditel'naya migratsiya naseleniya SSSR v Zapadnuyu Sibir' v period Vtoroy mirovoy voyny* [Forced Migration of the USSR Population to Western Siberia during World War II], monogr. Novosibirsk, 2012, 274 p.
21. *GANO*, coll. R-600, aids. 4, fol. 64.
22. Krylov V. Ty vinovat, potomu chto nemets [You are guilty because you are German], *Vecherniy Novosibirsk*, 2011, 7 September.
23. Belkovets L.P. Narymskaya epopeya nemtsev Povolzh'ya 1941-1945 gg. [The Narym Epic of the Volga Region Germans 1941-1945], *Migratsionnye protsessy sredi rossiyskikh nemtsev: istoricheskiy aspekt* [Migration Processes among Russian Germans: Historical Aspects]. Moscow, 1998, pp. 284-313.
24. Oberderfer L. Demograficheskoe polozhenie nemetskogo naseleniya v 1940-e [The Demography of the German Population in the 1940s], *Nemtsy SSSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny i v poslevoennoe desyatiletie: 1941-1955 gg.* [Germans of the USSR during the Great Patriotic War and in the Postwar Decade: 1941-1955], *materialy mezhdunar. nauch. konf. (Moscow, 19-22 October, 2000)*. Moscow, 2000, pp. 321-344.
25. Savranina T. Religioznye organizatsii nemtsev v Zapadnoy Sibiri v 1941-1955 gg. [Religious Organizations of Germans in Western Siberia in 1941-1955], *Nemtsy SSSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny i v poslevoennoe desyatiletie: 1941-1955 gg.* [Germans of the USSR during the Great Patriotic War and in the Postwar Decade: 1941-1955], *materialy mezhdunar. nauch. konf. (Moscow, 19-22 October, 2000)*. Moscow, 2000, pp. 313-320.
26. Brul' V.I. Rossiyskie nemtsy v Sibiri v 1935-1965 gg.: sravnenie s drugimi deportirovannymi narodami (polyakami, kalmykami, latyshami, estontsamami, litovtsami) [Russian Germans in Siberia in 1935-1965: in Comparison with Other Deported Peoples (Poles, Kalmyks, Latvians, Estonians, Lithuanians)], *Nemtsy na Urale i v Sibiri XVI-XX vv.* [Germans in the Urals and Siberia XVI-XX centuries], *materialy nauch. konf. "Germaniya - Rossiya: istoricheskiy opyt mezhregional'nogo vzaimodeystviya XVI-XX vv."* (3-9 September, 1999). Ekaterinburg, 2001, pp. 315-340.
27. *GANO*, coll. R-1020, aids. 6, fol. 17.
28. Zberovskaya E.L. Kalmyki-spetsposelentsy v Sibiri: problemy sokhraneniya etnicheskoy identichnosti v usloviyakh deportatsii [Kalmyk Special Settlers in Siberia: Problems of Preserving Ethnic Identity in Conditions of Deportation], *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN* [Bulletin of the Kalmyk Institute of Humanitarian Research of the Russian Academy of Sciences], 2013, no.13, pp. 46-51.
29. Mir prekrasen: Andreas Kramer. Stikhi. Tamara Kudelina. Vospominaniya ob ottse Andrease Kramere = Die Welt ist schön: Andreas Kramer. Gedichte. Tamara Kudelin. Erinnerungen an den Vater Andreas Kramer [The World is Beautiful: Andreas Kramer. Poems. Tamara Kudelina. Memories of Father Andreas Kramer]. Barnaul, 2020, 318 p.
30. Shadt A.A. Trud sovetskikh trudarmeytsev v Sibiri v usloviyakh spetsposeleniya i "Trudovoy armii" [Labor of Soviet Trudarmeyets in Siberia in Conditions of Special Settlement and "Labor Army"], *Istoriya i etnografiya nemtsev v Sibiri* [History and Ethnography of Germans in Siberia], [kollektiv. monogr.], P.P. Vibe (ed.). Omsk, Publ. OGIK muzeya, 2009, pp. 444-464.
31. *GANO*, coll. P-92, aids. 1, fol. 509.
32. Konev E.V. Politika zakrepleniya nemetskogo naseleniya v mestakh byvshego spetsposeleniya vo vtoroy polovine 1950-kh gg. (na materialakh Kemerovskoy, Novosibirskoy i Tomskoy oblastey) [The policy of Consolidation of the German Population in the Places of Former Special Settlement in the Second Half of the 1950s (on the materials of the Kemerovo, Novosibirsk and Tomsk regions)], *Klyuchevye problemy istorii rossiyskikh nemtsev* [Key Problems of the History of Russian Germans], *materialy X mezhdunar. konf. Mezhdunarodnoy assotsiatsii issledovateley istorii i kul'tury rossiyskikh nemtsev (Moscow, 18-21 November, 2003)*. Moscow, MSNK-press, 2004, pp. 128-134.

33. Belkovets L.P., Shadt A.A. Spetspereselentsy - nemtsy Novosibirskoy oblasti v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Special Settlers - Germans of the Novosibirsk Region during the Great Patriotic War], *Pyat'desyat let pobedy sovetskogo naroda nad fashizmom v Velikoy Otechestvennoy voyne* [Fifty Years of Victory of the Soviet People over Fascism in the Great Patriotic War], *materialy nauch. konf.* Novosibirsk, 1995, pp. 269-272.

Информация об авторе

Скоп Евгения Александровна — независимый исследователь, аспирант, Институт истории СО РАН, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: skopevgenia22@gmail.com

Information about the author

Evgenia A. Skop — independent researcher, Post-graduate student, Institute of History SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: skopevgenia22@gmail.com

Статья поступила в редакцию 19.06.2024; одобрена после рецензирования 18.07.2024; принята к публикации 25.07.2024.

The article was submitted 19.06.2024; approved after reviewing 18.07.2024; accepted for publication 25.07.2024.

РУССКИЕ ЭМИГРАНТЫ ЗА РУБЕЖОМ: ПОДДЕРЖКА БЕЖЕНЦЕВ

RUSSIAN EMIGRANTS ABROAD: SUPPORT FOR REFUGEES

Сибирь гуманитарная. 2024. № 3. С. 76—84.
Siberia Humanitarian. 2024;(3):76—84.

Русские эмигранты за рубежом: поддержка беженцев

Научная статья
УДК 376.685(=161.1)(4)"1920/1930":364.054
<https://doi.org/10.32324/2949-1568-2024-3-76-84>

Помощь молодым русским эмигрантам в получении образования за границей (по материалам архива Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына)

Марина Юрьевна Сорокина

Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына, Москва, Российская Федерация,
msorokina61@gmail.com

Аннотация. В статье на основе впервые вводимых в научный оборот документов из архивного собрания Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына рассматривается благотворительная деятельность супругов Елима Павловича Демидова и Софьи Илларионовны Демидовой по оказанию всесторонней моральной и материальной поддержки русским студентам — беженцам Русской революции и Гражданской войны, находившимся в Европе (Бельгия, Греция, Франция) в 1920—1930-е гг.

Ключевые слова: русское зарубежье, русская эмиграция, благотворительность, студенты-беженцы, Е. П. Демидов и С. И. Демидова, М. М. Федоров, А. Е. Василькиоти, Н. А. Коккинаки, Д. С. Мышкин, В. С. Гарин, В. М. Жуковский, В. Н. Похитонов

Для цитирования: Сорокина М. Ю. Помощь молодым русским эмигрантам в получении образования за границей (по материалам архива Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына) // Сибирь гуманитарная. 2024. № 3. С. 76—84. <https://doi.org/10.32324/2949-1568-2024-3-76-84>

Russian emigrants abroad: support for refugees

Original article

Assistance to Young Russian Emigrants in Getting a Degree Abroad (on the materials of the Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad Archive)

Marina Yu. Sorokina

Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad, Moscow, Russian Federation, msorokina61@gmail.com

Abstract. The article introduces for the first time the documents from the archival collection of the Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad. It examines the charitable activities of Elim Pavlovich Demidov and Sofia Illarionovna Demidova on rendering comprehensive moral and financial support to Russian students — refugees of the Russian Revolution and the Civil War, who found themselves in Europe (Belgium, Greece, and France) in the 1920—1930s.

Keywords: Russia abroad, Russian emigration, charity, refugee students, E.P. Demidov and S.I. Demidova, M.M. Fedorov, A.E. Vasilkioti, N.A. Kokkinaki, D.S. Myshkin, V.S. Garin, V.M. Zhukovsky, V.N. Pokhitonov

For citation: Sorokina M.Yu. Assistance to Young Russian Emigrants in Getting a Degree Abroad (on the materials of the Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad Archive). *Siberia Humanitarian*. 2024;(3):76—84. (In Russ.). <https://doi.org/10.32324/2949-1568-2024-3-76-84>

В исторической литературе давно признано особое место династии промышленников, коллекционеров и благотворителей Демидовых в истории России. Менее известен вклад ее представителей в создание и поддержание культурного и образовательного пространства русского зарубежья и Европы XX в.

В архивном, библиотечном и музейном собраниях Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына в Москве хранится немало документальных свидетельств культуртрегерской и благотворительной деятельности представителей династии Демидовых. Одной из ярких страниц истории русского зарубежья является помощь беженцам русской революции и Гражданской войны (1917—1922), оказанная последним российским императорским посланником в Афинах (Греция) Елимом Павловичем Демидовым (1868—1943), князем Сан-Донато, и его супругой Софией Илларионовной (урожд. графиня Воронцова-Дашкова (1870—1953)). В фонде № 13 «Центральный комитет по обеспечению высшего образования русскому юношеству за границей»¹ архивного собрания Дома русского зарубежья отложились документы, раскрывающие большую помощь, оказанную супругами молодому поколению русской белой эмиграции.

Центральный комитет по обеспечению высшего образования русскому юношеству за границей был создан в сентябре 1922 г. в Париже по инициативе Михаила Михайловича Федорова (1858—1949) — известного экономиста и общественного деятеля, министра в правительстве С. Ю. Витте, участника белого движения и главы антибольшевистского Национального центра в годы Гражданской войны, а в эмиграции — члена Русского национального комитета. Благодаря неутомимой деятельности «Федоровского комитета» (под таким названием комитет вошел в историю XX в.), сотрудничавшего с правительственными, церковными и академическими кругами Европы и США, удалось добиться ассигнования значительных средств на стипендии русским студентам и оплату русских преподавателей средних

¹ Передан в Дом русского зарубежья в 2004 г. Национальным архивом Франции в составе архива Общества охранения русских культурных ценностей.

и высших учебных заведений. Среди кандидатов на стипендии «Федоровского комитета» было немало людей, сыгравших в дальнейшем значительную роль в истории и культуре русского зарубежья. Особую поддержку комитет оказывал студентам технических и агрономических учебных заведений, поскольку считал, что именно эти специальности будут более всего востребованы в России [1]. В целом благодаря «Федоровскому комитету» более 8 000 молодых людей — эмигрантов из России обрели возможность получить высшее профессиональное образование и наладить свою жизнь в вынужденном изгнании. Вплоть до 1932 г. подразделения «Федоровского комитета» действовали во Франции, Бельгии, Чехословакии, Германии, Италии, Польше и многих других странах. Окончательно он был упразднен только в 1949 г. после кончины М. М. Федорова.

В архиве Дома русского зарубежья хранятся личные дела кандидатов на получение стипендий «Федоровского комитета», включающие автобиографии, прошения, рекомендательные письма и прочие документы, позволяющие детально представить как процедуру отбора кандидатов, так и значительный круг лиц, общественных и церковных организаций, вовлеченных в это непростое дело.

Российский императорский посланник в Афинах Елим Павлович Демидов (назначен в августе 1912 г.) был выпускником Императорского Александровского лицея и на дипломатическом поприще служил в российских посольствах Мадрида (1902—1903), Копенгагена (1903—1905), Вены (1905—1908), Парижа (1911—1912). Елим Павлович с супругой Софией Илларионовной приехали в Афины всего на несколько лет, однако остались здесь на несколько десятилетий, здесь же окончив свой земной путь (похоронены в Афинах).

В отличие от многих других европейских стран, Греция столкнулась с проблемой русских беженцев гораздо ранее крымской эвакуации русской армии барона П. Н. Врангеля. Первые русские эмигранты появились здесь еще в апреле 1919 г. Тогда же по инициативе и под председательством С. И. Демидовой в Афинах был создан Союз помощи русским в Греции, а в 1927 г. — Союз русских эмигрантов в Греции, существовавший до конца 1980-х гг.

Пользовавшаяся авторитетом среди греческих политиков и гражданского общества, София Илларионовна Демидова умело использовала свое влияние, чтобы постоянно содействовать соотечественникам, которые остро нуждались в моральной и материальной поддержке. Согласно многочисленным свидетельствам русских эмигрантов, ее письма и рекомендации было достаточно, чтобы устроиться на работу или получить помощь в обучении [2—4].

Влияние С. И. Демидовой было столь же сильно и за пределами Греции, прежде всего в русских эмигрантских организациях. Мы приведем несколько примеров, иллюстрирующих исключительную роль С. И. Демидовой в успешном профессиональном и жизненном становлении и развитии ее подопечных.

Одним из примеров является судьба художника Аристотеля Еремеевича Василькиоти (Vasilkiotis, 1902—1972), личное дело которого сохранилось в фонде № 13 Дома русского зарубежья [5]. Аристотель родился 11 января 1902 г. в Евпатории (Крым) в семье потомственного почетного гражданина Еремея Иоанновича Василькиоти. Семья крымских греков Василькиоти испытала все ужасы Гражданской войны, от голода до террора. Родной брат Еремея Василькиоти Фотий, также почетный гражданин и председатель греческого землячества Евпатории, в 1918 г. был зверски убит большевиками. Согласно документам архивного дела, Аристотель Василькиоти в 1922 г. эмигрировал вместе с родителями в Грецию, где со 2 марта 1922 г. учился в школе изящных искусств политехникума в Афинах. Обстоятель-

ства заставили молодого человека искать продолжения образования во Франции, и 7 февраля 1923 г., уже в Париже, Аристотель подал прошение в Комитет по обеспечению высшего образования русскому юношеству за границей с просьбой помочь ему с обучением в Национальной школе изящных искусств, поскольку собственных средств для этого не хватало. Его обращение поддержала княгиня С. И. Демидова, 10 июня 1923 г. направившая рекомендательное письмо председателю комитета М. М. Федорову. Она писала: «Многоуважаемый Михаил Михайлович, перед отъездом в Vichy я хотела Вашему вниманию лично рекомендовать русского студента Василькиоти, которого я знаю в Афинах, где он во всех отношениях очень хорошо себя зарекомендовал. К сожалению, Вы как раз в отсутствии и ввиду спешности вопроса принуждена писать Вам. Дело стоит так: Василькиоти поступил уже в *École de Beaux-Arts, atelier Prof. Roji*, до поступления он работал на заводе, теперь как раз ему необходимо усиленно заниматься. Профессор им очень доволен, но настаивает на усидчивых занятиях. Конечно, с работой на заводе это несовместно, а средств у Василькиоти никаких. Может, Вы найдете возможным ему устроить стипендию или же хотя <бы> временную помощь. Через два года он окончит *École de Beaux-Arts*. Надеюсь, с Вами повидаемся в начале июля, когда я буду обратно в Париже. Искренно уважающая Вас С. Демидова» [5, л. 9]. Письмо сыграло свою роль и Аристотель Василькиоти получил необходимые для профессионального образования средства. 10 октября 1923 г. он был принят в действительные члены Союза русских студентов во Франции. На протяжении всей своей жизни в эмиграции Аристотель Василькиоти, которого все мемуаристы описывают как позитивного и обаятельного человека, постоянно общался с соотечественниками — и с русскими эмигрантами, и с приезжавшими в Европу советскими гражданами, в том числе с писателем И. Г. Эренбургом. В 1932—1933 гг. вместе с братом Аристотель Василькиоти работал в Эфиопии, затем вновь вернулся в Париж, а в 1938 г. окончательно поселился в Греции. В Афинах он дружил с известным коллекционером А. Э. Бенаки и художником Н. В. Шперлингом. Живописные работы Аристотеля Василькиоти широко представлены в собраниях музеев Белграда, Мюнхена и частных собраниях [4, с. 322—327 ; 6, с. 339].

Авторитет четы Демидовых сыграл положительную роль в судьбе еще одного русского грека — Николая Антоновича Коккинаки [7]. Николай Коккинаки родился в Одессе 22 мая 1913 г. Оказавшись с матерью в эмиграции, в 1930 г. он окончил лицей Леони в Афинах. 4 июня 1933 г. обратился к М. М. Федорову с просьбой помочь поступить в знаменитый Лувенский университет (Бельгия). 21 июня 1933 г. на запрос М. М. Федорова о моральной, учебной и политической характеристике Коккинаки от 16 июня 1933 г. Е. П. Демидов отвечает: «Я полагаю, что, оказав содействие к его поступлению в Лувенский университет, Вы бы совершили доброе и полезное дело». Отзыв столь уважаемого соотечественника сыграл свою позитивную роль и 21 июля Федоров сообщил князю Сан-Донато, что готов давать Коккинаки 150 франков в месяц. Между тем оплата учебы в Лувене составляла 280 франков ежемесячно и Федоров волновался, удастся ли собрать в Греции дополнительные 130 франков, а также оплатить проезд Коккинаки из Афин в Лувен. Благодаря Е. П. Демидову необходимые средства были найдены и вскоре Николай Коккинаки прибыл в знаменитый университетский город. 28 октября 1933 г. Е. П. Демидов с удовлетворением сообщал М. М. Федорову, что Коккинаки выдержал экзамен и приобрел право на бельгийскую гражданскую службу по окончании учебы. Из сохранившихся документов известно, что обещанную стипендию он получал по 1937 г. включительно.

Поддержка Софии Илларионовны Демидовой сыграла важную роль в судьбе другого русского беженца Гражданской войны — Дмитрия Сокра-

товича Мышкина [8]. Дмитрий Мышкин родился 4 сентября 1878 г. на Урале, в Перми в семье врача Сократа Петровича Мышкина и его жены — учительницы Александры Михайловны. В 1916 г. он окончил пермское Алексеевское реальное училище и отправился учиться кораблестроению в Петроградский политехнический институт императора Петра Великого. В 1918 г. молодого человека призвали в армию и отправили на учебу в Михайловское артиллерийское училище, но очень скоро он оказался в Крыму — в 1918—1919 гг. Дмитрий Мышкин уже числился студентом физико-математического факультета Таврического университета. Вместе с русской армией барона П. Н. Врангеля он был эвакуирован в конце 1920 г. в Константинополь, где и находился до лета 1923 г., работая в технической конторе. Тем же летом Мышкин перебрался в Афины. Письмо С. И. Демидовой, датированное 25 августа 1923 г., рекомендует его М. М. Федорову как стремящегося учиться во Франции. Согласно имеющимся документам, он прибыл в Париж в сентябре 1923 г., работал и учился в *École Travaux Publics et d'habitations*; учился, как отмечено в бумагах Комитета по обеспечению высшего образования русскому юношеству за границей, неплохо¹.

В том же послании София Илларионовна обращает внимание и на талантливую скульптора Гарина, уже окончившего в Афинах класс скульптуры Академии художеств и находящегося в Париже в бедственном положении. Речь шла о скульпторе и графике Вячеславе Стефановиче Гарине (Гарин-Вышатвецкий, 1891—1957). Дворянин, сын морского офицера, он в юности интересовался этнографией и по заданию Харьковского этнографического музея участвовал в научной экспедиции в Азию. Затем увлекся скульптурой, но был призван в армию и стал участником Первой мировой войны. На румынском фронте Гарин получил ранение, был отравлен газами и долгое время лечился. В годы революции он потерял семью и родовое имение, эмигрировал в Турцию, затем жил в Греции. Здесь, получая материальную поддержку греческой королевы и русской великой княжны Ольги Константиновны (1851—1926), Вячеслав Стефанович вновь обратился к скульптуре, однако в поисках лучшей доли сначала отправился в Италию, а затем — во Францию, где в 1928 г. поселился в Париже и профессионально занялся скульптурой, работая преимущественно с деревом, реже — с мрамором, слоновой костью, медью. Член группы *La Horde de Montparnasse* («Орда Монпарнаса»), Гарин экспонировался в салонах — Осеннем, Независимых, Сверхнезависимых. Провел персональную выставку в галерее *P. Loujatzky* в Гааге (1933). В 1936 г. В. С. Гарин стал членом известного Союза возвращения на Родину, а в 1943 г. был арестован как русский и провел несколько лет в нацистских концлагерях. На родину скульптор так и не вернулся, закончив свою жизнь во Франции [6, с. 388—389].

«Дело» еще одного студента-беженца — Всеволода Михайловича Жуковского весьма показательны с точки зрения уровня и стилистики отношений между представителями старшего поколения русской белой эмиграции [9]. Всеволод Михайлович родился 8 февраля 1912 г. в Плоцке. Его отец, полковник Михаил Николаевич Жуковский (1861—1944), служивший во 2-м кавалерийском полку русской армии, был эвакуирован из Крыма и жил в Салониках. В 1931 г. его сын окончил здесь французский лицей и продолжил учебу в Лувенском университете, однако средств у семьи не хватало, что и вызвало обращение к С. И. Демидовой, которая немедленно

¹ Нам не удалось проследить дальнейшую судьбу Д. С. Мышкина. В России у Дмитрия Мышкина осталось двое младших братьев. Герман (1887—1945) пошел по стопам отца и стал медиком, с 1920 г. его жизнь была тесно связана с Екатеринбургом, где он считается основоположником рентгенологии в городе. Его супруга Клавдия Андреевна Белобородова была главным врачом городской больницы, а дочь Зера до сих пор бережно сохраняет память о своих знаменитых родных. Другой брат Дмитрия Мышкина — Юрий (1895—1943), отправившись на учебу в Москву, в Коммерческий институт, в 1912 г. вступил в партию большевиков и оставался ее крупным функционером до самой кончины.

откликнулась на просьбу. 30 мая 1934 г. она пишет М. М. Федорову: «Многоуважаемый Михаил Михайлович, обращаюсь к Вам с большой просьбой, касающейся молодого русского учащегося в Лувене, в Бельгии, в Политехникуме уже три года. Молодой Всеволод Жуковский, сын весьма почтенного и всеми уважаемого полковника Жуковского, состоящего в Салониках председателем отдела Союза русских увечных воинов, до сих пор имел в Лувене стипендию, очень хорошо учится, идет одним из первых. На этих днях отец получил от сына грустную весть, что стипендия ему, наравне со многими другими, прекращается. Необходимо внести сейчас же до 15 июня 300 бельгийских франков за право сдачи экзамена и, кроме того, 1 400 бельгийских франков в уплату за полугодие в общежитии. Полковник Жуковский только что был у меня и умоляет меня написать Вам. Зная Вашу всегдашнюю отзывчивость и Ваше сердечное попечение о русском юношестве, я знаю, что Вы поймете, что значит для молодого человека лишиться возможности продолжать так хорошо начавшееся учение, половину пути им уже пройдена. Просьба отца и моя очень горячая состоит в следующем: не найдете ли Вы возможным ссудить заимообразно 700 бельгийских франков теперь с тем, чтобы полковник Жуковский вернул бы Вам этот аванс в сентябре месяце. Он напряг все силы, исчерпал все возможности здесь и ему удалось набрать 1 000 бельгийских франков для посылки сыну в Лувен. Союз русских увечных воинов поможет полковнику Жуковскому в этом деле. Зная абсолютную и щепетильную порядочность полковника Жуковского, я нисколько не сомневаюсь, что он все меры примет для выполнения своего обязательства. Его сын Всеволод Жуковский, по общему отзыву всех его знающих, во всех отношениях достоин всякой поддержки. Буду надеяться, что Вы найдете возможным исполнить эту усердную просьбу и прошу Вас, многоуважаемый Михаил Михайлович, верить искреннему моему уважению. С. Демидова».

М. М. Федоров незамедлительно ответил С. И. Демидовой 4 июня 1934 г.: «Глубокоуважаемая княгиня София Илларионовна, получив Ваше письмо от 30 минувшего мая, сегодня же пишу в Лувен, принимая на себя гарантию в уплате полковником Жуковским до 1 октября 700 бельгийских франков. Если, сославшись на меня, полковник Жуковский вышлет реге Jourdan'у теперь же собранные уже им 1 000 бельгийских франков, то дело будет улажено. Чтобы облегчить полковнику Жуковскому сбор 700 бельгийских франков, посылаю Вам для передачи ему подписной лист Центрального комитета. Половина всего, что будет им собрано, пойдет на поддержку Всеволоду Жуковскому от Центрального комитета, вторая же половина поступит в Центральный комитет на нужды других студентов. Очень рад был исполнить Вашу просьбу и хоть немного помочь еще одному, хорошо учащемуся русскому юноше. Искренно Вас уважающий».

Вскоре, 11 июня, Федоров еще раз подтвердил княгине Демидовой, что получил благоприятный ответ от отца Журдена из Лувена о получении взноса частями, а 18 июня София Илларионовна отвечала Федорову: «Многоуважаемый Михаил Михайлович, сердечно благодарю Вас за Ваши два письма, а главное за то горячее участие, которое Вы и на этот раз приняли в участии молодого русского человека, ищущего просвещения и желающего работать. Сколько таких за все эти годы, которым Вы дали и даете возможность выйти в люди! Я сообщила полковнику М. Н. Жуковскому Ваши два письма, он мне уже написал, что пишет Вам непосредственно, чтобы выразить Вам всю его глубокую благодарность. Желаю Вам от души успеха в Вашем великом деле. Прошу Вас, многоуважаемый Михаил Михайлович, верить самому искреннему моему уважению С. Демидова».

Несмотря на помощь, Всеволод Жуковский так и не окончил Лувенский университет, он уехал в Брюссель, учился в местной инженерной школе

до 1935 г., учился неровно, как следует из документов архивного дела, и, по-видимому, успешной профессиональной карьеры не сделал.

В отличие от него Владимир Николаевич Похитонов — последний герой нашего очерка — прикладывал все возможные усилия, чтобы найти достойное место в новой беженской жизни [10]. Владимир Николаевич родился 27 июня 1895 г. (ст. ст.) в Вильно, в 1914—1916 гг. учился в Институте инженеров путей сообщения в Петрограде, но в 1916 г. пошел вольноопределяющимся на военную службу [11, с. 523]. Окончив Петроградскую школу прапорщиков, он участвовал в Первой мировой войне в качестве офицера отдельной инженерной роты кавалерийского корпуса. Сторонник и участник белого движения, в 1921 г. Похитонов оказался в Греции, где преподавал математику в русской гимназии в Афинах и учился на заочном отделении в парижском электротехническом институте. Стремясь очно получить высшее образование, он обратился за рекомендациями к самым уважаемым членам русской диаспоры в Афинах — С. Д. Набокову, С. И. Демидовой, профессору Г. В. Вернадскому. Известный судебный деятель и последний действующий курляндский губернатор Сергей Дмитриевич Набоков (1868—1940) сразу решил поддержать молодого человека и 7 июля 1923 г. просил М. М. Федорова о содействии Похитонову, которого назвал «выдающимся молодым человеком», ни одной минуты не теряющим из вида свою конечную цель — приобрести высшее образование. Весь уклад его жизни в Афинах, писал Набоков, проникнут «принципом труда», и «я буду очень счастлив, если мои два сына со временем окажутся того же типа, как Похитонов».

С. И. Демидова также дала рекомендацию Владимиру Похитонову. В письме М. М. Федорову от 30 июля 1923 г. она отметила: «Это один из стойких молодых людей, который, приехав в Грецию, в совершенно чужую страну с чуждым языком, с первого дня стал работать и провел 2 ½ года, существуя исключительно собственным трудом... Работы он никакой не боится, все, что ему под силу, возьмет с удовольствием». После таких щедрых характеристик Владимир Николаевич Похитонов получил материальную поддержку Центрального комитета по обеспечению высшего образования русскому юношеству за границей и окончил в Париже еще одну высшую школу — публичных работ, получив квалификацию инженера-строителя. До Второй мировой войны он работал директором производства на железобетонном заводе Котраба, близ Гренобля (департамент Изер). В 1946 г. Похитонов стал одним из организаторов и заведующим административной частью русской школы при Союзе советских патриотов (ССП), а в 1947 г., получив советский паспорт, уехал в СССР. Вместе с ним на родину отправилась и его супруга Софья Петровна (1887—1978). Урожденная княжна Святополк-Мирская, дочь министра внутренних дел Петра Дмитриевича Святополк-Мирского (1857—1914) и родная сестра выдающегося литературоведа Дмитрия Петровича Святополк-Мирского (1890—1939), погибшего в сталинских застенках. Фрейлина императорского двора, она вышла замуж за В. Н. Похитонova еще в Афинах. В эмиграции во Франции Софья Петровна была членом Дамского общества в память императрицы Марии Федоровны, активной прихожанкой Лилльского церковного прихода. В 1930 г. была удостоена архипастырского благословения за вышивку облачений для храма в Пон-де-Брике. На протяжении всей жизни Софья Петровна сопровождала супруга в делах и трудах и нашла свое упокоение на Новодевичьем кладбище в Москве [11, с. 524].

В статье мы рассказали о судьбах лишь некоторых представителей молодого поколения белой русской эмиграции начала XX в., объединенных бескорыстным участием в их беженской жизни супругов Елима Павловича и Софии Илларионовны Демидовых.

Дворяне и разночинцы, художник и скульптор, инженеры разного профиля, уроженцы и жители Одессы, Николаева, Евпатории, Перми, Петрограда, Москвы — всем им удалось получить высшее образование в вынужденном изгнании. Чья-то судьба и профессиональная карьера сложились удачно, а кто-то канул в безвестность. Однако всем им по-христиански, без различия их чинов и званий, помогали супруги Демидовы, о чем сохранились многочисленные свидетельства в архиве Дома русского зарубежья. В собраниях Дома находится немало других материалов, воссоздающих многие неизвестные страницы неутомимой культурной и образовательной деятельности представителей династии Демидовых.

Список источников

1. Федоров М. Между короной и наковальней: жизнь и судьба царского министра М. М. Федорова: 1858—1949. М. : Русский путь, 2019. 240 с.
2. Divani L. The Russian Refugees in Greece: a first attempt to register // *Balkan Studies*. Thessaloniki. 1994. Vol. 35. № 1. P. 47—69.
3. Алексеева Е. В. Российская эмиграция в Греции (1920-е — середина 1930-х гг.) // *Новый исторический вестник*. 2005. № 2. С. 203—221.
4. Жалнина-Василькиоти И. Л. Русская эмиграция в Греции. Судьбы. XX век. М. : Старая Басманная, 2015. 480 с.
5. Архив Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына (АДРЗ). Ф. 13. Оп. 2. Д. 986.
6. Лейкинд О. Л., Махров К. В., Северюхин Д. Я. Художники русского зарубежья: первая и вторая волна эмиграции: биографический словарь : в 2 т. СПб. : Мирь, 2019. Т. 1. 726 с.
7. АДРЗ. Ф. 13. Оп. 2. Д. 5342.
8. АДРЗ. Ф. 13. Оп. 2. Д. 1821.
9. АДРЗ. Ф. 13. Оп. 2. Д. 4881.
10. АДРЗ. Ф. 13. Оп. 2. Д. 1373.
11. Российское зарубежье во Франции: 1919—2000 : биографический словарь. М. : Наука ; Дом-музей Марины Цветаевой, 2010. Т. 2. 685 с.

References

1. Fedorov M. *Mezhdru koronoy i nakoval'ney: zhizn' i sud'ba tsarskogo ministra M.M. Fedorova: 1858—1949* [Between the Crown and the Anvil: The Life and Fate of Tsarist Minister M.M. Fedorov: 1858-1949]. Moscow, Russkiy put', 2019, 240 p.
2. Divani L. The Russian Refugees in Greece: a first attempt to register, *Balkan Studies*. Thessaloniki, 1994, vol. 35, no. 1, pp. 47-69.
3. Alekseeva E.V. Rossiyskaya emigratsiya v Gretsii (1920-e — seredina 1930-kh gg.) [Russian Emigration in Greece (1920s - mid-1930s)], *Novyy istoricheskiy vestnik* [New Historical Herald], 2005, no. 2, pp. 203-221.
4. Zhalnina-Vasil'kioti I.L. Russkaya emigratsiya v Gretsii. Sud'by. XX vek [Russian Emigration in Greece. Fates. The twentieth century]. Moscow, Staraya Basmannaya, 2015, 480 p.
5. *Arkhiv Doma russkogo zarubezh'ya imeni Aleksandra Solzhenitsyna (ADRZ)* [Archive of the Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad (ADRZ)], coll. 13, aids. 2, fol. 986.
6. Leykind O.L., Makhrov K.V., Severyukhin D.Ya. *Khudozhniki russkogo zarubezh'ya: pervaya i vtoraya volna emigratsii: biograficheskiy slovar'* [Artists of the Russian Abroad: First and Second Wave of Emigration: Biographical Reference Book], in 2 vol. Saint-Petersburg, Mir", 2019, vol. 1, 726 p.
7. ADRZ, coll. 13, aids. 2, fol. 5342.
8. ADRZ, coll. 13, aids. 2, fol. 1821.
9. ADRZ, coll. 13, aids. 2, fol. 4881.
10. ADRZ, coll. 13, aids. 2, fol. 1373.
11. Rossiyskoe zarubezh'e vo Frantsii: 1919-2000, biograficheskiy slovar' [Russian Abroad in France: 1919-2000: Biographical Reference Book]. Moscow, Nauka, Dom-muzey Mariny Tsvetaevoy, 2010, vol. 2, 685 p.

Информация об авторе

Сорокина Марина Юрьевна — кандидат исторических наук, доцент, заведующий отделом истории российского зарубежья, Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына, Москва, Российская Федерация. E-mail: msorokina61@gmail.com

Information about the author

Marina Yu. Sorokina — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of the History of the Russian Abroad, Alexander Solzhenitsyn House of Russian Abroad, Moscow, Russian Federation. E-mail: msorokina61@gmail.com

Статья поступила в редакцию 02.06.2024; одобрена после рецензирования 24.06.2024; принята к публикации 26.06.2024.

The article was submitted 02.06.2024; approved after reviewing 24.06.2024; accepted for publication 26.06.2024.

СТАРТОВАЯ ПЛОЩАДКА STARTING PLATFORM

Сибирь гуманитарная. 2024. № 3. С. 85—92.
Siberia Humanitarian. 2024;(3):85—92.

Стартовая площадка

Научная статья
УДК 94(470.43)"1914/1918"(=112.2)
<https://doi.org/10.32324/2949-1568-2024-3-85-92>

Первая мировая война в судьбе немецкой колонии Поволжья (по материалам села Тонкошуровка Самарской губернии)

Ангелина Алексеевна Масленникова

Институт истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, Саратов, Российская Федерация, lina.maslennikova@list.ru, <https://orcid.org/0009-0006-4658-7515>

Аннотация. В статье на основе материалов Государственного архива немцев Поволжья в г. Энгельсе (ГИАНП) показано, как Первая мировая война повлияла на жизнь села Тонкошуровка. Исполнение воинской повинности, осуществление сельскохозяйственных работ, эвакуация скота из прифронтовых районов в Поволжье — эти и другие процессы нашли свое отражение в судьбе колонии. Особое внимание уделяется вопросу размещения в Тонкошуровке беженцев, военнопленных и немцев, выселенных из западных губерний страны.

Ключевые слова: тыл, Первая мировая война, немцы Поволжья, мобилизация, благотворительность, беженцы, депортированные, военнопленные

Для цитирования: Масленникова А. А. Первая мировая война в судьбе немецкой колонии Поволжья (по материалам села Тонкошуровка Самарской губернии) // Сибирь гуманитарная. 2024. № 3. С. 85—92. <https://doi.org/10.32324/2949-1568-2024-3-85-92>

Starting platform

Original article

The First World War in the fate of the German colony of the Volga region (on the materials of the village of Tonkoshurovka, Samara province)

Angelina A. Maslennikova

Institute of History and International Relations of N.G. Chernyshevsky Saratov National Research State University, Saratov, Russian Federation, lina.maslennikova@list.ru, <https://orcid.org/0009-0006-4658-7515>

Abstract. The article introduces the materials of the State Archive of Volga Germans in Engels (GIANP) to show how the First World War affected the life of the village of Tonkoshurovka. Military service, agricultural work, evacuation of livestock from frontline

areas to the Volga region — these and other activities affected the fate of the colony. The article pays special attention to the issue of accommodation in Tonkoshurovka refugees, prisoners of war and Germans evicted from the western provinces of the country.

Keywords: rear, World War I, Volga Germans, mobilization, charity, refugees, deportees, prisoners of war

For citation: Maslennikova A.A. The First World War in the Fate of the German Colony of the Volga Region (on the Materials of the Village of Tonkoshurovka, Samara Province). *Siberia Humanitarian*. 2024;(3):85—92. (In Russ.). <https://doi.org/10.32324/2949-1568-2024-3-85-92>

Первая мировая война, ставшая одним из самых крупных военных конфликтов в истории человечества и последней войной для Российской империи, не могла не повлиять на жизнь народов, проживающих в разных ее регионах, в частности в Нижнем Поволжье. На территории Саратовской и Самарской губерний в 1914 г. находились 172 немецкие колонии с населением 549 тыс. человек [1, с. 15]. Для немцев Поволжья новые реалии стали особым испытанием, так как в начавшейся войне их историческая родина Германия выступала противником России. В результате к данной группе населения было привлечено особое внимание с целью оценить степень лояльности и патриотизма ее представителей. Как же проявляли себя рядовые жители немецкого Поволжья в этих непростых условиях? Что за изменения произошли в жизни их колоний и социальных практиках с началом войны? Рассмотрим процессы, наблюдавшиеся в немецкой колонии Поволжья в 1914—1917 гг., на примере села Мариенталь (Тонкошуровка). Село располагалось на берегу реки Большой Караман (левый приток Волги) и в то время относилось к Новоузенскому уезду Самарской губернии. К 1914 г. в селе проживало около 7 тыс. человек [2, с. 327].

В статье будет фигурировать название «Тонкошуровка», так как оно употребляется в источниках той эпохи. Кроме того, в ноябре 1914 г. Новоузенское уездное земское собрание единогласно приняло предложение одного из гласных о переименовании немецких сел и присвоении им русских названий. Гласный в своей речи указывал на то, что «наш батюшка-царь, глава России, переименовал столичный город Петербург в Петроград, и мы примеру его должны следовать» [3, с. 59, 61—62]. Так антинемецкая кампания отразилась в топонимических изменениях. Позже, в апреле 1915 г., самарским губернатором было издано постановление, воспрещающее в немецких селениях вести собрания обществ и товариществ на немецком языке [4, с. 148].

Начало мирового конфликта внесло серьезные коррективы в налаженный уклад жизни Тонкошуровки и поставило перед ее жителями ряд проблем, которые были связаны с мобилизацией, оказанием помощи больным и раненым, поддержкой беженцев, приемом военнопленных и снабжением армии. В этих обстоятельствах активно проявляло себя местное самоуправление. На традиционных сельских сходах, кроме выбора должностных лиц, решались вопросы, связанные с военными событиями. Постановления данных сходов, будучи ценным делопроизводственным источником, составили основу статьи.

Уже в первые месяцы войны жители Тонкошуровки внесли свой вклад в создание системы помощи фронту. В числе других немецких колоний они провели крупный сбор средств в размере 3 тыс. руб. [5, с. 78] В августе 1914 г. педагог Август Лонзингер выступил с инициативой открыть в Саратове лазарет для раненых воинов русской армии. К июню 1915 г. лазарет имени немецкого населения Саратовской и Самарской губерний принял более 350 пациентов [6, с. 32]. Старания местных жителей были оценены, император высочайше повелел благодарить колонистов Тонкошуровской волости за пожертвования на военные нужды, о чем министр внутренних дел сообщал самарскому губернатору [7, с. 54].

Пока одни жители Тонкошуровки участвовали в помощи фронту, другие становились участниками реальных боевых действий. Мобилизованные жители села достойно выполняли свой долг на фронтах как на западном театре действий, так и на Кавказе [8]. На западе они участвовали в декабре 1914 г. в Перемышльской осаде, в июле 1915 г. — в Люблин-Холмской операции, на Кавказе были задействованы в инженерно-строительных и рабочих дружинах, участвовали в боях у хребта Мизрах-даг в июле 1915 г., под Эрзерумом в январе 1916 г.

Жизнь в тылу требовала напряжения сил. Призыв мужского населения в армию обернулся нехваткой рабочих рук в сельском хозяйстве. В марте 1915 г. на тонкошуровском сельском сходе обсуждался вопрос о выделении некоторым семьям ссуды на обсеменение яровых полей. Такая поддержка была необходима из-за неурожая хлеба в 1914 г. и призыва глав семейств на службу в рамках мобилизации. Запаса хлеба и капитала у общества имелось в достатке, поэтому правительственной помощи не потребовалось [9, л. 21 об. — 22]. В августе 1916 г. обществом было принято решение целиком сдавать в аренду луга, находящиеся в отдалении от села, а не делить луговую траву по душам. Связано это было с тем, что хозяева, находящиеся на военной службе, не могли воспользоваться своей землей и вынуждены были сдавать ее за бесценок. Отсутствие же разделения позволяло за счет выручки приобрести общественный катафалк [10, л. 49—49 об.].

В целом положение семей мобилизованных оставалось стабильным. Этот факт констатировался обществом, которое в июле 1915 г. на сельском сходе заявляло, что семейства призванных на военную службу в материальной помощи не нуждаются [9, л. 36—36 об.]. Однако каждая отдельно взятая семья испытала влияние мобилизационных кампаний. В феврале 1916 г. кандидат в сельские старосты Я. П. Зайц обратился к сельскому сходу с просьбой освободить его от занимаемой должности. Это решение было связано с тем, что его сын подлежал переосвидетельствованию как белобилетник и после лишения прежнего статуса мог быть призван на военную службу, а отец, не имея других работников в хозяйстве, должен был приложить все свои силы, чтобы избежать разорения. Сельский сход удовлетворил просьбу [10, л. 29—29 об.].

Кроме того, война отразилась на расходной части сельского бюджета. Так, общество выделяло деньги на обеспечение воинской повинности местного населения. Каждому новобранцу при поступлении на военную службу выдавалось пособие в размере 15 руб., а ратникам ополчения, поступающим на службу по мобилизации, — в размере 5 руб. [9, л. 70] Выделялись деньги на перевозку мобилизованных запасных нижних чинов и ратников до уездного города Новоузенска, а также на урегулирование своих хозяйств [9, л. 13 об, 14 об; 10, л. 71 об.]. Как видно, меры социальной поддержки семей военнослужащих занимали значительное место в повестке дня.

Наряду с этим жители Тонкошуровки участвовали и в благотворительных мероприятиях. В 1915 г. в пользу пострадавших от боевых действий и сирот воинов, павших на войне, было пожертвовано в общей сложности 45 руб. [9, л. 18—18 об., 38—38 об.; 10, л. 19] В это время во главе одной из крупных благотворительных организаций — Комитета для оказания временной помощи пострадавшим от военных действий — стояла великая княжна Татьяна Николаевна. В январе 1916 г. «в целях ознаменования дня тезоименитства августейшей председательницы» и по предписанию местного земского начальника жителями Тонкошуровки были сделаны ассигнования в размере 50 руб. из свободных мирских сумм [10, л. 1 об.—2]. Другой крупной благотворительной организацией являлся Скобелевский комитет. По предложению его уполномоченного местные жители ассигновали деньги, которые должны были направить «на передовые позиции для раз-

дачи нижним чинам подарков издания Скобелевского комитета» [10, л. 45 об.—46]. В ноябре 1916 г. общество положительно откликнулось на предложение волостного старшины ассигновать деньги на покупку подарков воинам действующей армии: «...принимая во внимание, что население и раньше весьма сочувственно относилось к подобного рода призывам, каковое отношение и в будущем прервать не следует, тем более чтобы порадовать наших доблестных воинов подарками к предстоящему празднику Рождества Христова» [10, л. 64—64 об.]. Тогда же общество выделило 10 руб., для того чтобы создать особый фонд в целях подготовки увечных воинов к трудовой деятельности [10, л. 69—69 об.].

Средства выделялись для разных категорий пострадавших от военных действий. В частности, в мае 1916 г. для перевозки беженцев со станции Урбах и найма перевозчиков потребовалось сначала 686 руб., а затем еще 161 руб., которые предполагалось взыскать с местного населения [10, л. 40—41 об.]. В селе устроили торги, в них участвовали жители Тонкошуровки, желающие получить возможность перевозить приехавших. Кроме того, местные немцы сделали пожертвования в пользу беженцев [11, л. 9, 23—23 об., 26—26 об., 49—50 об.].

Пребывание в Тонкошуровке беженцев и военнопленных заслуживает отдельного рассмотрения. Миграция населения, вызванная Первой мировой войной, также достигла немецкого Поволжья и в 1915 г. приобрела масштабный характер, что было связано с так называемым великим отступлением русских войск, оставивших Галицию, Польшу и Литву. Под беженцами следует понимать переселенцев из западных губерний, добровольно уходивших с прежних мест ввиду угрозы наступления врага. Летом 1915 г. беженцы стали массово прибывать в Самарскую губернию, и в дальнейшем их приток продолжался. Тонкошуровка приняла три группы вынужденных мигрантов: беженцев, депортированных и военнопленных. Большая партия беженцев прибыла в село, по всей видимости, в мае-июле 1916 г. В мае председатели местных комитетов Всероссийского земского союза планировали распределить в Тонкошуровку 136 беженцев, что составляло самый высокий показатель по волости [11, л. 53—59].

Неудачи на фронте усиливали шпионманию в тылу, и другая часть жителей подверглась принудительному выселению, так как были признаны политически неблагонадежными, — речь шла о немцах и евреях. Как отмечает Д. Г. Решетов, при размещении выселенных из западных губерний колонистов «немецкий фактор» с течением времени стал учитываться довольно часто, т. е. прибывших размещали по возможности в поволжских колониях, а не в русских селениях [12, с. 186].

В документах беженцев и депортированных часто учитывали вместе, хотя на деле это были разные категории населения. Кроме того, списки для их учета разрознены, что затрудняет изучение данного вопроса. Вынужденных мигрантов разных национальностей (поляки, русские, немцы) часто фиксировали вместе. Так, в списке выселенных из западных губерний, составленном в Тонкошуровке в июне 1916 г., фигурируют разные по национальной принадлежности фамилии, такие как Бак, Виттерман, Галко, Дацик, Козел, Парфеев, Шиллер, Юрьковский и т. д. [11, л. 35—41] Из-за хаотичности данных установить точную численность мигрантов Первой мировой войны, попавших в Тонкошуровку, затруднительно. Некоторый свет на этот вопрос проливает список беженцев из районов военных действий, проживающих в Тонкошуровке, составленный в июле 1916 г. В него включены 114 лиц, прибывших в Тонкошуровку через Астрахань [11, л. 83—88 об.]. К этому списку приложены списки немцев-колонистов, высланных из районов боевых действий. В апреле-сентябре 1916 г. в селе водворилось восемь семей (43 человека) немцев-колонистов, депортированных из прифронтовой зоны. Они прибыли через Симбирск, Астрахань, Астраханскую

и Казанскую губернии и село Розовое Новоузенского уезда Самарской губернии [11, л. 81 об.—82, 91 об.—95].

Для полноты картины следует привести данные Д. Г. Решетова. Отмечая факт, что между прибывшими немцами и жителями поволжских колоний отсутствовал языковой барьер, исследователь указывает на наличие религиозных различий. По подсчетам историка, произведенным на основании документов из фондов Государственного исторического архива немцев Поволжья, в католическую Тонкошуровку прибыло 89 переселенцев лютеранского вероисповедания [12, с. 187].

Откуда же были эти переселенцы? Как показывают исследования архивных документов, беженцы ненецкого происхождения являлись выходцами из Маковского уезда Ломжинской губернии, г. Луцка и Ковельского уезда Волынской губернии, Кобринского уезда Гродненской губернии. Выселенные же из Привислинского края немцы были жителями Островского уезда Ломжинской губернии, Волковышского и Мариампольского уездов Сувалкской губернии, Цехановского уезда Плоцкой губернии, т. е. из северных и северо-восточных населенных пунктов края. В Тонкошуровку депортированные немцы направлялись через Саратов и Ставрополь Самарской губернии. Кроме того, в селе размещали и немцев-переселенцев с территорий, которые не входили в состав Привислинского края, в частности из Луцкого и Житомирского уездов Волынской губернии [11, л. 2 об.—8, 29, 32, 35—39, 41 об.]. Таким образом, в Заволжье оказались люди, выселенные не только из Привислинского края, но и с более восточных территорий.

Прибытие переселенцев поставило перед жителями Тонкошуровки вопрос об их размещении и трудоустройстве. Для беженцев отвели помещения церковной школы, в которой занятия временно не проводились [2, с. 323]. Школьные здания предписывалось охранять караулом «для наблюдения за порядком». Местный комитет Всероссийского земского союза должен был приготовить изоляционное помещение для больных и заботиться об обеспечении беженцев продовольствием [11, л. 53].

Как было оговорено уездной управой, беженцы, при наличии желающих взять их на содержание, размещались в хозяйствах данных лиц. За это сельские жители получали «плату, выдаваемую беженцам на продовольствие» и могли «использовать труд последних на условиях добровольного соглашения». Если же сельских хозяев данные условия не устраивали, предполагалось разместить прибывающих казарменным способом [11, л. 22—22 об.].

Помещения для беженцев сдавали и частные лица. 3 июля 1916 г. сельский сход Тонкошуровки проголосовал за то, чтобы нанять свободные помещения под квартиры для беженцев. Устанавливались условия: цены согласовывались с владельцем квартиры, за квартирную плату отвечал местный комитет, за состояние жилища — само общество. В июле 1916 г. Лоренц Зульцбах, Петр Кольбек и Петр Вольф сдали сельскому обществу в аренду помещения для беженцев за 5-6 руб. в месяц, плату они должны были получать от местного комитета Всероссийского земского союза. Всего в наем было сдано шесть жилых построек [11, л. 43, 51, 56, 61 об., 63].

Кроме беженцев и высланных немцев Тонкошуровка приняла еще и военнопленных. В 1916 г. в селе состояли на работах восемь пленнх. Сельские хозяева, имевшие их в своем распоряжении, должны были платить деньги, внося их сельскому старосте. За неаккуратный платеж пленные могли быть переданы другим хозяевам, нуждающимся в рабочих руках [13, л. 14—16].

Пленнх контролировали государственные органы и органы военного управления. Наблюдение за данной группой лиц имело особое значение в условиях военного времени. В феврале 1916 г. в тонкошуровское волостное правление от командующего войсками военного округа поступило рас-

поряжение «установить строгий надзор за всеми отпущенными на работы пленными» и отобрать «от частных лиц и предпринимателей тех военнопленных, которые находятся не на сельскохозяйственных работах» [11, л. 16—16 об.]. Распоряжение было связано с прецедентами, когда пленные без наблюдения военного начальства свободно, без всякого надзора, разгуливали по улицам. В октябре 1917 г. сельским комитетам Новоузенского уезда поступило для исполнения новое распоряжение: «установить строгое наблюдение за книгами, которыми пользуются военнопленные». Причиной послужило получение сведений о том, что «среди военнопленных германцев распространяется особый псалтирь, являющийся руководством по части шпионажа» [11, л. 99].

Тонкошуровка приняла также скот, эвакуированный из прифронтовой зоны. Ценных сельскохозяйственных животных перемещали во внутренние губернии. Предполагалось, что жители Тонкошуровки возмут их на содержание. Присмотр за дойным скотом оплачивался молоком, за недойным — деньгами. Принять эвакуированный скот от 1 до 10 голов согласились 29 хозяев [11, л. 18—19, 24—24 об.]. Процесс водворения скота на новом месте контролировался участковым агрономом уездного земства.

Несмотря на перипетии военного времени, жизнь крестьянства шла своим чередом. Продолжалась реализация столыпинской аграрной реформы, что нашло отражение в приговорах сельского схода. Так, в июле 1915 г. речь шла об окончании землемерных работ и переходе общества к отрубному землепользованию [14, л. 40]. В 1916 г. жители Тонкошуровки обсуждали уже последствия выхода на отруба: некоторые домохозяева получили неудобные участки с деревьями и кустарниками, мешающими проезду [10, л. 44 об.]. Уделялось внимание и вопросам образования: в ноябре 1915 г. жители одобрили предложение уездной земской управы открыть в Тонкошуровке высшее начальное училище. Кроме того, сход постановил взыскать деньги на постройку здания для училища с сельчан [9, л. 48—48 об.]. В 1916 г. были собраны деньги для создания фондов на открытие высшего начального училища и прогимназии [15, л. 2]. Все это позволяет судить о стабильном состоянии колонии, жители которой могли заботиться не только о насущных вещах, связанных с военными обстоятельствами, но и о делах просвещения.

И все же затяжной характер войны подчинял повседневность немцев Тонкошуровки нуждам фронта. Новым материальным бременем стало введение Министерством земледелия в декабре 1916 г. продовольственной разверстки, что было вызвано разразившимся в стране продовольственным кризисом. Между населением «разверстывалось» количество хлеба, взимаемого на нужды армии. В январе 1917 г. выборным от общества необходимо было создать комитет по поставке в действующую армию рогатого скота [15, л. 5—6, 16—16 об.]. Таким образом, население несло на своих плечах еще и заботы по снабжению фронта.

8 марта 1917 г. после событий Февральской революции общее собрание граждан Тонкошуровки, «заслушав радостные события государственного переворота нашей дорогой родины России», постановило «примкнуть к новому строю, о чем довести до сведения Государственной Думы, к составу министров, комиссару Новоузенского уезда и выразить свою искреннюю и сердечную благодарность всем борцам за свободную Россию, нашу дорогую родину» [15, л. 30 об.]. Начался иной этап в судьбе немецкого села, и перед жителями встали новые задачи и проблемы, диктуемые революционными временами.

Итак, Первая мировая война, будучи огромным испытанием для всей страны, отразилась и на жизни немецкой колонии села Тонкошуровка. Август 1914 г. внес в жизнь колонии важные коррективы. В этих условиях село сыграло свою роль в качестве источника людских и материальных ре-

сурсов для русской армии, а также стало принимающей стороной для разных категорий населения, мигрирующего в условиях войны. Жители Тонкошуровки включились в борьбу с врагом: одни — непосредственно на фронтах, другие — в тылу, оказывая материальную поддержку сражающимся и пострадавшим от боевых действий. Важной частью общественной жизни колонии стала благотворительная деятельность. При этом помощь была адресована не только членам своего микросоциума — семьям военнослужащих, но и сторонним людям — беженцам из западных губерний страны. Участие жителей в благотворительных практиках свидетельствовало об их готовности помочь государству в решении ключевых социальных проблем военного времени. Таким образом, немцы Тонкошуровки продемонстрировали не только лояльность, но и патриотические настроения, сопричастность села к судьбе огромной страны, переживающей военное лихолетье.

Список источников

1. Решетов Д. Г. Влияние Первой мировой войны на социально-экономическое развитие немецких колоний Нижнего Поволжья : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов : Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, 2006. 22 с.
2. Лиценбергер О. А. Мариенталь // История немецких поселений Поволжья. Ч. 3 : Католики / под ред. И. Р. Плеве. Саратов : СГТУ, 2015. С. 314—337.
3. Журналы Новоузенского уездного земского собрания чрезвычайных сессий: 12 апреля и 19 августа и 50-й очередной сессии 22—27-го ноября 1914 года и доклады Новоузенской уездной земской управы с приложениями. Новоузенск : Типография Общества трудовой помощи, 1915. 430 с.
4. Вестник Новоузенского земства. 1915. № 1—2. 238 с.
5. Воронезцев А. В. Немецкие колонисты в Поволжье в годы Первой мировой войны (на материалах Саратовской и Самарской губерний) // Немцы России: социально-экономическое и духовное развитие (1871—1941) : материалы 8-й международной научной конференции (Москва, 13—16 октября 2001 г.). М. : МДЦ Холдинг, 2002. С. 71—94.
6. Морозова Н. В., Назарова Т. В. Помощь немецких колонистов фронту в годы Первой мировой войны (по материалам Государственного архива Волгоградской области) // Вестник ВолГУ. Сер. 9: Исследования молодых ученых. 2014. № 12. С. 30—34.
7. Решетов Д. Г. Помощь немецких колоний Нижнего Поволжья фронту в годы Первой мировой войны // Немцы России и СССР. 1901—1941 : материалы международной научной конференции (Москва, 17—19 сентября 1999 г.) М. : Готика, 2000. С. 52—62.
8. Поиск героев войны // Памяти героев Великой войны 1914—1918 годов : портал / Министерство обороны Российской Федерации. URL: https://gwar.mil.ru/heroes/?birth_place=Тонкошуровка&groups=awd:ptr:frc:cmd:prs&types=awd_nagrady:awd_kart:potery_doneseniya_o_poteryah:potery_gospitali:potery_spiski_zahoroneniya:potery_voennoplen:frc_list:cmd_commander:prs_person&page=3 (дата обращения: 04.05.2024).
9. Государственный исторический архив немцев Поволжья (ГИАНП). Ф. 107. Оп. 1. Д. 45.
10. ГИАНП. Ф. 107. Оп. 1. Д. 53.
11. ГИАНП. Ф. 107. Оп. 1. Д. 42.
12. Решетов Д. Г. Немецкие колонисты западных губерний России, депортированные в Поволжье в годы Первой мировой войны // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект : материалы международной научной конференции (Анапа, 26—30 сентября 1997 г.). М. : Готика, 1998. С. 184—195.
13. ГИАНП. Ф. 107. Оп. 1. Д. 51.
14. ГИАНП. Ф. 107. Оп. 1. Д. 41.
15. ГИАНП. Ф. Р-1389. Оп. 2. Д. 441.

References

1. Reshetov D.G. Vliyanie Pervoy mirovoy voyny na sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie nemetskiikh koloniy Nizhnego Povolzh'ya [Impact of World War I on the Socio-Economic Development of the German Colonies of the Lower Volga Region], cand. hist. sci. diss. abstr. Saratov, Saratovskiy gosudarstvennyy universitet im. N.G. Chernyshevskogo, 2006, 22 p.

2. Litsenberger O.A. Mariental' [Marienthal], *Istoriya nemetskikh poseleniy Povolzh'ya, part. 3, Katoliki [History of German Settlements of the Volga Region. Chapter. 3: Catholics]*. Saratov, SGTU, 2015, pp. 314-337.
3. Zhurnaly Novouzenskogo uezdnoy zemskoy sobraniya chrezvychaynykh sessiy: 12 aprelya i 19 avgusta i 50-y ocherednoy sessii 22-27-go noyabrya 1914 goda i doklady Novouzenskoy uezdnoy zemskoy upravy s prilozheniyami [Journals of the Novouzensk District Zemstvo Assembly of Extraordinary Sessions: April 12 and August 19 and the 50th Regular Session of November 22-27, 1914 and Reports of the Novouzensk District Zemstvo with appendices]. Novouzensk, Tipografiya Obshchestva trudovoy pomoshchi, 1915, 430 p.
4. *Vestnik Novouzenskogo zemstvo [Bulletin of Novouzensk Zemstvo]*, 1915, no. 1-2, 238 p.
5. Voronezhstev A.V. Nemetskie kolonisty v Povolzh'e v gody Pervoy mirovoy voyny (na materialakh Saratovskoy i Samarskoy guberniy) [German Colonists in the Volga Region during the First World War (on the materials of Saratov and Samara provinces)], *Nemtsy Rossii: sotsial'no-ekonomicheskoe i dukhovnoe razvitiye (1871-1941) [Germans of Russia: Socio-Economic and Spiritual Development (1871-1941)]*, materialy 8-y mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Moscow, 13-16 October 2001). Moscow, MDTs Kholding, 2002, pp. 71-94.
6. Morozova N.V., Nazarova T.V. Pomoshch' nemetskikh kolo-nistov frontu v gody Pervoy mirovoy voyny (po materialam Gosudarstvennogo arkhiva Volgogradskoy oblasti) [Assistance of German Colonists to the Front during the First World War (on the materials of the State Archive of Volgograd region)], *Vestnik VolGU. Ser. 9: Issledovaniya molodykh uchenykh [Bulletin of Volgograd State University. Ser. 9: Studies of young scholars]*, 2014, no. 12, pp. 30-34.
7. Reshetov D.G. Pomoshch' nemetskikh koloniy Nizhnego Povolzh'ya frontu v gody Pervoy mirovoy voyny [Assistance of German Colonies of the Lower Volga Region to the Front during the First World War], *Nemtsy Rossii i SSSR. 1901-1941 [Germans of Russia and the USSR. 1901-1941]*, materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Moscow, 17-19 September, 1999). Moscow, Gotika, 2000, pp. 52-62.
8. Poisk geroev voyny [Search for War Heroes], *Pamyati geroev Velikoy voyny 1914–1918 godov [In Memory of the Heroes of the Great War of 1914-1918]*. Available at: https://gwar.mil.ru/heroes/?birth_place=Tonkoshurovka&groups=awd:ptr:fr:cmd:prs&types=awd_nagrady:awd_kart:potery_doneseniya_o_poteryah:potery_gospitali:potery_spiski_zahoroneniya:potery_voennoplen:fr:cmd:prs_person&page=3 (accessed: 04.05.2024).
9. *Gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv nemtsev Povolzh'ya (GIANP) [State Historical Archive of the Volga Region Germans (GIANP)]*, coll. 107, aids. 1, fol. 45.
10. *GIANP*, coll. 107, aids. 1, fol. 53.
11. *GIANP*, coll. 107, aids. 1, fol. 42.
12. Reshetov D.G. Nemetskie kolonisty zapadnykh guberniy Rossii, deportirovannye v Povolzh'e v gody Pervoy mirovoy voyny [German Colonists of the Western Provinces of Russia Deported to the Volga Region during the First World War], *Migratsionnye protsessy sredi rossiyskikh nemtsev: istoricheskiy aspekt [Migration processes among Russian Germans: historical aspect]*, materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Anapa, 26-30 September, 1997). Moscow, Gotika, 1998, pp. 184-195.
13. *GIANP*, coll. 107, aids. 1, fol. 51.
14. *GIANP*, coll. 107, aids. 1, fol. 41.
15. *GIANP*, coll. R-1389, aids. 2, fol. 441.

Информация об авторе

Масленникова Ангелина Алексеевна — студент, Институт истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, Саратов, Российская Федерация. E-mail: lina.maslennikova@list.ru

Information about the author

Angelina A. Maslennikova — student, Institute of History and International Relations of N.G. Chernyshevsky Saratov National Research State University, Saratov, Russian Federation. E-mail: lina.maslennikova@list.ru

Статья поступила в редакцию 02.06.2024; одобрена после рецензирования 26.06.2024; принята к публикации 01.07.2024.

The article was submitted 02.06.2024; approved after reviewing 26.06.2024; accepted for publication 01.07.2024.

СОХРАНЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

PRESERVING HISTORICAL MEMORY

Сибирь гуманитарная. 2024. № 3. С. 93—113.
Siberia Humanitarian. 2024;(3):93—113.

Сохранение исторической памяти

Научная статья
УДК 94(47+57)"1853/1856":725.945.1(415)
<https://doi.org/10.32324/2949-1568-2024-3-93-113>

Ирландские мемориалы Крымской войны

Анна Сергеевна Быкова

Независимый исследователь, Грейстоунз, Ирландия, abykovaireland@gmail.com

Аннотация. В статье описан ирландский опыт сохранения памяти о Крымской войне 1853—1856 гг., воплощенной в мемориалах — городских памятниках, трофейных орудиях, названиях, витражах в церквях, мемориальных досках и надгробиях. Пример Ирландии интересен с точки зрения сохранения и восприятия исторической и культурной памяти в бывшей колонии Британской империи. Ирландские воинские части принимали участие в заморских кампаниях империи и несли большие потери. В статье также акцентируется внимание на фактах уничтожения воинских мемориалов Северной Ирландии, связанных с напоминанием о Британском владычестве.

Ключевые слова: Крымская война 1853—1856, Ирландия, мемориализация, историческая память, культурная память

Благодарности: Автор выражает искреннюю признательность людям, которые откликнулись на просьбу помочь с фотографированием объектов в разных городах Ирландии для иллюстраций к данной статье: Ирине Дерновой, Юрию Птицыну, Марии Стуке, Елене Тарасенко, Сергею Удальцову, Ольге Шаповаловой, а также Gateway to Ireland. Остальные фотографии сделаны автором статьи.

Для цитирования: Быкова А. С. Ирландские мемориалы Крымской войны // Сибирь гуманитарная. 2024. № 3. С. 93—113. <https://doi.org/10.32324/2949-1568-2024-3-93-113>

Preserving historical memory

Original article

Irish memorials of the Crimean War

Anna S. Bykova

Independent researcher, Greystones, Ireland, abykovaireland@gmail.com

Abstract. The article describes the Irish experience of preserving the memory of the Crimean War of 1853—1856, embodied in memorials — city monuments, trophy cannons, names, stained glass windows in churches, plaques and gravestones. The example of Ire-

land is interesting in terms of the preservation and perception of historical and cultural memory in the former colony of the British Empire. Irish military units took part in the Empire's overseas campaigns and suffered heavy losses. The article also focuses on the facts of destruction of war memorials in Northern Ireland associated with the remembrance of the British rule.

Keywords: Crimean War 1853—1856, Ireland, memorialization, historical memory, cultural memory

Acknowledgments: The author expresses his sincere gratitude to the people who helped with photographing objects in different cities of Ireland to illustrate the article: Irina Der-nova, Yuri Ptitsyn, Maria Stuka, Elena Tarasenko, Sergey Udaltsov, Olga Shapovalova, as well as Gateway to Ireland. The author of the article took the rest of the photos.

For citation: Bykova A.S. Irish Memorials of the Crimean War. *Siberia Humanitarian*. 2024;(3):93—113. (In Russ.). <https://doi.org/10.32324/2949-1568-2024-3-93-113>

Статья посвящена описанию мемориалов Крымской войны в Ирландии — сохранившихся городских памятников, трофейных пушек на площадях и в парках, названий улиц и домов, витражей в церквях, мемориальных досок и надгробий. Опыт сохранения памяти в Ирландии о Крымской войне интересен как опыт бывшей колонии Британской империи, чьи представители участвовали в этой кампании и понесли большие потери.

Исследователи утверждают, что около трети британских войск, принимавших участие в Крымской войне, были укомплектованы ирландцами. Дэвид Мерфи, лектор исторического факультета Майнутаского университета (Ирландия), оценивает численность ирландских солдат в Крымской кампании более чем в 37 тыс. человек [1, р. 22]. В Крым были отправлены пять ирландских полков: 4-й Королевский ирландский драгунский гвардейский, 6-й Иннискиллинский драгунский, 8-й Королевский ирландский гусарский, 18-й Королевский ирландский и 88-й пехотный полк — Коннахтские рейнджеры. Уроженцы Ирландии служили и в других подразделениях, а также в военно-морском флоте и военной полиции. В составе отдельных полков британской армии до 20 % офицерского контингента составляли ирландцы [2, р. 72].

Также отмечено участие в этой войне гражданских лиц, врачей, священников, инженеров, транспортных рабочих, обслуживающего персонала, жен, сестер милосердия и др. Ирландский католический орден послал своих сестер милосердия¹ ухаживать за ранеными в Крыму. С октября 1855 по апрель 1856 г. они работали в Скутари и Кулали под руководством матери Фрэнсис Бриджмен, отвечали за полевой госпиталь в Балаклаве. Управляемый монахинями госпиталь был не менее успешен в лечении больных и раненых, чем госпиталь Флоренс Найтингейл, но его работа не получила такого освещения в газетах, литературе и кинематографе. Отношение Найтингейл к ирландским сестрам было окрашено расизмом [3, р. xxiii]. Британцы не доверяли ирландским католикам, сестрам было строго запрещено обсуждать религиозные вопросы с пациентами не их веры. Деятельность сестер имела и политическое значение: ее признание могло способствовать улучшению положения католиков в Британской империи. Крымская война стала важным моментом и в истории армейских капелланов, которые впервые с 1790-х гг. получили официальный статус [1, р. 129]. Как пишет Мария Ладди, почетный профессор современной ирландской истории Уорикского университета и член Королевского исторического общества, «напряженность между католическими и протестантскими священниками существовала на протяжении всего периода войны, каждая группа жаловалась, плела интриги и строила заговоры против другой» [3, р. xix]. Ирландские газеты не посылали своих корреспондентов на театр военных действий,

¹ Сестры милосердия (the Sisters of Mercy) — международная католическая религиозная конгрегация для женщин, основанная в 1831 г. в Дублине Кэтрин Маколи. Призвана служить тем, кто страдает от бедности, болезней и отсутствия образования, уделяя особое внимание женщинам и детям.

зато с удовольствием перепечатывали материалы, написанные журналистами для британских газет. Самыми известными военными корреспондентами того времени стали уроженцы Ирландии Вильям Говард Рассел и Эдвин Лоуренс Годкин.

Ирландия понесла значительные потери в ходе кампании. Дэвид Мерфи оценивает их в 7 тыс. убитыми среди военных и моряков [2, р. 79]. Надо отметить, что эти значительные потери произошли на фоне голода на острове, который, как считается, унес миллион жизней и послужил причиной эмиграции еще миллиона жителей. Ощутимое уменьшение населения, увеличивающееся количество вдов и сирот не могли не сказаться на обществе.

Говоря о мемориализации Крымской войны, отметим, что в Ирландии не существует общенационального монумента. Мемориализация происходила на локальном уровне. Идея национального монумента для Дублина возникла после проведения в честь ветеранов Крымской войны дублинского Крымского банкета 22 октября 1856 г., на ее реализацию предлагали потратить оставшиеся в фонде после покрытия расходов на банкет 1 002 фунта стерлингов 10 шиллингов, но она так и не получила развития. Оставшиеся деньги были потрачены более практичным и социально значимым образом: их вложили в новые трехпроцентные акции, ежегодный доход от которых использовался для поощрения достойных воспитанников Королевского ирландского военного училища (The Royal Hibernian Military School) [4, р. 166], в котором обучались осиротевшие дети военнослужащих британской армии.

Мода на установку памятников и монументов, посвященным военным событиям, пришла в Ирландию позже, чем в Великобританию. Можно говорить всего о четырех городских памятниках (в узком смысле слова) на острове Ирландия, связанных с памятью о Крымской войне, причем один из них уничтожен в 1930 г.

Самым запоминающимся можно назвать двойной монумент в г. Трали, графство Керри, установленный в память о жителях графства Керри, отдавших свои жизни в Крымской войне и войнах в Индии и Китае (рис. 1). Он представляет собой два каменных постамента с трофейными русскими орудиями на них. 30-фунтовые орудия лежат на стандартных железных лафетах, вмонтированных в постаменты. Установлены они по сторонам парадной лестницы здания суда г. Трали. Постаменты созданы английским архитектором Джорджем Халламом. Халлам был одним из семи участников, представивших проекты мемориала, приз был присужден не ему, а ирландцу Джеймсу Франклину Фуллеру, чей проект 80-футовой колонны впоследствии был отклонен как слишком дорогой и сложный для установки [5]. На передней части левого постамента — надпись «Крым», на правом — «Индия». На задней стороне обоих постаментов имеется одинаковая надпись: «В память о мужчинах Керри, которые пали на службе своей стране в войнах в России, Индии и Китае с 1854 по 1860 г. Этот памятник воздвигнут их земляками». Постаменты украшены скульптурами и табличками с именами 124 павших с указанием их званий и подразделений. Мемориал находится на месте изначальной установки и сохранил свой внешний вид, только золотой цвет орудий был заменен на черный. В 2011 г. из жерла одной из пушек были извлечены пять палочек гелигнита, детонатор и взрыватель, пролежавшие там около 20 лет после неудачной попытки уничтожить пушки. Как сообщалось в газетах, люди, знавшие о наличии гелигнита, решили известить власти из соображений безопасности [6].

Рис. 1. Военный мемориал перед зданием суда в г. Трали, графство Керри (фотография С. Удальцова)
War memorial in front of the courthouse in Tralee, County Kerry (photo by S. Udaltsov)

В конце 1857 г. на мосту Сарсфилд (в то время мост Уэлсли) в г. Лимерик был торжественно открыт памятник виконту Фитцгibbonу. Доска на памятнике провозглашала: «В память о храбрости виконта Фитцгibbonа из 8-го Королевского ирландского гусарского полка и его доблестных соратников — уроженцев графства и города Лимерик, доблестно павших в Крымской войне». Внизу пьедестала была размещена бронзовая доска, изображавшая атаку легкой бригады на русские пушки, в центре — виконт на лошади с саблей в вытянутой руке. Выше на разных сторонах пьедестала под бронзовыми траурными венками были выгравированы названия мест, где состоялись крупнейшие сражения Крымской войны — Альма, Инкерман и Балаклава. Венчала пьедестал бронзовая статуя виконта работы уроженца Белфаста Патрика Макдоуэла. Историк архитектуры Джудит Хилл так описывает ее: «Это был лихой, идеализированный образ — стройная фигура, вытягивающая из ножен меч, — но реалистичная в деталях и со знакомым силуэтом...» [7, р. 113]. Идея такого памятника вызвала некоторый протест в Лимерике, подвергали сомнению увековечивание памяти молодого, малоизвестного человека, ничем не отличившегося и не совершившего никакого подвига. За лучшее в городе место под памятник боролись два комитета — комитет по памятнику виконту и комитет по созданию памятника Даниелу О'Коннеллу, т. е. две политические силы — «те, кто желал почтить ирландского солдата империи, и те, кто отдавал приоритет умеренному католическому национализму» [8, р. 404]. В итоге лучшее место было отдано под памятник О'Коннеллу, что Дж. Хилл понимает как заявку на власть и влияние ирландских католических националистов [7, р. 91]. С этим не согласен историк Тод Молони, который настаивает на том, что политическая составляющая разделения была не так очевидна [8, р. 405]. Статуя виконта простояла на мосту 73 года, 10 июня 1930 г., на восьмом году существования Ирландского Свободного государства, ее взорвали неизвестные, никакая политическая группа не взяла на себя ответственность. Статуя была полностью разрушена, а пьедестал лишь слегка поврежден, в последующем его использовали под памятник Пасхальному восстанию 1916 г. Бронзовая доска со скачущим виконтом уцелела, ее передали городскому музею Лимерика (Limerick museum).

Военный мемориал был утрачен не только в Лимерике, в центре г. Голвея был демонстративно свергнут памятник лорду Дункеллину. Лорд Дункеллин был крупным землевладельцем в графстве Голвей, представлял его в парламенте, участвовал в Крымской войне и служил послом в Констан-

тинополе. Он был захвачен в плен под Севастополем и освобожден после уплаты крупного выкупа [9, р. 141]. Статуя Дункеллина была установлена в 1873 г. на собранные общественностью деньги, скульптором выбрали Джона Генри Фоли, известного уроженца Ирландии, работавшего в основном в Лондоне. Исследователи довольно ехидно отзываются об этой работе скульптора: «Используя фотографию в качестве источника для своего сюжета, он [Фоли — А. Б.] не помог репутации Дункеллина, изобразив его как человека с высокомерным видом, который непринужденно стоит, скрестив руки на груди, в утреннем наряде» [7, р. 113]. Хотя в надписи на памятнике нет упоминания Крымской войны, важно отметить, что по бокам от статуи стояли трофейные русские 36-фунтовые орудия, доставленные в Голвей в 1857 г., раньше, чем был установлен памятник. Ответ на вопрос, как к ним относились местные жители, содержится в статье Тимоти Коллинза

для журнала Археологического и исторического общества Голвея: статуя и пушка стали героями детской загадки. На вопрос: «Что у них общего?» — следовал радостный ответ: «Они оба закончили убивать!» [9]. Дункеллин был весьма непопулярным землевладельцем в регионе. После подписания англо-ирландского договора в 1922 г. радостная толпа снесла 2,5-метровую статую, протащила ее по улице и сбросила в реку. Когда через некоторое время ее попытались выловить, чтобы использовать для переплавки, статую в реке не нашли. Постамент сохранился, его использовали позже как основу для кельтского креста в память о погибших в войне за независимость Ирландии [9, р. 142]. Орудия оставались на своем месте до 1963 г., когда были перемещены из-за реконструкции площади.

Интересный памятник жителям Вексфорда, погибшим в Крымской войне, построили в Феррикэрриг (Ferryarrig) в графстве Вексфорд (рис. 2). Воспроизводящий форму старинных ирландских круглых башен высотой 24,5 м и диаметром основания 3,5 м, он удачно расположен на берегу реки Слейни, где его хорошо видно из разных мест. Заложенный в октябре 1857 г. и открытый в июле 1858 г., он тем не менее воспринимается как раннехристианское сооружение, веками стоящее на своем месте. Надпись на мемориальной доске гласит: «Памяти офицеров, унтер-офицеров и людей графства Вексфорд, погибших в Крыму в войну с Россией 1854. '55.-'56». Дизайн башни приписывают скульптору и геодезисту Эдвину Томасу Уиллису из Вексфорда; первый камень в фундамент был заложен 8 октября 1857 г. 7-м герцогом Карлайлом, который в 1826 г. посещал Россию, сопровождая своего дядю, герцога Девонширского, чтобы присутствовать на коронации Николая I, и стал большим лю-

Рис. 2. Крымский монумент в Феррикэрриг, графство Вексфорд и мемориальная доска на нем
Crimean monument in Ferryarrig, County Wexford and plaque

бимцем в обществе Санкт-Петербурга. Место, на котором была возведена башня, ранее было каменным кольцом, построенным в 1169 г. одной из первых групп норманнов, пришедших в Ирландию [10, р. 59]. В фундаменте была закопана «капсула времени» — свинцовый футляр, содержащий экземпляр газеты с сообщением о торжественной церемонии закладки камня, список жертвователей на строительство, несколько монет того времени и пергаментный свиток с посвящением монументу, использованный в церемонии [10, р. 60]. В 2014 г., в 160-й год вступления Британской империи в Крымскую войну, были проведены серьезные работы по ремонту башни и ее консервации.

В Северной Ирландии в г. Монаган стоит обелиск в память о подполковнике Томасе Веси Доусоне из колдстримских гвардейцев, погибшем в Инкерманском сражении. Гранитный обелиск высотой 10 м имеет ступенчатое основание 0,6 м², у вершины выбиты названия городов Альма и Инкерман, у подножия — каменная доска с частично утраченной надписью: «Воздвигнут жителями графства Монаган в память о подполковнике достопочтенном Томасе Веси Доусоне, Колдстримские гвардейцы, который пал в битве при Инкермане 5 ноября 1854. Его останки лежат на чужом берегу. Но храбрые и добрые... (утраченная часть — А. Б.) сердцах своих соотечественников пока этот обелиск будет свидетельствовать потомкам». Поставлен братом покойного Ричардом Доусоном, 3-м бароном Креморном (впоследствии 1-м графом Дартри) по проекту ирландского архитектора Уильяма Джозефа Барре (William Joseph Barre)¹. У подножия стояли две трофейные русские пушки, которые исчезли в 1930-х гг., и их судьба неизвестна. Обелиск был немного поврежден при взрыве бомбы 17 мая 1974 г., одном из четырех взрывов в автомобилях в людных местах в час пик в Дублине и Монагане, ответственность за которые взял Добровольческий отряд Ольстера (Ulster Volunteer Force). Интенсивное дорожное движение вокруг памятника тоже наносит ему вред.

К памятникам Крымской войне в Ирландии можно отнести мемориальное дерево, посаженное около деревни Петтиго в графстве Донегол, расположенной на границе с Северной Ирландией². Каштан, на фотографиях выглядящий здоровым и раскидистым, огорожен невысоким металлическим забором на каменном фундаменте, около него помещена информационная табличка: «Дерево Крымской войны было посажено [В. Ф.] Бартоном, эскавайром и магистратом, из Клонелли, Петтиго, в ознаменование взятия Севастополя в 1856 г. Парапет был возведен его сыном Х. Бартоном, эскавайром и магистратом, в 1895 г. Эдвард Бартон и многие другие жители округа Петтиго участвовали в Крымской войне. После взятия Севастополя Крымская война практически подошла к концу. „В пятницу вечером, 21 сентября, маленький городок Петтиго испытывал необычное оживление и волнение. Вечер был отведен для ликования в честь взятия Севастополя. Подготовка была масштабной: [Ф. В.] Бартон, эскавайр из Клонелли, закупил в Дублине большую партию фейерверков. В 8 часов мистер Бартон в сопровождении своих гостей услышал салют из 21 орудия, за которым последовал самый роскошный фейерверк, который не опозорил бы и саму столицу. Свидетелями этого великолепного события стала толпа численностью около 2000 человек”». Несомненно, событие для деревни было настолько ярким и необычным, что о нем помнят и спустя 150 лет. В своем неофициальном качестве дерево служит хорошо узнаваемым знаком для водителей, около него ждут автобус или начала церковной службы, так как мимо него проходит дорога к четырем церквям города. Местные жители зовут его Большой куст (the Big Bush) и говорят, что он «посетил каж-

¹ Изначально дизайн предназначался для мемориала лорду Лондондерри.

² Граница проходит по реке, разделяющей деревню на две части, официально североирландская часть зовется Таллихммон, местные жители называют ее «Верхней улицей».

дое крещение, свадьбу и похороны, проводимые в Петтиго за последние полтора столетия» [11]. В 2000-х гг. один из местных жителей потребовал срубить дерево как опасное, но по обе стороны границы было собрано около двух тысяч подписей в его защиту.

Главными и самыми заметными мемориалами Крымской войне в Ирландии стали трофейные русские пушки, поставленные в публичных местах. После падения Севастополя союзники захватили порядка 4 тыс. различных орудий. Это были артиллерийские орудия, оборонявшие крепость, пушки для судов, а также старые и сломанные орудия. Трофеи были разделены между союзниками. Историк Пол Хадди указывает, что 1 166 орудий были увезены британскими войсками из Севастополя в Англию [12, р. 7]; историк Дэвид Мерфи называет цифру 964 [1, р. 220]. Часть железных орудий было решено раздать большим и малым городам Британской империи, в основном Великобритании и Ирландии, для увековечивания победы и сохранения памяти о погибших. Правительство хотело оправдаться перед общественностью за потери в Крымской кампании: выставляя тяжелые орудия в публичных местах, пытались показать, какому сильному врагу противостояли британские части и почему кампания заняла так много времени. Исследователи расходятся в оценке того, сколько всего орудий получил остров Ирландия. В Республике Ирландия Н. Сент Джон Хеннеси нашел 22, причем происхождение одного нельзя определить [13, р. 343]. П. Хадди называет цифру 31 [14, р. 79], Д. Мерфи — 25 (24 в Республике Ирландия и одно в Ньюри, Северная Ирландия) [1, р. 223]. Чтобы получить трофейные пушки, городской совет или городская корпорация должны были написать прошение в военное министерство. Город должен был подготовить подходящее публичное место для установки и в случае отсутствия оригинального лафета заказать подходящий из предложенных трех, обычно заказ выполнялся в арсенале Вулвича.

Сложно сказать, как именно проходило распределение по городам. Так, Дублин — главный и самый большой город Ирландии — получил шесть орудий, а Белфаст, второй по величине и значимости, не получил ни одного [14, р. 79]. По два орудия получили города Голвей, Корк, Лимерик, Вотерфорд, Трали и Монаган, что объясняется скорее всего тем, что около них базировались ирландские подразделения, принявшие участие в Крымской войне.

Во многих случаях, но не во всех, установка трофейных орудий сопровождалась торжественной церемонией, о которой писали газеты, и присутствовал кто-нибудь из ветеранов Русской кампании и видных военных. В Корке прошел парад, торжественные церемонии были организованы в ДанЛири, Голвее, Портлише, Бирре и Дерри (Лондондерри). В Каване, Карлоу и Вотерфорде запланированные праздничные мероприятия не состоялись по организационным причинам. В некоторых случаях, в том числе и в Дублине, установка прошла без какой-либо специальной церемонии, что, вероятно, было связано с затянувшейся подготовкой места для размещения или отсутствием подходящих лафетов.

Не все из трофеев сохранились или сохранили свое престижное место. Орудия, стоявшие когда-то у постаментов обелиска Т. В. Доусона в Монагане, пушки из Эннискиллена и Колрейна (Северная Ирландия) и Кавана исчезли, их судьба неизвестна. Скорее всего, были отданы на переплавку во время Второй мировой войны. Две пушки, помещенные изначально у памятника виконту Фитцгиббону в Лимерике, были перемещены на территорию Портового управления и недоступны для широкой публики. Также и дублинские орудия (четыре 36-фунтовых железных артиллерийских орудия и две мортиры), установленные изначально вместе в городском парке, к 1930 г. стали мешать благоустройству города и были перевезены

к военным в казармы Коллинз¹, где хранились без надлежащего ухода в полном небрежении²; в 1997 г. их передали в действующие казармы Кахал Бруга, штаб-квартиру Сил обороны Ирландии, и доступа общественности к ним нет. В Голвее — городе, чья история связана с коннахтскими рейнджерами — две трофейные пушки простояли в центре города вплоть до середины XX в., когда из-за масштабной реконструкции площади в центре города были перемещены не в самое людное, но все-таки почетное место — на лужайку перед офисами городского совета. Корк, первый из ирландских городов, получивший трофеи и прошедший масштабные празднования их прибытия, утратил одну пушку, ее судьба неизвестна, второе орудие стоит в парке.

Рис. 3. Трофейная пушка, установленная на Восточном пирсе города ДанЛири, герб Российской империи и пояснительная табличка при ней
Trophy cannon mounted on the East Pier of Dunleary, coat of arms of the Russian Empire and explanatory plaque

16 фунтов [13, p. 335]. Сейчас орудие стоит на новом месте — на Восточном пирсе, его перенос был связан с проводимыми в XX в. дорожными работами, старый металлический лафет утрачен, его заменил деревянный. Пушка стоит на возвышении и, несомненно, является украшением города,

Небольшой портовый город Дан-Лири (в то время называвшийся Кингстаун в честь визита короля Георга IV) купил себе трофей за 16 фунтов, о чем сообщает современная пояснительная табличка около пушки (рис. 3.). Ему выделили длинное 24-фунтовое орудие. В газетах того времени ничего не сообщалось об уплаченной сумме, сообщали об удовлетворении просьбы лордом Панмуrom и необходимости подготовить для пушки лафет, для чего городской комиссии были высланы инструкции и рисунки трех используемых в России моделей на выбор [15—17], отливку лафета заказали Королевскому арсеналу в Вулвиче. Так как трофейные орудия не продавались, а именно передавались городам для установки в публичном месте, на наш взгляд, речь велась о плате за изготовление лафета. Косвенное подтверждение мы находим в архиве замка Бирр, где сохранилось письмо, датированное 27 июня 1856 (8?), в котором говорится о предоставлении орудия Бирру и трех вариантах лафетов, которые можно заказать в Королевском арсенале. Чугунный и деревянный корабельный лафеты стоили именно по

¹ Collins Barracks — бывшие военные казармы, с 1997 г. — часть Национального музея Ирландии.

² Подробнее об истории русских трофейных пушек в Дублине можно посмотреть в статье Huddie P. 'Removing some big guns': the story of Dublin's Crimean War trophy guns from 1857 to the present [12].

на ее боку хорошо виден герб Российской империи (на пояснительной табличке он не совсем корректно назван гербом Романовых) (см. рис. 3).

Н. Сент Джон Хеннесси из Военно-исторического общества Ирландии обследовал все известные трофейные русские орудия в Республике Ирландия, описал их характеристики и определил происхождение. Его статья, опубликованная в журнале Ирландского военно-исторического общества [13], является единственным каталогом русских орудий. Пушку в замке Бунратти в графстве Клэр он тоже склонен считать трофейным русским орудием, хотя признает, что она находится в таком плачевном состоянии, что идентификация невозможна [13, р. 335]. Так как нет никак документальных свидетельств происхождения данного орудия, нет сообщений о нем в газетах соответствующего периода, и попало оно в замок из частной коллекции, то мы не будем учитывать его в данном исследовании.

Орудия, доставленные в Арма, Лисбурн, Ньюри (города Северной Ирландии), Вотерфорд, Трим, Карлоу, Эннис, Коб, Бирр (города Республики Ирландия), продолжают стоять на своих местах. В Дерри (Лондондерри, Северная Ирландия) место расположения трофейной пушки было реконструировано в 2023 г. Действуя совместно, местный совет, общественные организации и церковь в результате не только «помогли защитить будущее пушки и лафета, но и превратили это место в гостеприимное пространство для местного сообщества и посетителей» [18]. Пушка, подаренная городу Портлиш (в те времена Мэриборо), после нескольких перемещений стала экспонатом в новом военном музее города Курраг (The Curragh Military Museum).

Мы видим, что большая часть орудий, попавших в Ирландию, сохранилась. Некоторые были перемещены в недоступные для публики места (Дублин, Лимерик) или отданы в военный музей. На наш взгляд, это свидетельствует об их восприятии как части военной истории Ирландии, той истории, когда Ирландия была частью Британской империи. Остальные орудия остались в парках, у замков, зданий судов или на набережных, ассоциируясь больше с украшением городов (рис. 4).

Рис. 4. Трофейные русские пушки: а — в Дерри (Лондондерри, Северная Ирландия; фотография М. Стукке); б — в Трим, графство Мит (фотография О. Шаповаловой); в — в Эннисе, графство Клэр (фотография Ю. Птицына)
 Trophy Russian cannons: а — in Derry (Londonderry, Northern Ireland; photo by M. Stuka); б — in Trim, County Meath (photo by O. Shapovalova); в — in Ennis, County Clare (photo by J. Pitsin)

Стоит обратить внимание и на такие нестандартные способы сохранения памяти о событиях, как мемориалы животным — ветеранам Крымской войны, которых на острове Ирландия мы знаем два, и оба посвящены ло-

шадям. В Дублине на стене одного из зданий бывших военных казарм, перестроенных в жилые апартаменты, висит каменная мемориальная доска в память о лошади по кличке Дикки Бёрд: «Рядом с этим местом лежат останки Дикки Бёрда Би-7, коня 5-го Гвардейского драгунского полка. Рожденный в 1850 г., вступил в полк в 1853 г. и прослужил всю Крымскую кампанию с мая 1854 г. по июнь 1856 г. Застрелен 21 ноября 1874 г. одним

Рис. 5. Подушечка для булавок из копыта Дикки Бёрда, Национальный музей Ирландии, Дублин
Dickie Bird hoofpin cushion, National Museum of Ireland, Dublin

из представителей конной гвардии, чтобы спасти его от продажи с аукциона» (рис. 5). Это была стандартная практика тех лет продавать с аукциона отслуживших лошадей, но гвардейцы не могли допустить, чтобы их талисман отдали в чужие руки, и их боевой товарищ пошел таскать телеги или на ферму. Дикки Бёрда похоронили с военными почестями. Кости были найдены при застройке района и переданы в Национальный музей [19], но сейчас скелета лошади нет в экспозиции. Зато в витрине с артефактами Крымской войны выставлено копыто передней ноги Дикки Бёрда, из которого сделали подушечку для булавок, украшенную серебряными накладками и памятной надписью.

Вторая табличка находится на главной площади города Кахир, графство Типперэри и посвящена Крымскому Бобу (Crimean Bob) — лошади 11-го Гусарского полка, прошедшей невредимой через Крымскую кампанию и умершей 9 ноября 1862 г. в казармах в возрасте 34 лет. Его запретили продавать с аукциона, когда он стал негоден к службе, остатки своих дней он провел в казарме и был похоронен с воинскими почестями. По сторонам таблички — названия городов, при которых произошли крупнейшие битвы: Альма, Балаклава, Инкерман, Севастополь. Этот мемориал является репликой оригинального и находится не на своем изначальном месте. Военные казармы сожгли в годы гражданской войны, а найденную спустя пару десятилетий при дорожных работах табличку увезли в Англию, нынешняя поставлена в 1996 г. местным историческим обществом. Стоит обратить внимание на тот факт, что новая табличка расположена в центре города, где ее легко заметить и, следовательно, она служит одним из важных напоминаний о военной истории региона.

Крымская война запечатлена также в топонимах. Улица Раглан (Raglan Road) и Раглан лейн (Raglan Lane) в Дублине названы в честь лорда Раглана, первого командующего британскими войсками, посланными в Крым в 1854 г. Весьма престижное место: на улице Раглан находятся посольства Турции, Мексики и Марокко. В Монкстауне, пригороде Дублина, есть улицы Альма (Alma Road), Альма плейс (Alma Place) и Альма террес (Alma Terrace) — все они названы в память о битве при Альме (1854), одном из первых сражений Крымской войны. Сохранили свои названия построенные в 1860-х гг. дома «Малахов Хауз» (Malakoff House) и «Малахов Вилла» (Malakoff Villa) на улице Ратгар (Rathgar Road) (рис. 6). Территория вокруг них изначально называлась Малахов террес (Malakoff Terrace), но в начале XX в. она стала частью улицы Ратгар. Напомним, Малахов курган был одной из ключевых точек обороны Севастополя, за которую шли страшные бои. Еще один «Малахов Хауз» есть в г. Дандолк.

Рис. 6. «Малахов Хауз» и «Малахов Вилла»
на улице Ратгар, Дублин
Malakoff House and Malakoff Villa on Rathgar Road, Dublin

жество погребальных памятников, а именно: медные и мраморные доски и витражи. Они не только составляют часть наследия Ирландии и служат источником исторической информации, сравнимой с надгробиями, но также представляют собой существенный подтип *ad monumenta mortuorum* — мемориалов мертвым [20, р. 78]. Погибших в заморских сражениях до недавнего времени хоронили прямо на месте, а не отправляли на родину, что «лишает скорбящих родственников места, где они могли бы оплакать свою утрату, а мемориалы дома стали местом для выражения печали, либо в виде отдельных памятников, либо в качестве дополнения к существующим семейным надгробиям» [21, р. 48].

Рис. 7. Одесская и Севастопольская улицы в Белфасте
(Северная Ирландия)
Odessa Street and Sevastopol Street, Belfast (Northern Ireland)

лестницей к органу. В верхней его части изображен знак полка в лавровом венке, использованные в нем золотая арфа и ветки ярко-зеленого клевера являются символами Ирландии, под ним — девиз полка *Virtutis Namurremsis Praemium* (лат. «Награда за доблесть в Намюре»). В сере-

В Белфасте довольно много улиц получили свои имена после Крымской войны — улицы Альма, Балаклава, Севастополь, Плевна, Варна, Раглан и Гарнет (в честь Гарнета Джозефа Уолсли, участника Крымской кампании). Но ни одно из них не сохранилось на современной карте. Продолжают существовать только Крымская улица (*Crimea street*), Одесская (*Odessa street*) и Севастопольская (*Sevastopol street*), Альма-плейс (*Alma place*) (рис. 7).

И последний тип мемориалов, о которых мы расскажем, — это надгробные памятники, памятные таблички в церквях и витражи. Старые надгробия составляют культурное наследие и национальное достояние, выступают источником исторической информации. В нефах и трансептах церквей размещено множество

В главном национальном протестантском соборе Церкви Ирландии — соборе Святого Патрика — одной из главных достопримечательностей Дублина, на восточной стене северного трансепта можно увидеть витраж с панорамой Севастополя «В память тех из 18-го Королевского ирландского полка, кто пал в Крыму 1855-6», являющийся самым старым в соборе. Он расположен не на самом видном месте: сбоку и за винтовой

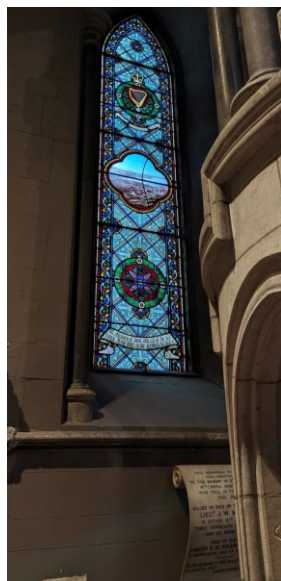

Рис. 8. Севастопольский витраж в соборе
Св. Патрика, Дублин
Sevastopol window in St. Patrick Cathedral, Dublin

священа военному хирургу сэру Роберту Вильяму Джексону, в чьем послужном списке также упомянута работа во время Крымской войны (рис. 9).

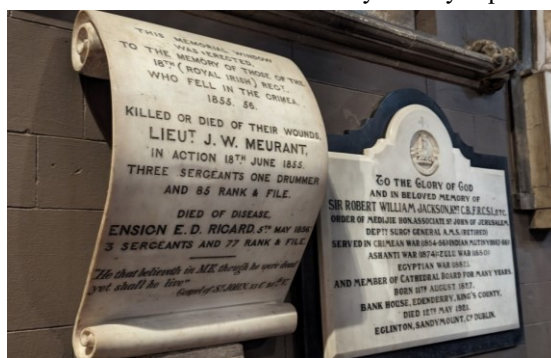

Рис. 9. Мемориальная табличка в честь
сэра Роберта Вильяма Джексона
*Memorial plaque in honor
of Sir Robert William Jackson*

жетом и гибелью героя, в верхней части левого витража ангел держит ленту с девизом легких драгун *Viret in aeternum* (лат. «Прцветай в вечности»), на правом — надпись «Балаклава».

дине — медальон с видом на бухту Севастополя, выполненный в коричневых тонах, и такой детальный, что напоминает скорее старую фотографию, чем рисунок. В нижней части — медальон с лавровым венком и растительным узором, ветки клевера расположены крестом (рис. 8). Под окном каменная доска в виде свитка с надписью: «Это мемориальное окно было поставлено в память о тех из 18-го (Королевского ирландского) плк., кто пал в Крыму 1855—56, убит или умер от ран. лейт. Дж. В. Меран

в бою 18 июня 1855, три сержанта, один барабанщик и 85 рядовых. Умерли от болезни прапорщик Э. Д. Рикар 5 мая 1856, 3 сержанта и 77 рядовых. „Верующий в Меня, если и умрет, оживет”. Ев. От Иоанна 11:25». Помимо офицеров на доске упомянуты сержанты, барабанщики, рядовые — явление новое для того времени. Хотя их имена не названы (в отличие от мемориала в Трали), по мнению Пола Хадди, это можно считать свидетельством уважения широких масс к обычному солдату [14, р. 88]. Подобные памятники стали появляться во второй трети XIX в. В том же соборе Св. Патрика в северном трансепте стоят два больших монумента служащим 18-го полка, погибшим в англо-китайской войне 1840—1842 гг. и первой англо-бирманской войне 1832 г. Именно после Русской кампании они стали многочисленными.

Справа от доски в виде свитка прикреплена еще одна табличка, не имеющая прямого отношения к витражу или 18-му полку, она посвящена военному хирургу сэру Роберту Вильяму Джексону, в чьем послужном списке также упомянута работа во время Крымской войны (рис. 9).

Второе окно, состоящее из двух витражей, находится в церкви Св. Патрика г. Драмбег, графство Даун (Северная Ирландия). Надпись на витраже гласит: «Во славу Божию и в светлую память Хью Монтгомери из 13-го полка легких драгун, погибшего в битве при Балаклаве 25 октября 1854. Установлено его сестрой Эллен Монтгомери в 1870». В семейной усыпальнице поблизости также упомянуто его имя: «Убит в памятной атаке легкой кавалерии в битве под Балаклавой 25 октября 1854 в возрасте 24 лет» [21, р. 48]. На витражах представлены сцены с военным сюжетом и гибелью героя, в верхней части левого витража ангел держит ленту с девизом легких драгун *Viret in aeternum* (лат. «Прцветай в вечности»), на правом — надпись «Балаклава».

Надгробий на могилах ветеранов Крымской войны сохранилось совсем немного: не все удостоились поминаения после смерти или их участие в Крымской кампании не отражено. Связано это отчасти с тем, что многие участники войны продолжили служить дальше в разных подразделениях, жили за счет благотворительных организаций (например, Благотворительного фонда или частных меценатов), многие закончили жизнь в нищете или были связаны с криминалом, пенсию получали лишь те, кто имел боевые ранения или 21 год выслуги.

Некоторым повезло больше, последние годы их жизни прошли в качестве пенсионеров Королевского госпиталя в Дублине (Royal Hospital Kilmainham), по соседству с которым их и хоронили, один участок на кладбище был отведен для рядовых и унтер-офицеров, второй — для офицеров. Сейчас в здании госпиталя расположен Ирландский музей современного искусства (ИММА). Кладбища, к сожалению, закрыты для посетителей, открываются редко для организованных экскурсий, нам пока не удалось там побывать. Могила умерших рядовых и унтер-офицеров обозначали табличками в форме трилистника, с 1900 г. их отмечали простыми небольшими надгробиями из белого мрамора [22, р. 15]. Так, на могиле одного из выживших участников Крымской кампании есть надпись: «Рядовой Роберт Маниппени, 8-й Гусарский, скакал в Балаклаве в 1854» [23, р. 38]. Могила же его товарища Кристофера Ханлона из 13-го Гусарского никак не обозначена [23, р. 37]. Известно также, что в прошлом могилы подвергались вандализму, не из политических, а из хулиганских мотивов. Не все надгробия сохранились, и не все надписи возможно прочесть. На офицерской части кладбища в 1989 г., когда проводилась опись сохранившихся могильных камней, найдены три надгробия, в чьих надписях присутствовали отсылки к Крымской войне: Вильяма Карта (William Carte), врача, хирурга, служившего в 28-м полку во время Крымской войны [22, р. 35], капитана Вильяма Стрикленда Макгилла из 79-го полка Камерунских горцев, с которым прошел Крымскую кампанию [22, р. 41], капитана Джеймса Вотсона из 50-го Собственного Ее Величества полка [22, р. 43] (надпись сохранилась частично, но слова «Крымская война» читаются отчетливо).

Самая знаменитая и эффектная по оформлению могила ветерана Крымской войны находится в Дрохеде, графство Луф, на кладбище протестантской церкви Св. Петра (St Peter's Church of Ireland, не путать с католической церковью с таким же названием в центре Дрохеды). Надгробие рядового Джона Даггана из 17-го Уланского полка украшено черепом со скрещенными костями и скрещенными копьями, вымпелами на копьях, лавровыми ветками и лентой с надписью «25 октября Балаклава 1854», также под черепом выбита вторая часть девиза «или слава», что надо читать как девиз улан «Смерть или слава». На надгробии указано, что он сражался в битвах при Альме, Инкермане, Севастополе и Балаклаве, хотя исследователи считают, что он не мог участвовать в бою при Инкермане, так как находился в госпитале в Скутари предположительно из-за ран [21, р. 51]. С 1871 г. служил пономарем церкви Св. Петра в своем родном городе Дрохеде до самой смерти в 1881 г., что и объясняет его почетное захоронение рядом с церковью (рис. 10).

На могиле Джеймса Девлина на кладбище Гласневин в Дублине установлен простой крест из белого мрамора и выбита надпись: «Джеймс Девлин, умер 3 февраля 1892 в возрасте 58 лет. Служил в составе 4-го Собственного Ее Величества полка легких драгун в Крыму и был тяжело ранен 25 октября 1854. Отдыхай, воин, отдыхай, и не обращай внимания на маршрут, пока труба не даст последний „Разворот!“ Покойся с миром». Эту могилу показывают во время экскурсионных туров по кладбищу, так что о ней помнят, а вот могила майора Джона Дайка из 11-го Гусарского полка

на том же кладбище не обозначена. Примечательно, что он был ковалем в своем полку и ездил на Крымском Бобе — лошади, которая удостоилась памятной таблички в городе Кахир.

Среди менее известных захоронений в Дублине, где в надписях на могильных камнях мы можем найти упоминания Крымской войны, есть могила

Рис. 10. Могила Джона Даггана, кладбище при церкви Св. Петра, Дрохеда
*John Duggan's grave,
St. Peter's Church Cemetery, Drogheda*

капрала Вильяма Джексона на кладбище Арбор Хилл (бывшее гарнизонное кладбище). На каменном надгробии, перенесенном со своего изначального места к стене, хорошо читается: «Посвящено памяти капр. Вильяма Джексона, из 13-го Легкие драгуны, который оставил эту жизнь 16 апреля 1859 в возрасте 24 лет. Он служил на протяжении всей Крымской кампании. Эта дань уважения воздвигнута его собратьями унтер-офицерами». На кладбище при церкви Св. Джорджа покоится Генри Кристиан Мерфи, который «служил в Балаклаве, Инкермане и Севастополе» [23, р. 240]. На военном кладбище Грейндж-горман (Grangegorman Military Cemetery) нашел свое последнее пристанище капитан Майкл Кларк.

В Ирландии известно не так много надгробий ветеранам Крымской войны, они были и есть в разных частях Ирландии. Память об участии в знаменитых битвах в Крыму, а также желание выживших солдат и членов их семей увековечить память воинов, нашли отражение в надписях на могильных камнях. Упоминание о службе в Крыму встречается не только в надписях на могилах военных, но и военных врачей.

Нельзя обойти вниманием и мемориальные доски в церквях. Такой способ мемориализа-

ции характерен для протестантских церквей, в католических они встречается гораздо реже и используется более для увековечивания памяти священников, а уже с XX в. — военных, погибших в разных операциях за рубежом. Все известные нам мемориальные доски участникам Крымской войны находятся в церквях, принадлежащих Церкви Ирландии.

Нам известно о 22 мемориалах, размещенных в церквях¹. Как отмечает Пол Хадди, «Крымская война представляет ясный поворотный момент в ирландской традиции похоронных монументов: от огромных, экстравагантно украшенных и очень дорогих мемориалов Наполеоновской эры, которых было весьма мало, к мемориалам поздней Викторианской эры, которые были меньше размером, менее украшены, дешевле и гораздо многочисленнее» [20, р. 79]. Действительно, количество мемориалов героям Крымской войны в церквях существенно превышает количество подобных городских памятников (напомним, их сохранилось три).

¹ В книге Пола Хадди «Крымская война и ирландское общество» говорится о 23 мемориалах [14, pp. 203–205]. Три из 23-х упоминаются только в его книге, мы не смогли найти ни их фотографий, ни подробного описания; скорее всего, это связано с тем, что данные церкви больше не используются. Еще одна мемориальная доска была в Гарнизонной часовне на Арбор хилл в Дублине (ныне Церковь Вооруженных сил Ирландии) «В память всех офицеров и рядовых 30-го (Кембриджширского) пехотного полка, которые умерли в бою, от ран или болезней во время Русской кампании» [20, р. 79], но в 1922 г. все витражи и мемориальные доски из данной церкви были вывезены британскими властями.

При подготовке данной статьи мы опирались в основном на данные о церковных мемориалах, собранные на сайтах: Ирландские военные мемориалы (Irish War memorials. URL: <http://www.irishwarmemorials.ie>) — для Республики Ирландия и Регистр военных мемориалов (IWM's War Memorials Register. URL: <https://www.iwm.org.uk/memorials>) — для Северной Ирландии. Только один представляет собой памятник, он находится в соборе Св. Патрика в городе Арма (Церковь Ирландии, Северная Ирландия). Барельеф из белого мрамора известного ирландского скульптора Томаса Фаррелла изображает стоящего на коленях молодого офицера Томаса Кидда в окружении погибших солдат. Левая рука его на поясе, правая — вытянута вперед, воин запечатлен в момент, когда в него попадает пуля. Позади фигуры, в правой части барельефа, изображены знамя и пушка с опущенным стволом, в левой — знамя, якорь, корабельная пушка и канаты. Над сценой поля битвы надпись: «Севастополь». Высота монумента 2 м, ширина 2,2 м. Под барельефом большая мемориальная доска с посланием будущим поколениям: «Священной памяти Томаса Осборна Кидда, ВМФ, лейт. корабля Ее Величества Альбион (сын Джозефа Кидда, эскайра, и его жены Мэри Анны), который пал, пронзенный винтовочной пулей, во время службы в военно-морской бригаде, перед Севастополем, в атаке на Редан 18 июня 1855 г. в возрасте 24 лет. Обстоятельства его смерти подробно изложены в официальном сообщении от кап. сэра Стивена Лашингтона, ВМФ, контр-адмиралу сэру Эдмунду Лайонсу: „С крайним сожалением вынужден сообщить о смерти лейт. Кидда, павшего 18-го числа. После того, как остатки его отряда были благополучно доставлены в окопы, он вернулся на поле боя, чтобы подобрать раненых, и в этом отважном акте преданности своему долгу его тело было прострелено винтовочной пулей, и он умер вскоре после того, как добрался до лагеря. Для бригады было честью иметь лейт. Кидда в своих рядах, и служба Ее Величества потеряла одного из самых многообещающих молодых офицеров”. Этот памятник установлен жителями Армы, чтобы выразить скорбь по поводу его ранней смерти и их восхищение последним актом его короткой, но выдающейся карьеры».

Три мемориала выполнены в виде бронзовых досок. В Республике Ирландия такой один — в церкви Св. Николая в Голвее: бронзовая доска с закругленным верхом, размером 55x45 см, помещена на черной мраморной плите. Наверху знак коннахтских рейнджеров и их девиз *Quis Separabit* («Кто отлучит нас от любви Божией») и надпись: «Под этими флагами во время войны с Россией 1854 — 55 — 56 убиты в бою, умерли от ран или погибли от болезни майор В. Маки, майор Э. Нортон, майор Э. Бэйли, капитан Э. Корбетт, капитан Дж. Рэй, капитан Х. В. Гроган, лейт. и адъютант А. Д. Мауле, лейт. Э. Х. Вэбб, лейт. Х. Б. Престон, помощ. хирурга Ф. Ю. Шегог и 466 унтер-офицеров, барабанщиков и рядовых». Как можно понять, изначально флаг полка висел над мемориальной доской, он до сих пор вывешен в церкви, но в другом месте.

В Северной Ирландии бронзовые доски посвящены капитану Джону Робинсону из 34-го полка — в церкви Портстюарта, графство Лондондерри, и подполковнику Э. Пакенхэму из Гренадерской гвардии — в приходской церкви Св. Екатерины в Антриме. В то время подобные мемориалы только начинали появляться в Ирландии, позднее они станут популярными. В церкви Вооруженных сил Ирландии мемориальные доски XX и XXI вв. в память о погибших военнослужащих Ирландии тоже выполнены в виде бронзовых досок с именами и званиями героев.

Остальные мемориальные доски в церквях сделаны в виде белых мраморных плит, в большинстве случаев закрепленных на большей по размеру плите черного мрамора (рис. 11). Некоторые лишены всякого декора (доска в память о Генри Джордже Доноване в соборе города Фернс, графство Вексфорд и доска в соборе Св. Патрика в Дублине под витражом) или

имеют минимальный декор, когда надпись выбита на свитке, увенчанном военными символами (доска в память о Винсенте Маккеси в Вотерфорде и капитане Генри Томасе Батлере в Томастаун, графство Килкенни), или обрамлена колоннами с портиком, представляющими вход то ли в античный храм, то ли склеп (доска в честь Джона Диллона Росс-Левина в Эннисе и Чарльза Томаса Кинга в Дублине). Если говорить об используемых в декоре символах, то встречаются и языческие символы (повернутые вниз факелы на мемориале Джона Шервуда Гейнора в Киллайни, обрубленная колонна на мемориале Вильяма Френсиса Хоуи в Монкстауне, урна с прахом на мемориале подполковника Томаса Банбери Гофа в Лондондерри, Северная Ирландия), и христианские (цитаты из Библии и упоминания о благодетели), и геральдические, и военные. Обычно присутствуют биографические данные и указание на битву, в которой пал воин, а также имена тех, кто установил доску, как правило, это близкие родственники. Иногда встречаются длинные биографические описания. Преобладают именно военные символы: знамена, винтовки, сабли, пушки, венки, барабаны (что вполне понятно) и символы отваги и доблести, а не скорби. Так, на мемориальной доске в городке Агхер, графство Мит, надпись *Virtute* («Доблесть») помещена сверху, также изображены небольшой щит с тремя птицами вокруг шеврона, герб улан с черепом и скрещенными костями, сабля и мушкет по краям: «Посвящено памяти Джона Пратта Винтера, эсквайра, капитана 17-го Ее Величества полка легких драгун (улан). Он пал со славой, возглавляя второй эскадрон своего полка в героической, но катастрофической атаке легкой кавалерийской бригады на русскую армию под Балаклавой под Севастополем в Крыму 25 октября 1854, на 26-м году жизни, не оставив ни пятнышка на своем имени, гордо взирая на небо со смертного одра славы».

Скорбящая фигура использована при оформлении мемориала только однажды — на доске капитана Рэя в Дублине. Доска украшена барельефом скорбящего солдата (что необычно для Ирландии), опирающегося на перевернутую винтовку, рядом знамена и барабан, на одном из знамен цифра «88», вокруг которой фраза «Коннахтские рейнджеры», на другом — надпись «Севастополь». Над ними — коронованная арфа и девиз его полка: *Quis separabit*, в самом низу герб в виде страуса и девиз *Et juste et vray* («И справедливо и верно»). Также в данном мемориале необычна надпись — после биографических сведений и указания родителей идут их горестные слова: «...как запись их сердечной скорби по их глубоко любимому и единственному ребенку и в память обо всем, чем он был для них как любящий и почтительный сын: о ценности, молодости, мужестве и искреннем благодетели, по которым его отличали как друга, джентльмена, солдата и христианина» (см. рис. 11).

Как мы видим, три из двадцати трех мемориалов упоминают всех погибших из полка, как офицеров, так и унтер-офицеров, рядовых и барабанщиков, хотя и не называют их имен (доски в соборе Св. Патрика, бронзовая плита в Голвее и утраченная — в церкви Вооруженных сил в Дублине), остальные посвящены конкретным офицерам. Включение в мемориал всех военных полка — это новый шаг по увековечиванию памяти и свидетельство изменения отношения общественности к фигуре солдата.

Стоит отметить и инициативы последнего времени. В 2009 г. в городе Лисбурн (Северная Ирландия) была открыта металлическая памятная доска в честь Вильяма Джеймса Лендрима из Королевских саперов и минеров, награжденного Крестом Виктории в 1855 г. в Севастополе. Необычно то, что помещена доска на другом памятнике, стоящем с 1922 г. в центре города, — памятнике бригадному генералу Джону Николсону. Местные власти разместили на нем и табличку в память еще одного обладателя Креста Виктории. Таким образом, из памятника конкретному лицу он становится памятником отличившимся военным города.

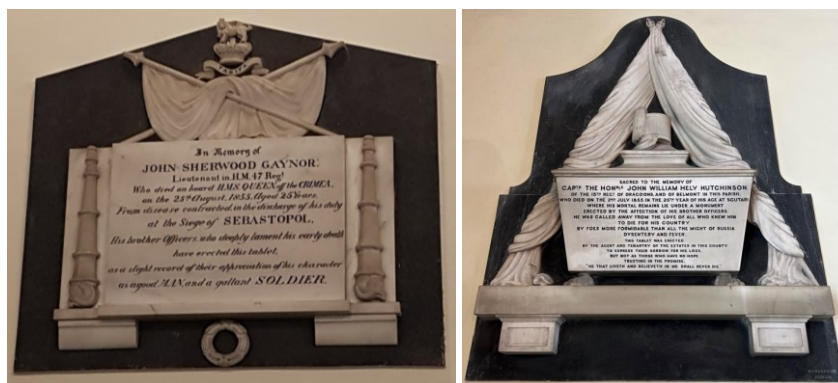
а

б

в

г

д

е

Рис. 11. Мемориальные доски: а — кап. Джексону Рэю, церковь Св. Стивена (Церковь Ирландии), Дублин; б — Бингэму Мюллеру, собор Св. Марии (Церковь Ирландии), Лимерик (фотография И. Дерновой); в — Чарльзу Томасу Кингу, церковь Св. Стивена (Церковь Ирландии), Дублин; г — Вильяму Френсису Хоуи, церковь Монкстауна (Церковь Ирландии), Монкстаун, графство Дублин; д — Джону Шервуду Гейнору, церковь Святой Троицы (Церковь Ирландии), Киллайни, графство Дублин; е — Джону Вильяму Хэли Хатчинсону, церковь Св. Иберия (Церковь Ирландии), Вексфорд (фотография Е. Тарасенко)

Memorials plaque: a — to Capt. Jackson Wray, St. Stephen's Church of Ireland, Dublin; б — to Bingham Muller, St Mary's Cathedral (Church of Ireland), Limerick (photo by I. Dernova); в — to Charles Thomas King, St. Stephen's Church of Ireland, Dublin; г — to William Francis Hoey, Monkstown Church of Ireland, Monkstown, Co. Dublin; д — to John Sherwood Gaynor, Holy Trinity Church of Ireland, Killiney, Co. Dublin; е — to John William Hely Hutchinson, St. Iberius Church of Ireland, Wexford (photo by E. Tarasenko)

Присутствуют воспоминания о Крымской войне и в музейных коллекциях. В Национальной галерее Ирландии мы смогли обнаружить работу художника Томаса Джонса Баркера «Атака капитана Нолана, возвращающегося со своим мертвым хозяином»¹. В Национальном музее Ирландии (подразделение декоративного искусства и истории (National Museum of Ireland. Decorative Arts & History)) в галереях, посвященных военной истории, Крымской войне отведены полторы витрины. Артефакты Крымской войны находятся в тематическом зале «Ирландцы в британской армии. Служба за морем». В самой витрине не так уж много предметов: медали, шлем тяжелого кавалериста, оружие того времени, военная карта Севастополя, англо-турецкий разговорник, прихваченные из Севастополя сувениры (рис. 12). Пояснительная табличка сообщает о сестрах милосердия. Половина другой витрины отведена для иллюстрации положения женщин из разных социальных кругов на войне, как жен высокопоставленных офицеров, так и жен простых солдат, проводивших всю войну за бытовыми заботами. Небольшая экспозиция об участии в Крымской войне Коннахтских рейнджеров планируется в новом частном музее Ассоциации Коннахтских рейнджеров (the Connaught Rangers Association Museum) в г. Бойл, графство Роскоммон.

Рис. 12. Витрина с артефактами Крымской войны в Национальном музее Ирландии, Дублин
The display case with artefacts from the Crimean War at the National Museum of Ireland, Dublin

сократилось к началу XXI в., Церковь Ирландии испытывает недостаток в священниках, часть церквей закрыты, многие открываются только для воскресной службы или по специальной договоренности с ответственным за данную церковь смотрителем. Только один витраж, находящийся в соборе Св. Патрика, доступен для широкой публики, так как собор является одной из главных достопримечательностей Дублина, через него прохо-

¹ Картины нет в главной экспозиции, увидеть можно на сайте Национальной галереи в коллекции оцифрованных изображений (URL: <https://nationalgalleryimages.ie/asset/5499/>).

дят тысячи туристов и местных жителей, как прихожан, так и обычных посетителей.

С самого своего появления памятники Крымской войне не считались в Ирландии чем-то святым или национальным достоянием. Скорее, они были памятниками британскому владычеству, о чем свидетельствуют не только их небольшое количество, но и споры при установке, также уничтожение статуй в Лимерике и Голвее, попытка взорвать трофейные пушки в Трали и взрыв бомбы у обелиска в Монагане. Об общеирландском, национальном памятнике никогда не было и речи. В наши дни они воспринимаются как памятники далекой войне, памятники одной из прошлых заморских войн Британской империи, когда Ирландия была ее частью. Это именно памятники военной истории ирландских частей. Недаром в Дублине и Лимерике трофеи из публичных мест были перемещены в менее посещаемые места, а оружие из Портлиша передано в военный музей.

Выбирая способ увековечить память конкретных воинов, ирландцы предпочитали не городские статуи или обелиски, а мемориалы в церкви в виде витража или памятной таблички. Надгробий участникам Крымской кампании известно немного.

Инициативы по установке новых мемориалов или серьезному обновлению существующих в последнее время появлялись только в Северной Ирландии. В Республике Ирландия в современный городской ландшафт вписали две мемориальные таблички, посвященные лошадям — ветеранам Крымской войны — Дикки Бёрду в Дублине и Крымскому Бобу в Кахире.

Список источников

1. Murphy D. Ireland and the Crimean War. Dublin : Four Courts Press, 2002. 262 p.
2. Murphy D. Irish Regiments and Soldiers in the Crimean War — their Contribution and Legacy // British Journal for Military History. 2023. Vol. 9. Is. 2. P. 67—80.
3. The Crimean journals of the Sisters of Mercy 1854—56 / ed. M. Luddy. Dublin : Four Courts Press, 2004. 260 p.
4. Whammond G. K. Whammond's Illustrated Guide for visitors to Dublin and Wicklow, the best and cheapest of all handbooks. Dublin : John Robertson & Co. ; London : Simpkin, Marshall & Co. ; Edinburgh : John Menzies, 1864. 168 p.
5. Hallam, George // Dictionary of Irish Architects 1720—1940 / Irish Architectural Archive. URL: <https://www.dia.ie/architects/view/7157/HALLAM%2C+GEORGE+%23%23> (дата обращения: 31.05.2024).
6. Courthouse cannon was a timebomb for 20 years // Irish Independent. 2011. 24 August. URL: <https://www.independent.ie/regionals/kerry/lifestyle/courthouse-cannon-was-a-timebomb-for-20-years/27410420.html> (дата обращения: 31.05.2024).
7. Hill J. Irish public sculpture. Dublin : Four Courts Press, 1998. 302 p.
8. Moloney T. The Fitzgibbon memorial in Limerick // The Irish Sword. The Journal of the Military History Society of Ireland. 2009. Vol. XXVI, no. 106. P. 401—410.
9. Collins T. The Town Hall in 1857 — When Galway Hospitality Met Crimean Cannon // Journal of the Galway Archaeological and Historical Society. 1996. Vol. 48. P. 137—142.
10. Bennett I. The Crimean War Memorial, Ferrycarrig, Co. Wexford: A Precisely Dated Round Tower // Archaeology Ireland. 1989. Vol. 3, no. 2. P. 58—60.
11. Ruthanne's hidden gem 150 year old Big Bush is more than just part of the village scenery // Fermanagh Herald. 2005. 21 December.
12. Huddie P. 'Removing some big guns': the story of Dublin's Crimean War trophy guns from 1857 to the present // Dublin Historical Record. 2014. Vol. 67, no. 1. P. 6—18.
13. St. John Hennessy N. Crimean war guns in Ireland // The Irish Sword. 1995. Vol. XIX, no. 78. P. 333—343.
14. Huddie P. The Crimean War and Irish Society. Liverpool : Liverpool University Press, 2015. 228 p.
15. Dublin Evening Packet and Correspondent. 1857. 3 December.
16. Saunders's News-Letter. 1857. 20 July.
17. Dublin Evening Post. 1857. 1 December.

18. Official opening of historic Clooney Cannon Site regeneration project // Derry City and Strabane District Council official website. 2023. 21 November. URL: <https://www.derrystrabane.com/news/official-opening-of-historic-clooney-cannon-site-regeneration-project> (дата обращения: 31.05.2024).
19. Carr D. Dicky Bird — Ireland's War Horse // The Fountain Resource Group. 2015. 5 February. URL: www.frg.ie/local-history/dicky-bird-irelands-war-horse/ (дата обращения: 31.05.2024).
20. Huddie P. 'That woe could wish, or vanity devise': Crimean War memorials in Dublin's Anglican churches // *Grave Matters. Death and dying in Dublin, 1500 to the present* / ed. L. M. Griffith, C. Wallace. Dublin : Four Courts Press, 2016. P. 77—85.
21. Hughes G., Trigg J. Remembering the Charge of the Light Brigade: It's commemoration, War memorials and Memory // *Journal of Conflict Archaeology*. 2008. Vol. 4, no. 1/2. P. 39—58.
22. Bully's acre and Royal Hospital Kilmainham graveyards: history and inscriptions / ed. S. Murphy. Dublin : Divilina publications, 1989. 48 p.
23. Igoe V. Dublin Burial Grounds & Graveyards. Dublin : Wolfhound Press, 2001. 364 p.

References

1. Murphy D. Ireland and the Crimean War. Dublin, Four Courts Press, 2002, 262 p.
2. Murphy D. Irish Regiments and Soldiers in the Crimean War — their Contribution and Legacy, *British Journal for Military History*, 2023, vol. 9, is. 2, pp. 67-80.
3. Luddy M. (ed.) The Crimean journals of the Sisters of Mercy 1854-56. Dublin, Four Courts Press, 2004, 260 p.
4. Whammond G.K. Whammond's Illustrated Guide for visitors to Dublin and Wicklow, the best and cheapest of all hand-books. Dublin, John Robertson & Co, London, Simpkin, Marshall & Co, Edinburgh, John Menzies, 1864, 168 p.
5. Hallam, George, *Dictionary of Irish Architects 1720-1940*. Available at: <https://www.dia.ie/architects/view/7157/HALLAM%2C+GEORGE+%23%23> (accessed: 31.05.2024).
6. Courthouse cannon was a timebomb for 20 years, *Irish Independent*, 2011, 24 August. Available at: <https://www.independent.ie/regionals/kerry/lifestyle/courthouse-cannon-was-a-timebomb-for-20-years/27410420.html> (accessed: 31.05.2024).
7. Hill J. Irish public sculpture. Dublin, Four Courts Press, 1998, 302 p.
8. Moloney T. The Fitzgibbon memorial in Limerick, *The Irish Sword. The Journal of the Military History Society of Ireland*, 2009, vol. XXVI, no. 106, pp. 401-410.
9. Collins T. The Town Hall in 1857 - When Galway Hospitality Met Crimean Cannon, *Journal of the Galway Archaeological and Historical Society*, 1996, vol. 48, pp. 137-142.
10. Bennett I. The Crimean War Memorial, Ferrycarrig, Co. Wexford: A Precisely Dated Round Tower, *Archaeology Ireland*, 1989, vol. 3, no. 2, pp. 58-60.
11. Ruthanne's hidden gem 150 year old Big Bush is more than just part of the village scenery, *Fermanagh Herald*, 2005, 21 December.
12. Huddie P. 'Removing some big guns': the story of Dublin's Crimean War trophy guns from 1857 to the present, *Dublin Historical Record*, 2014, vol. 67, no. 1, pp. 6-18.
13. St. John Hennessy N. Crimean war guns in Ireland, *The Irish Sword*, 1995, vol. XIX, no. 78, pp. 333-343.
14. Huddie P. The Crimean War and Irish Society. Liverpool, Liverpool University Press, 2015, 228 p.
15. *Dublin Evening Packet and Correspondent*, 1857, 3 December.
16. *Saunders's News-Letter*, 1857, 20 July.
17. *Dublin Evening Post*, 1857, 1 December.
18. Official opening of historic Clooney Cannon Site regeneration project, *Derry City and Strabane District Council official website*, 2023, 21 November. Available at: <https://www.derrystrabane.com/news/official-opening-of-historic-clooney-cannon-site-regeneration-project> (accessed: 31.05.2024).
19. Carr D. Dicky Bird - Ireland's War Horse, *The Fountain Resource Group*, 2015, 5 February. Available at: www.frg.ie/local-history/dicky-bird-irelands-war-horse/ (accessed: 31.05.2024).
20. Huddie P. 'That woe could wish, or vanity devise': Crimean War memorials in Dublin's Anglican churches, *Grave Matters. Death and dying in Dublin, 1500 to the present*, ed. L.M. Griffith, C. Wallace. Dublin, Four Courts Press, 2016, pp. 77-85.
21. Hughes G., Trigg J. Remembering the Charge of the Light Brigade: It's commemoration, War memorials and Memory, *Journal of Conflict Archaeology*, 2008, vol. 4, no. 1-2, pp. 39-58.
22. Murphy S. (ed.) Bully's acre and Royal Hospital Kilmainham graveyards: history and inscriptions. Dublin, Divilina publications, 1989, 48 p.
23. Igoe V. Dublin Burial Grounds & Graveyards. Dublin, Wolfhound Press, 2001, 364 p.

Информация об авторе

Быкова Анна Сергеевна — кандидат политических наук, независимый исследователь, член Археологического и исторического общества Грейстоунза, Грейстоунз, Ирландия. E-mail: abykovaireland@gmail.com

Information about the author

Anna S. Bykova — Candidate of Political Studies, independent researcher, member of the Greystones Archaeological and Historical Society, Greystones, Ireland. E-mail: abykovaireland@gmail.com

Статья поступила в редакцию 02.06.2024; одобрена после рецензирования 26.06.2024; принята к публикации 01.07.2024.

The article was submitted 02.06.2024; approved after reviewing 26.06.2024; accepted for publication 01.07.2024.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Быкова Анна Сергеевна — кандидат политических наук, независимый исследователь, член Археологического и исторического общества Грейстоунза, Грейстоунз, Ирландия. E-mail: abykovaireland@gmail.com

Зайцев Никита Игоревич — командир роты курсантов, Новосибирское высшее военное командное ордена Жукова училище, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: z_nikita@internet.ru

Зубов Владимир Евгеньевич — кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории гуманитарно-аксиологических основ государственной службы, Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: Zubovv27@mail.ru

Масленникова Ангелина Алексеевна — студент, Институт истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, Саратов, Российская Федерация. E-mail: lina.maslennikova@list.ru

Мотревич Владимир Павлович — доктор исторических наук, профессор, Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, Российская Федерация. E-mail: vladimir.motrevich@mail.ru

Скоп Евгения Александровна — независимый исследователь, аспирант, Институт истории СО РАН, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: skopevgenia22@gmail.com

Сорокина Марина Юрьевна — кандидат исторических наук, доцент, заведующий отделом истории русского зарубежья, Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына, Москва, Российская Федерация. E-mail: msorokina61@gmail.com

Черказьянова Ирина Васильевна — доктор исторических наук, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация. E-mail: cherk@inbox.ru

Шаталов Евгений Анатольевич — кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: shatalov-ea@ranepa.ru

AUTHOR AFFILIATIONS

Anna S. Bykova — Candidate of Political Sciences, independent researcher, member of the Greystones Archaeological and Historical Society, Greystones, Ireland. E-mail: abyko-vaireland@gmail.com

Nikita I. Zaitsev — cadet company commander, Novosibirsk Higher Military Command School of the Order of Zhukov, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: z_nikita@internet.ru

Vladimir E. Zubov — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Leading Researcher of the Research Laboratory of Humanitarian-Axiological Foundations of Public Service, Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: Zubovv27@mail.ru

Angelina A. Maslennikova — student, Institute of History and International Relations of N.G. Chernyshevsky Saratov National Research State University. Saratov, Russian Federation. E-mail: lina.maslennikova@list.ru

Vladimir P. Motrevich — Doctor of Historical Sciences, Professor, V.F. Yakovlev Ural State Law University, Yekaterinburg, Russian Federation. E-mail: vladimir.motrevich@mail.ru

Evgenia A. Skop — independent researcher, Post-graduate student, Institute of History SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: skopevgenia22@gmail.com

Marina Yu. Sorokina — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of the History of the Russian Abroad, Alexander Solzhenitsyn House of Russian Abroad, Moscow, Russian Federation. E-mail: msorokina61@gmail.com

Irina V. Cherkazyanova — Doctor of Historical Sciences, A.S. Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russian Federation. E-mail: cherk@inbox.ru

Evgeny A. Shatalov — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: cherk@inbox.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЬИ

1. Общие положения

Редакция журнала «Сибирь гуманитарная» принимает к рассмотрению оригинальные, ранее нигде (в том числе в сети Интернет) не публиковавшиеся статьи.

Периодичность выхода журнала — четыре раза в год (ежеквартально). Журнал распространяется по подписке. Полнотекстовые электронные версии вышедших номеров доступны на сайте Сибирского института управления — филиала РАНХиГС.

В журнале публикуются результаты фундаментальных и прикладных научных исследований отечественных и зарубежных ученых, а также аспирантов и студентов (совместно с преподавателями) по следующим научным специальностям:

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки;

5.6. Исторические науки (5.6.1. «Отечественная история»; 5.6.2. «Всеобщая история»; 5.6.4. «Этнология, антропология, этнография»; 5.6.5. «Историография, источниковедение, методы исторического исследования»; 5.6.6. «История науки и техники»; 5.6.7. «История международных отношений»; 5.6.8. «Документалистика, документоведение, архивоведение»);

5.7. Философия (5.7.1. «Онтология и теория познания»; 5.7.2. «История философии»; 5.7.6. «Философия науки и техники»; 5.7.7. «Социальная и политическая философия»; 5.7.8. «Философская антропология, философия культуры»; 5.7.9. «Философия религии и религиоведение»);

5.8. Педагогика (5.8.1. «Общая педагогика, история педагогики и образования»; 5.8.2. «Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)»; 5.8.5. «Теория и методика спорта»; 5.8.7. «Методология и технология профессионального образования»).

Статьи публикуются на русском языке и сопровождаются аннотацией и ключевыми словами на русском и английском языках.

Объем статьи должен составлять от 20 до 60 тыс. знаков (с пробелами). Статья должна быть тщательно выверена автором. За достоверность и точность приведенных фактов, цитат, географических названий, собственных имен и прочих сведений ответственность несет автор.

Материалы представляются по электронной почте e-mail: sib.gum@siu.ranepa.ru

Взаимодействие редакционной коллегии, связанное с публикацией рукописи, осуществляется с ответственным автором, который должен предоставить редакционной коллегии номер мобильного телефона для рабочих контактов. Если автор один, то он является ответственным автором. Авторский коллектив самостоятельно выбирает ответственного автора данной публикации. В редакционную коллегию представляется доверенность каждого соавтора на передачу всех прав и обязанностей по взаимодействию с редколлегией при подготовке рукописи к публикации конкретному лицу. Доверенности должны быть заверены в отделе кадров по месту работы.

2. Издательское оформление статей

Статьи в журнал «Сибирь гуманитарная» оформляются по ГОСТ Р 7.0.7-2021 «Статьи в журналах и сборниках. Издательское оформление».

2.1. Элементы издания, оформляемые автором¹:

— УДК;

— заглавие статьи — на русском и английском;

— подзаголовочные данные (при наличии) — на русском и английском;

— сведения об авторе (авторах) — на русском и английском;

— аннотация — на русском и английском (*Abstract*);

— ключевые слова (словосочетания) — на русском и английском (*Keywords*);

— благодарности (при желании) — на русском и английском (*Acknowledgments*);

¹ Расположение и последовательность элементов см. Приложение.

— знак охраны авторского права;
— перечень затекстовых библиографических ссылок — на русском и английском (*References*);

— информация об авторе (авторах) (*Information about the author(authors)*).

Если статья публикуется не на русском языке, то элементы, требующие перевода, указываются сначала на языке статьи, затем — на английском языке, после чего — на русском.

2.2. Описание элементов издания

2.2.1. УДК — индекс Универсальной десятичной классификации, проставляется в соответствии с тематикой статьи.

2.2.2. Заглавие статьи — формулировка темы, точно отражающая рассматриваемую проблему.

2.2.3. Подзаголовочные данные статьи содержат сведения, поясняющие ее заглавие.

2.2.4. Сведения об авторе (авторах) содержат:

— имя, отчество, фамилию автора (авторов)¹ (полностью);
— наименование организации (организаций)², ее подразделения, где работает или учится автор (без обозначения организационно-правовой формы юридического лица: ФГБУН, ФГБОУ ВО, ПАО и др.);

— адрес организации (организаций), ее подразделения, где работает или учится автор (город и страна);

— электронный адрес автора (авторов);

— открытый идентификатор ученого (*Open Researcher and Contributor ID — ORCID*) (при наличии);

— автор, ответственный за переписку (*Corresponding author*) (при наличии нескольких авторов): фамилия, имя, отчество (полностью), электронный адрес.

2.2.5. Аннотацию оформляют по ГОСТ Р 7.0.99-2018 «Реферат и аннотация. Общие требования». Объем не превышает 250 слов.

2.2.6. Ключевые слова (словосочетания) должны соответствовать теме статьи и отражать ее предметную, терминологическую область. Не используют обобщенные и многозначные слова, а также словосочетания, содержащие причастные обороты. После ключевых слов точку не ставят.

2.2.7. Благодарности. При желании приводят слова благодарности организациям (учреждениям), научным руководителям и другим лицам, оказавшим помощь в подготовке статьи, проектах, научно-исследовательских работах, в рамках или по результатам которых опубликована статья.

2.2.8. Знак охраны авторского права приводят по ГОСТ Р 7.0.1-2003 «Издания. Знак охраны авторского права. Общие требования и правила оформления» внизу первой полосы с указанием фамилии и инициалов автора (авторов) или других правообладателей и года публикации статьи.

2.2.9. Перечень затекстовых библиографических ссылок формируется из подстрочных ссылок со сквозной нумерацией по всему тексту. Ссылки оформляются по ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила оформления».

2.2.10. Информация об авторе (авторах). В этот блок входит дополнительная информация об авторе (авторах): ученые степени, ученые звания, указание должности (с наименованием и адресом организации), почетные звания, членство в организациях и т. п.

2.3. Основной текст статьи может иметь следующие структурные части:

— введение;

— основную часть с выделением разделов «Материалы и методы», «Результаты», «Обсуждение» и др. (допускается деление основной части на тематические рубрики и подраз рубрики);

— заключение.

2.4. Надписи и подписи к иллюстративному материалу (таблицы, рисунки и др.) приводят на языке текста статьи и повторяют на английском языке.

¹ Имена авторов приводят в принятой ими последовательности.

² Если автор (авторы) работает (учится) в нескольких организациях.

3. Требования к техническому оформлению

3.1. Общие технические требования:

- текстовый редактор: MS WORD версия 2003 или более современная;
- редактор таблиц: MS Word 2003 или более современная (формат Excel не допускается);
- редактор графиков и диаграмм: MS Word 2003 или более современная;
- формат файла с рукописью: **.doc; .docx**
- формат файлов с рисунками, графиками, схемами и др. иллюстрациями: ***.jpg (jpeg), *.tif (tiff); *.png**.
- тип иллюстраций: полутоновой черно-белый, штриховой черно-белый;
- кегль (размер шрифта) для заголовка и текста статьи (кроме сносок) — 14;
- гарнитура — Times New Roman (TNR).

3.2. Параметры страницы:

- поля — 2 см вокруг;
- нумерация — автоматическая с первой страницы в нижнем правом углу.

3.3. Параметры абзаца:

- выравнивание — по ширине;
- отступ слева/справа — 0;
- интервал перед/после — 0;
- межстрочный интервал — 1,0.
- отступ первой строки абзаца — 0,7;
- должен быть установлен запрет висячих строк.

4. Оформление отдельных элементов текста

4.1. Рисунки должны быть четкими, подлежащими редактированию, диаграммы и графики составлены в программах Microsoft Graph или Microsoft Office Excel, фотографии — контрастными. Все иллюстрации должны иметь сквозную нумерацию, подрисуночные подписи. Не рекомендуется загромождать иллюстрации ненужными деталями: большинство надписей выносятся в подрисуночную подпись, а на рисунке заменяется цифрами или буквами. Подрисуночная подпись должна быть лаконичной и соответствовать содержанию рисунка (10 пт).

4.2. Таблицы должны быть наглядными, иметь название, порядковый номер. Содержание таблиц должно быть связано с той мыслью в тексте, после изложения которой дается ссылка на таблицу. Название таблицы должно точно отражать ее содержание, заголовки граф — соответствовать их содержанию. Все данные внутри таблицы — 10 пт.

Размеры рисунков и таблиц — не более 135 × 2100 мм. Не нумеруются таблица или рисунок, если они в тексте единственные. На все таблицы и рисунки должны быть ссылки в тексте. Рисунки и таблицы располагаются в тексте после ссылки на них.

4.3. Формулы. Простые внутристрочные и однострочные могут быть набраны символами, без использования специальных редакторов. Сложные и многострочные формулы должны быть набраны в редакторе формул MathType 5. Смещение символов из текстовых редакторов с символами из редактора формул не допускается. Индексы и показатели степени должны быть четко ниже или выше строки. В случае ссылок на формулы в тексте нумерация формул дается справа в круглых скобках, а сама формула размещается отдельной строкой по центру. Если на конкретную формулу нет дополнительных ссылок в тексте или она в тексте единственная, то нумерация не нужна. Длина формулы — не более 12,5 мм.

4.4. Буква «ё» употребляется только в целях смысловозначения слов, в именах и фамилиях согласно записи в документах, удостоверяющих личность.

4.5. Примечания, комментарии и др. можно размещать в подстрочных ссылках.

4.6. Цитаты. При использовании цитат обязательно обозначение границ заимствованных материалов в целях различения авторского и неавторского текстов. При прямом (дословном) цитировании границами служат кавычки, в которые заключается цитата, после которой ставится отсылка на источник. При передаче своими словами идей, концепций, точек зрения других лиц) левой границей служит вводная конструкция типа

«В работе И. Л. Михайлова...», «По мнению специалистов...», «Современные цивилисты трактуют...» и т. д. Правой границей является отсылка на источник заимствования.

4.7. Ссылки. Даются ссылки на источники всего заимствованного материала (прямая цитата, парафраз, фактический материал, таблица, рисунок и др.).

ПРИМЕР ПРИСТАТЕЙНОГО СПИСКА

Список источников

1. Конев Е. Прогнозируемые векторы развития зарубежных медиа // Журналистика—2018: состояние, проблемы, перспективы : материалы 20-й Междунар. науч.-практ. конф. (15—16 нояб., 2018, БГУ). Минск : БГУ, 2018. С. 294—297.

2. Огилви Д. Тайны рекламного двора — советы старого рекламиста. М. : Ассоциация работников рекламы, 2005. 61 с.

3. Браславец Л. А. Социальные сети как средства массовой информации: к постановке проблемы // Вестн. ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2009. № 1. С. 125—132.

4. Harris T.L., Whalen P.T. The Marketer's Guide to Public Relations in the 21st Century. 1st ed. South-Western Educational Pub, 2006. 304 p.

References

1. Konev E. Prognoziruemye vektory razvitiya zarubezhnyh media [Projected vectors of development of foreign media], *Zhurnalistika-2018: sostojanie, problemy, perspektivy: materialy 20-j mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (15—16 nojab., 2018, BGU)* [Journalism-2018: state, problems, prospects : materials of the 20th International Scientific and Practical Conference (November 15—16, 2018, BSU)]. Minsk: BGU, 2018, pp. 294—297.

2. Ogilvi D. Tajny reklamnogo dvora — sovery starogo reklamista [Secrets of the advertising yard — tips of an old advertiser], Moscow, Associacija rabotnikov reklamy, 2005, 61 p.

3. Braslavets L.A. Social'nye seti kak sredstva massovoj informacii: k postanovke problem [Social networks as mass media: towards the formulation of the problem], *Vestnik VGU. Serija: Filologija. Zhurnalistika* [Bulletin of the VSU. Series: Philology. Journalism], 2009, no. 1, pp. 125—132.

4. Harris T.L., Whalen P.T. The Marketer's Guide to Public Relations in the 21st Century. 1st ed., South-Western Educational Pub, 2006, 304 p.

ПРИМЕР СТРУКТУРЫ СТАТЬИ

Сибирь гуманитарная. 2023. № 1. С. 42—54.

Siberia Humanitarian. 2023;(1):42—54.

Этнокультурное наследие

Научная статья

УДК (номер проставляет автор)

DOI: (номер проставляет редакция)

Этнокультурное наследие в современной России

Иван Сергеевич Сидоров¹, Игорь Павлович Петров²

¹ Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Новосибирск, Российская Федерация

² Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация

¹ kaf-polit@siu.ranepa.ru, <http://orcid.org/> (представляется автором)

² ipp86@mail.ru

Аннотация

Ключевые слова

Для цитирования: Сидоров И. С., Петров И. П. Этнокультурное наследие в современной России // Сибирь гуманитарная. 2023. № 1. С. 42—54. <https://doi.org/10.32324/2412-8945-2023-1-42-54>

Ethnocultural heritage of modern Russia

Ivan S. Sidorov¹, Igor P. Petrov²

¹ Novosibirsk National Research State University, Novosibirsk, Russian Federation

² Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation

¹ kaf-polit@siu.ranepa.ru, <http://orcid.org/>

² ipp86@mail.ru

Abstract

Keywords

For citation: Sidorov I.S., Petrov I.P. Ethnocultural heritage of modern Russia. *Siberia Humanitarian*. 2023;(1):42—54. (In Russ.). <https://doi.org/10.32324/2412-8945-2023-1-42-54>

ТЕКСТ СТАТЬИ

Список источников

References

Информация об авторах

Сидоров Иван Сергеевич — доктор политических наук, профессор, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: kaf-polit@siu.ranepa.ru

Петров Игорь Павлович — магистрант, Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: ipp86@mail.ru

Information about the authors

Ivan S. Sidorov — Doctor of Political Sciences, Professor, Novosibirsk National Research State University, Professor Faculty of Political science and Technology, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: kaf-polit@siu.ranepa.ru

Igor P. Petrov — master's student, Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: ipp86@mail.ru

Статья поступила в редакцию 00.00.2023; одобрена после рецензирования 00.00.2023; принята к публикации 00.00.2023.

The article was submitted 00.00.2023; approved after reviewing 00.00.2023; accepted for publication 00.00.2023.